

С.Г. КАРПЮК

**КЛИМАТ И ГЕОГРАФИЯ
В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ**

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ**

С.Г. Карпюк

**КЛИМАТ И ГЕОГРАФИЯ
В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ
(архаическая и классическая Греция)**

**Москва
2010**

УДК-94

ББК 63.3

К – 21

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор О.В. Сидорович,
кандидат исторических наук А.Б. Ванькова

Обложка А.С. Карпюк

Карпюк С.Г.

Климат и география в человеческом измерении
(архаическая и классическая Греция). М.: ИВИ
РАН, 2010. – 224 С.

В книге С.Г. Карпюка рассматривается восприятие древними греками климатических изменений, характеризуется климатический фон древнегреческой цивилизации. В исследовании также затрагиваются географические представления древних греков. Для специалистов-историков, а также для всех, интересующихся историей Древней Греции и историей климата Земли.

ISBN 978-5-94067-295-1

© Институт всеобщей истории РАН, 2010

© С.Г. Карпюк, 2010

**Жене Елене
и детям – Анне и Илье,
с благодарностью
за комфортный климат
и человеческое измерение**

Введение: история, климат и география^{*}

Какая причина может подвигнуть историка на включение климатических изменений в сферу своих профессиональных интересов? Климат — часть природной среды любой цивилизации, и климатические изменения неизбежно попадают в поле зрения не только климатологов, но и историков. Конечно же, глобальные климатические изменения оказывали и, возможно, оказывают влияние на историческое развитие человечества. И здесь

^{*} Работа была выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект 06-06-80078-а «Восприятие зимы и способы преодоления холодов древними греками в архаический и классический периоды (VIII–IV вв. до н.э.)». Различные части книги были обсуждены в Санкт-Петербургском государственном университете 25 апреля 2006 г. на конференции «Античное общество – VIII: Феномен глобализма в античном мире» и в Москве 15 мая 2006 г. на кафедре античной культуры РГГУ в рамках семинара «Современные проблемы антиковедения», а также на конференции «Античность и современность» в Москве (сентябрь 2007 г.), посвященной памяти двух выдающихся французских ученых – Жана-Пьера Вернана и Пьера Видаль-Накэ. Автор выражает признательность коллегам за участие в обсуждении и ценные замечания. Выражаю также глубокую признательность Дж. Кэмпу, директору раскопок на агоре Американской школы классических исследований в Афинах, за консультацию и за возможность работать в библиотеке Школы. Выражаю глубокую признательность Дому наук о человеке (Париж) за возможность работать в Библиотеке Жерне–Глотц, а также Морису Эмару и Франсуа Артогу.

исторические (или псевдоисторические) обобщения кажутся уместными и иногда оказываются востребованными. Хотя история ни в древности, ни в современности не претендовала на роль «царицы наук», разве что «учительницы жизни», однако гордыня генерализации, *űbric* обобщения событий прошлого историкам все-таки присущ. Непонятно же существует такое понятие, как «вспомогательные исторические дисциплины». Историк-античник находится в комфортных условиях: археологи выкапывают, эпиграфисты и папирологи прочитывают, филологи-классики издают, переводят и комментируют тексты, а исполненные высоких мыслей историки используют препарированные и подготовленные исторические источники для реконструкции событий или даже, страшно сказать, воссоздания целостной картины прошлого.

Однако и сама история может — в некоторых случаях — выступать как вспомогательная дисциплина, и историк вполне в состоянии собирать сведения, к примеру, о климате и климатических явлениях прошедших эпох, а затем предоставлять их в распоряжение климатологов, которые используют их для реконструкции климата. Причем делать это должны именно историки, которые могут квалифицированно анализировать исторические источники, а не использовать их иллюстративно, для «доказательства» предвзятых идей.

К тому же отношение к климату, восприятие климатических условий людьми — одни из важнейших параметров любой цивилизации, неотъемлемая часть «истории повседневности», той самой «истории тривиальности», без изучения ко-

торой невозможно воссоздание целостной картины прошлого.

Что касается климата древней Греции, то он и недостаточно изучен, и недостаточно учитывается историками при реконструкции событий прошлого. В научной и учебной литературе распространены несколько предубеждений, которым, по моему убеждению, следует противостоять.

1. Климат древней Греции обычно излишне идеализируют. К примеру, вот что писал о нем немецкий ученый конца XIX в. Герман Вейс: «Климат, суровый в гористых местностях, на большей части территории умеренный: зной, смягчаемый морским бризом, редко бывает томительным даже на юге полуострова. Воздух необыкновенно чист и прозрачен. Такие климатические условия не могли не повлиять благотворно на древнейшее население Греции и не побудить его к деятельности»¹. И в современных пособиях содержится некая обобщенно-положительная характеристика древнегреческого климата, зимний период часто не рассматривается².

Конечно, как для древней, так и для современной Греции характерен достаточно комфортный средиземноморский климат, похожий, к примеру, на испанский или калифорнийский, с сухим летом и достаточно теплой, но влажной зимой. С точки зрения современного туриста, «Греция –

¹ Вейс Г. История культуры народов мира. Древняя Греция. Истоки европейской цивилизации. М., 2005. С. 3.

² См., например: *Werner P. Life in Greece in Ancient Times*. Fribourg, 1977 (нет ничего ни о зимней одежде, ни об обогреве жилищ).

страна ленивых дней под палящим летним солнцем на морском берегу и активных дней мягкого тепла южной зимы»³. С научной точки зрения, основные характеристики средиземноморского климата следующие (согласно Ашману – Салларесу): 1) достаточное количество дождей для осуществления успешного земледелия без искусственного орошения в большинстве лет, но недостаточное для поддержания либо густых хвойных, либо широколиственных листопадных лесов; 2) мягкие зимы без интенсивных и продолжительных периодов холодной погоды; 3) по меньшей мере 65% от всех осадков выпадает в зимнюю половину года, при отчетливом сухом сезоне в течение лета⁴. Часто средиземноморский климат определяют описательно, как характерный для областей, пригодных для произрастания оливкового дерева и виноградной лозы.

Средиземноморский климат тем не менее вполне совместим с зимними холодами, правда, кратковременными. «Мороз и снег редки, но существенны: оливковые деревья не могут произрастать в лощинах, где собирается холодный воздух»⁵. Еще Геродот в египетском логосе писал о том, что снег не может идти дольше пяти дней подряд, а затем обязательно переходит в дождь (II. 22). Даже для современного климата Средней Греции характерны минусовые температуры зимой:

³ *Rackham O. Climate // Encyclopedia of Ancient Greece / Ed. N. Wilson. N. Y. – L., 2006. P. 173.*

⁴ *Sallares R. The Ecology of the Ancient World. L., 1991. P. 390.*

⁵ *Rackham O. Climate. P. 173.*

об этом свидетельствуют данные метеорологических наблюдений Афинской обсерватории. Сильные снегопады являются редким, хотя и не уникальным явлением для этих широт: достаточно вспомнить знаменитый афинский снегопад начала января 2002 г., когда выпало около 40 см снега, и премьер-министр Греции Костас Симитис объявил чрезвычайное положение (современные греки не могут переносить холод) (см. табл. 1). Среднесуточная температура в Афинах (37°58'N) в январе–феврале не превышает 10°C, а в наиболее холодные годы 7°C (данные 50–70-х годов XX в.), абсолютные минимумы: -3,7°C (для декабря), -4,4°C (для января), - 5,7°C (для февраля)⁶ (см. табл. 2, 3).

2. Климат древней Греции неоправданно отождествляют (или приравнивают) к климату современной Греции. Из книги в книгу уже почти век кочует утверждение, что климат классической Греции соответствует современному⁷. Оно основывается на сравнении наблюдений греческого метеоролога Эгинитиса со сроками цветения растений, описанных в ботанических трактатах Феофраста, относящихся примерно к 300 г. до н.э.⁸

⁶ Müller M. Handbuch ausgewählter Klimastationen der Erde. Universität Trier. Forschungsstelle Bodenerosion. 1983.

⁷ См., например: Phillipson A. Das Klima Griechenlands. Bonn, 1948; Aymard A. // REA. 1951. Т. 53. № 1–2. Р. 127.

⁸ «Среди историков древности существует согласие о том, что климат Греции V и IV вв. до н.э. виртуально идентичен современному климату. Это заключение в основном основывается на распространении и поведении различных видов растений, описанных Феофра-

Они совпали. Но ведь двухтомник Эгинитиса был опубликован в 1907–1908 гг. и основывался на наблюдениях предыдущих десятилетий⁹. А климат конца XIX в. значительно отличается от климата начала XXI в. Известные английские археологи Энтони Снодграсс и Оливер Рэкхем ввели понятие «вчерашней Греция» (*Greece of Yesterday*), используемое для описания ландшафта¹⁰. Но «вчерашним» может быть не только ландшафт, но и климат. Климат классической Греции был близок климату конца XIX в. («вчерашнему»); следует только учитывать, что в это время в Европе был один из пиков так называемого «малого ледникового периода», а климат современной Греции значительно теплее.

О том, что климат древней Греции был холоднее современного, свидетельствуют как естественнонаучные данные, так и свидетельства античных авторов. В ледниковый период, до 14 тыс. лет назад, климат Греции был значительно суше и холоднее, чем сейчас. Изменения в направлении климатических условий, более или менее похожие на современные, начинаются в V тысячелетии до

стом. Эгинитис пришел к заключению, что средняя температура около 300 г. до н.э., во время Феофраста, соответствовала современным значениям» (*Sallares R. The Ecology of the Ancient World. P. 391*).

⁹ См. *Aymard A. Op. cit. P. 126*.

¹⁰ *Snodgrass A. An Archaeology of Greece. Berkeley, 1987; Rackham O. Ancient Landscapes // The Greek City from Homer to Alexander / Ed. O. Murray, S. Price. Oxf., 1990. P. 87–92.*

н.э. и заканчиваются в бронзовом веке¹¹ (см. табл. 4). Историки климата, оперирующие результатами дендрохронологии, бурения ледников, исследования пыльцы древних растений, повышения и понижения уровня морей и внутренних водоемов, единодушны в том, что начало и середина I тысячелетия до н.э. – период похолодания (точнее, нескольких похолоданий), наиболее сильных в Северном полушарии за последние 10 тысяч лет, причем они даже несколько более существенны, чем знаменитый «малый ледниковый период» в Европе, продолжавшийся примерно с XIV по начало XX вв. н.э. Для Греции и Северного Причерноморья эти аномалии колебались между -0,5° и -1°С зимой¹² и между -1° и -2°С летом¹³.

В специальной научной литературе давно утвердился термин «потепление римского времени», что означает превышение современного уровня средних температур в период между I в. до н.э. и III в. н.э. С полным основанием можно говорить также и о холодном климатическом фоне древнегреческой цивилизации, имея в виду архаический и классический периоды ее развития.

3. При реконструкции климата древних эпох многие ученые, стремясь построить стройные научные концепции, легко поддавались и подда-

¹¹ Rackham O. Climate. P. 173–174.

¹² Клименко В.В. Холодный климат ранней субатлантической эпохи в Северном полушарии. М., 2004. Рис. 7.

¹³ Там же. Рис. 6.

ются «соблазну циклизма»¹⁴, стремясь определить период повторяющихся климатических колебаний. Из последних подобных построений следует отметить гипотезу В.В. Клименко (2400 лет)¹⁵, а также Мони́на – Берестова (1600 лет)¹⁶. Другие ученые (Филлипсон, Андре Эмар и Ле Руа Ладюри) выступали против подобного подхода, но по разным побудительным причинам (первые двое утверждали, что климат с античных времен не изменился)¹⁷. Климатический детерминизм некоторых исследователей носит односторонний характер и далек от объективности: климат – лишь один, причем далеко не самый главный, фактор исторического развития (см. ниже). Реконструкции климатологов иногда сомнительны и базируются на недоказанных допущениях. К тому климатические колебания в период античности были не настолько катастрофичными, достаточно постепенными; они не слишком впечатляют на фоне современных климатических изменений.

Еще одна важная деталь: интерпретация сведений о климате, сообщаемых древними авторами, должна быть весьма осторожной и всесторонней. Можно привести близкий по хронологии

¹⁴ По выражению французского исследователя, «демону цикломании» (*Ле Руа Ладюри Э.* История климата с 1000 года. Л., 1971. С. 15).

¹⁵ *Клименко В.В.* О главных климатических ритмах голоцена // Доклады РАН. 1997. Т. 357. № 3. С. 399–402.

¹⁶ *Монин А.С., Берестов А.А.* Новое о климате // Вестник РАН. 2005. Т. 75. № 2. С. 130.

¹⁷ *Ле Руа Ладюри Э.* История климата с 1000 года. С. 16 сл.

пример из древнеримской истории. Овидий, оказавшийся в начале нашей эры в ссылке в Томах, на западном побережье Черного моря, с экспрессией умолял Августа: «Если ты, как я прошу, сошлешь меня в менее суровое и более близкое место, то наказание мое станет гораздо легче... И хотя других ты изгнал за более серьезные преступления, никому не достался более отдаленный край, чем мне. Дальше него уже нет ничего, кроме холода, врагов и морской волны, скованной морозом» (Ovid. Trist. II. 185–196, пер. А.В. Подосинова)¹⁸. На этом основании некоторые авторы даже строили гипотезы о похолодании в Причерноморье¹⁹. Однако, как справедливо отмечает А.В. Подосинов, «Все описания, связанные с новым местом пребывания поэта, служат одной цели: доказать, что на земле нет более ужасного места, более холодной зимы, более диких людей и т.д., с тем, чтобы вызвать сострадание у друзей и покровителей в Риме... Поэтому часто бывает трудно судить, насколько достоверна информация поэта относительно реалий местной обстановки в Томах»²⁰. Климат западного побережья Черного моря, если и отличался от климата Средней Италии, то не принципиально, и сочинения Овидия не дают однозначного подтверждения похолодания в эпоху ранней Римской империи.

¹⁸ Ср. Ovid. Trist. III. 10. 9–50; V. 10. 1–2 и т.п.

¹⁹ Например, Бучинский И.Е. О климате... С. 34, 46.

²⁰ Подосинов А.В. Произведения Овидия как источник по истории Восточной Европы и Закавказья. Тексты, перевод, комментарий. М., 1985. С. 167.

Итак, проблема восприятия климата мало разработана в современном антиковедении, и то же самое (с некоторыми оговорками) можно сказать и о проблеме восприятия островов и островной жизни древними греками. Конечно, осознание важности островной жизни для греков очевидно для серьезных исследователей – к примеру, статья Саймона Хорнблауэра в «Оксфордском словаре классических древностей» начинается словами: «Острова были и остаются одной из наиболее очевидных реалий греческой жизни»²¹. Однако совпало ли восприятие греками островов с реальной (или формальной) географической номенклатурой? Насколько их «политическая» география отличалась от физической? Эти вопросы попытаюсь рассмотреть в завершающих главах моей книги.

²¹ *Hornblower S. Islands // The Oxford Classical Dictionary* / Ed. S. Hornblower, A. Spawforth. 3rd ed. Oxford, 1996. P. 769.

І. Климат по естественнонаучным и историческим данным: критика работ В.В. Клименко

Еще столетие назад, в начале XX в., большинство ученых не сомневались, что в течение «исторического» периода развития человечества, т.е. в течение последних пяти тысяч лет, климатические условия были в общем и целом неизменными. Климат рассматривался как константа, на фоне которого происходило развитие цивилизации¹. Затем наступила реакция, причем достаточно резкая. Работы Э. Хантингтона пропагандировали идеи климатического детерминизма², что в какой-то мере скомпрометировало саму возможность рассмотрения историками влияние климата на общественное развитие. И только в 50–60-е годы XX в. стали появляться работы исследователей, которые стали обращать серьезное внимание на влияние климатических изменений на историческое развитие на примере европейского средневековья и раннего Нового времени (Густав Уттерстром, Фернан Бродель, Эмманюэль Ле Руа Ладюри)³.

¹ *Lamb H.H., Ingram M.J.* Climate and History // Past and Present. 1980. No. 88. P. 136.

² *Huntington E.* Changes of Climate and History // American Historical Review. 1913. Vol. 18. No. 2. P. 213–232; *idem.* Civilization and Climate. New Haven – London, 1915.

³ *Utterström G.* Climatic Fluctuations and Population Problems in Early Modern History // Scandinavian Economic History Review. 1955. 3. P. 3–47; *Бродель Ф.* Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Фи-

Наибольшее влияние на развитие исторической климатологии имела, пожалуй, последняя из перечисленных работ: он смог в какой-то степени формализовать поставленную ранее проблему влияния климата на исторический процесс. Однако многие понятия, в том числе даже такое известное, как «малый ледниковый период», оставались недостаточно формализованными и применялись исследователями в различных значениях.

В конце 70 – начале 80-х годов произошел новый всплеск интереса к проблеме влияние климата на историческое развитие, связанный, очевидно, с первыми признаками глобального потепления⁴. Внимание ученых все больше и больше стали привлекать не только естественнонаучные, но и документальные свидетельства динамики климата (это касалось, прежде всего, средневековой и новой истории стран Западной Европы). Утверждается разделение документальных свидетельств на два типа: 1) непосредственные наблюдения метеорологических событий и 2) наблюдения над феноменами, связанными с погодой и изменениями климата (урожайностью, ценами на продукты питания и т.п.)⁵.

Большой резонанс в научном сообществе в конце XX в. вызвали работы английского исследователя Роберта Саллареса (не-историка по образо-

липпа П. Ч. 1: Роль среды. М., 2002; *Ле Руа Ладюри Э.* История климата.

⁴ *Lamb H.H., Ingram M.J.* Climate and History. P. 136–141.

⁵ *Herlihy D.* Climate and Documentary Sources: A Comment // *Journal of Interdisciplinary History*. 1980. Vol. 10. No. 4. P. 713–717; особенно p. 714.

ванию), особенно его монография «Экология древнего мира»⁶.

Если западные историки только спорадически обращали внимание на климатические изменения, то в отечественной историографии подобного рода исследования почти полностью отсутствовали. Исключением можно считать разве что работы Л.Н. Гумилева, в которых заметно влияние климатического детерминизма.

В проведенном в середине 90-х годов XX в. на страницах журнала «Вестник древней истории» круглом столе «Древний мир: проблемы экологии», в котором приняли участие известные российские и зарубежные ученые (Ю.В. Андреев, А.А. Вигасин, О. Меррей, М. Пьерар, Р. Салларес и другие), затрагивались и проблемы климатических изменений в древности.

Тем более важным было появление серии работ российского ученого В.В. Клименко, посвященного естественнонаучным аспектам климатических изменений в эпоху существования цивилизаций древности. Подробный разбор недавно вышедшей книги⁷, а также серии статей В.В. Клименко⁸, в которых рассматриваются про-

⁶ *Sallares R.* The Ecology of the Ancient World. L., 1991.

⁷ *Клименко В.В.* Холодный климат ранней субатлантической эпохи в Северном полушарии. М.: Издательство МЭИ, 2004.

⁸ *Клименко В.В.* О главных климатических ритмах голоцена // Доклады РАН. 1997. Т. 357. № 3. С. 399–402; *он же.* Климат и история в эпоху первых Высоких культур (3500–500 гг. до н.э.) // Восток. 1998. № 4. С. 5–24; *он же.* Климат и история от Конфуция до Му-

блемы колебаний климата и их влияние на развитие человечества, вызван как их научным значением, так и влиянием подобных взглядов на ученое сообщество (не только и не столько на историков).

Конечно, мы не в состоянии квалифицированно оценить применяемые В.В. Клименко естественнонаучные методы реконструкции. Однако, поскольку сам исследователь неоднократно признает крайне важное значение письменных источников для реконструкции климата в древности⁹, мы вправе дать собственную оценку сообщений древних авторов по поводу климата.

Свою точку зрения В.В. Клименко в обобщенном виде выразил в статье «О главных климатических ритмах голоцена»¹⁰: «Известно, что климат подвержен квазипериодическим колебаниям... В то же время мало известно о циклах порядка 10^3 лет, которые, если они действительно существуют, могут решающим образом повлиять на интерпретацию климатических наблюдений последних полутора столетий и на ход климатической истории ближайших веков». Экстремумы регулярного ес-

хаммада // Восток. 2000. № 1. С. 5–31. *он же*. О главных климатических ритмах голоцена // Доклады РАН. 1997. Т. 357. № 3. С. 399–402; *он же*. Климат и история в эпоху первых Высоких культур (3500–500 гг. до н.э.) // Восток. 1998. № 4. С. 5–24; *он же*. Климат и история от Конфуция до Мухаммада // Восток. 2000. № 1. С. 5–31.

⁹ *Он же*. Холодный климат ранней субатлантической эпохи в Северном полушарии. М., 2004. С. 7, 9, 14–15, 20–21, 35 и т.п.

¹⁰ *Он же*. О главных климатических ритмах голоцена // Доклады РАН. 1997. Т. 357. № 3. С. 399–402.

тественного цикла (т.е. максимум потепления) наблюдались в раннем средневековье (VIII–XIII вв.) и в эпоху Римской империи (I в. до н.э. – III в. н.э.). «Таким образом, задача исследования тысячелетних циклов приобретает необычайный научный и практический интерес» (с. 399). По мнению автора, по Северному полушарию наблюдается абсолютное доминирование примерно 2400-летнего цикла, но выявляются еще четыре гармонии – примерно 1100, 850, 640 и 500 лет (с. 400). 2400-летний цикл имеет солнечное происхождение (с. 401). Сразу следует отметить, что уже в этом докладе проявляется тот самый «демон цикломании»¹¹, который присущ многим специалистам по климату, и выражается он прежде всего в стремлении найти циклические закономерности, построить математическую модель и экстраполировать ее результаты на грядущие эпохи. Попытки подобного рода предпринимались и раньше и встретили обоснованные возражения как историков климата, так и собственно историков¹².

Конечно, невозможно не приветствовать стремление В.В. Клименко показать величину современных изменений климата на фоне прошедших эпох, что позволяет не драматизировать ны-

¹¹ Так назвал эту «профессиональную болезнь» климатологов известный французский исследователь Э. Ле Руа Ладюри (*Ле Руа Ладюри* Э. История климата с 1000 года / Пер. А.С. Чаплыгиной. Л., 1971. С. 15).

¹² «Первые историки климата не стремились изучать климат сам по себе, а стремились объяснить историю человечества условиями климата» (там же, с. 12). См. также: *Aymard A.* // REA. 1951. Т. 53. № 1–2. Р. 127.

нешние колебания климата: «Кривая *естественного* климата к началу XX в. достигает своего исторического минимума, самого глубокого за последние 5 тыс. лет, и это означает, что потепление XX столетия обусловлено в значительной мере короткопериодными, в первую очередь антропогенными, факторами и осуществляется на фоне явной тысячелетней тенденции естественного климата к похолоданию. Снижение температуры за счет влияния тысячелетних циклов составило более 1°C в течение последней тысячи лет, что вдвое превышает достигнутое в XX столетии повышение температуры» (с. 402).

Однако попытки автора создать «социоестественную историю», которые нашли наиболее яркое выражения в двух статьях в журнале «Восток», не столь очевидно успешны; специалист-историк может обнаружить в них много непонятного и сомнительного. Во вводном разделе статьи «Климат и история в эпоху первых Высоких культур (3500–500 гг. до н.э.)»¹³ В.В. Клименко четко определяет задачу, одновременно подготавливая и вывод своего исследования: «К настоящему времени естественные науки накопили достаточный объем знаний, чтобы снова попытаться ответить на один из вечных вопросов: является ли история человека результатом усилий разума, плодом божественного Провидения или же определяется и направляется движением естественных сил природы, т.е. поведением Солнца и планет потоками космического излучения, вулканической и текто-

¹³ Клименко В.В. Климат и история в эпоху первых Высоких культур. С. 5–24.

нической деятельностью, состоянием атмосферы и океана, колебаниями климата» (с. 5). Для доказательства этого тезиса автор берет хронологическую таблицу из «Атласа всемирной истории»¹⁴ и сравнивает ее с колебаниями климата (табл. 1). В.В. Клименко все-таки допускает некоторые сложности, которые ему предстоит преодолеть: «Я отдаю себе отчет в том, что построение универсальной хронологической таблицы всемирной истории, безупречной с точки зрения любого эксперта в области региональной истории, конечно, невозможно» (с. 6). Поэтому строится другая таблица (табл. 2), в которой даны хронологические уточнения со ссылкой на авторитет известных российских ученых-востоковедов.

Автор утверждает, что в период между 3500 и 500 годами до н.э. происходили резкие климатические колебания, причем региональные и сезонные изменения могли превышать среднеполушарные значения в семь-восемь раз; в рассматриваемый период амплитуда колебаний региональных среднесезонных температур могла достигать 10°C, а колебания количества осадков – до 300 мм в год (с. 6). «Таким образом, эпоха ранних цивилизаций характеризуется столь значительными изменениями климата, что они, несомненно, должны были повлиять на все без исключения аспекты человеческой деятельности» (с. 7).

В.В. Клименко отмечает, что повышение среднеглобальной температуры в целом связано с увеличением осадков. Но эта закономерность про-

¹⁴ The Times Atlas of World History / Ed. G. Barraclough. L., 1994.

является не повсеместно: с потеплением произошло уменьшение количества осадков в Малой Азии, на Ближнем Востоке, Армении и части Иранского нагорья. Вообще, согласно подсчетам автора, потепление XX столетия по своей величине (0,6°C для Северного полушария) соответствует масштабу климатических колебаний в эпоху ранних цивилизаций (с. 7). В таблице 1 (с. 8 слл.) показано, что культурные и технологические прорывы в древнейший период развития цивилизаций связаны именно с ухудшением климатических условий (причем не только с похолоданием, но иногда и с потеплением). При подобных допущениях интерпретация исторических событий в нужном для автора ключе вполне возможна.

В.В. Клименко очень высоко оценивает концепцию «осевого времени» Карла Ясперса, согласно которой период примерно между 800 и 400 годами до н.э. однозначно интерпретируется как время наивысшего взлета человеческого интеллекта, поскольку она якобы подтверждает его собственную теорию: «Поразительно, и это уже совсем не похоже на совпадение, но все эпохи могучих культурных импульсов в климатическом отношении являются эпизодами больших и малых глобальных похолоданий, причем “осевое время” – эпоха самого сильного за последние 5 тыс. лет похолодания» (с. 18).

Особенно уязвимы реконструкции В.В. Клименко, в которых он интерпретирует конкретные события «региональной» истории. Так, отмечается, что после 800 г. до н.э. похолодание приходит и на Балканский полуостров. «И теперь

уже жители недавно благодатных Эвбеи, Аттики и Беотии должны искать нового счастья вдали от родных берегов» (с. 19). Общеизвестно, что жители Аттики и Беотии не принимали сколько-нибудь значительного участия в переселенческом движении эпохи Великой греческой колонизации; конечно, засуха VIII в. до н.э. могла способствовать этому процессу, но неужели дело только в изменении климата?

Похоже, автор в этой статье стремится защитить позицию жесткого климатического детерминизма. Его общий вывод следующий: «В эпохи локального ухудшения климата (похолодание, или уменьшение числа осадков, или и то и другое) доминирующими оказываются тенденции к объединению племен и народов, массовым переселениям, образованию новых государств. В эти же времена происходит необычайное обострение человеческого разума и интеллекта, осуществляются невиданные доселе культурные и технологические прорывы. Эпохи улучшения климата оставляют совсем мало следов в истории – им сопутствуют лишь ослабление централизованной власти, внешне беспричинное обострение внутренних противоречий, распад веками существовавших государств, крушение империй. Не будет преувеличением сказать, что эпохи потепления с их материальным благополучием являются одновременно эпохами интеллектуальной и духовной деградации» (с. 21). С этим выводом связан и прогноз будущего развития человечества: «Учитывая масштаб и продолжительность предстоящего потепления, можно предположить, что борьба духовного и светского начал

достигнет в ближайшее десятилетие необыкновенного накала» (с. 23).

Конечно, мне трудно спорить с автором о прогнозах развития человечества, однако сразу же бросается в глаза некая натянутость гипотезы о том, что культурные взлеты и социально-политический прогресс связан именно с эпохами похолодания. Совершенно объяснимо в этой связи его молчание об интеллектуальных и научных достижениях, религиозных озарениях, которые относятся к эпохе эллинизма или Рима: ведь они приходится на эпоху потепления и совсем не вписываются в концепцию автора. Впрочем, эти периоды человеческой истории рассматриваются в статье «Климат и история от Конфуция до Мухаммада»¹⁵. В ней В.В. Клименко признает положительную роль дискуссии «Древний мир: проблемы экологии» на страницах ВДИ, но при этом автор отмечает, что климат – это центральное звено экологии (с. 5). При прочтении статей из этой дискуссии «незаинтересованный читатель должен испытывать чувства неодолимой тоски и замешательства», поскольку не представляется возможность для систематизации данных. Понятно, почему статьи историков и археологов не могли устроить В.В. Клименко; в них рассматриваются климатические изменения и делаются попытки анализировать их влияние на развитие человеческого общества, но нет стремления однозначно связать глобальные изменения климата с глобальными изменениями в истории человечества.

¹⁵ *Клименко В.В.* Климат и история от Конфуция до Мухаммада. С. 5–31.

По мнению автора, «...реальная картина колебаний климата... все-таки подчиняется довольно строгим, хотя совершенно неочевидным и непростым закономерностям» (с. 6). И далее: «Проведение более детальных исследований на региональном уровне... дает новые удивительные подтверждения несомненных казуальных связей между состоянием геосфер планеты, обобщенным индикатором которого является климат, и человеческого сообщества. Суммируя результаты проведенных исследований, можно в целом заключить, что в эпохи локального ухудшения климата (уменьшения среднегодовой температуры, или снижения количества осадков, или и того, и другого) доминирующими оказываются тенденции к объединению племен и народов, массовым переселениям, образованию новых государств. В эти же времена происходит чрезвычайное обострение человеческого разума и интеллекта, осуществляются невиданные доселе культурные и технологические прорывы, духовные свершения. Эпохи улучшения климата оставляют в истории совсем другие следы – им соответствуют ослабление централизованной власти, внешне беспричинное обострение внутренних противоречий, распад веками существовавших государств, крушение империй. Не будет преувеличением сказать, что эпохи потепления с их сравнительным материальным благополучием являются одновременно эпохами интеллектуальной и духовной стагнации» (с. 6).

Эта длинная цитата приводится не случайно, потому что в ней четко выражены главные идеи автора: 1) климатический детерминизм, т.е.

определяющее влияние климата на развитие человеческой истории; 2) ухудшение климата (прежде всего похолодание) является причиной политического и культурного прогресса, а улучшение климата (прежде всего, потепление) – вызывает, напротив, культурный застой и ведет к гражданским войнам.

На рис. 1 автор дает реконструкцию среднегодовой температуры Северного полушария в V в. до н.э. – VIII в. н.э.¹⁶ Температура отсчитана в разности от средней за 1951–1980 годы величины. Согласно таблице, примерно от 800 г. до середины V в. до н.э. температура стремительно возрастает (примерно с $-0,7^{\circ}$ до $-0,1^{\circ}$), затем, около 400 г. до н.э. – похолодание до $-0,3^{\circ}$, потепление к середине IV в. до 0° , затем снова похолодание до $-0,3^{\circ}$ около 100 г. до н.э., затем потепление римского времени ($+0,1^{\circ}$ около рубежа эр и $+0,2^{\circ}$ около 100 г. н.э., а между ними небольшое похолодание до $-0,15^{\circ}$ (с. 8, рис. 1). В целом приведенные автором палеоклиматические данные вполне соответствуют общеизвестным сведениям о колебаниях климата в древности, разве что более детализированы.

В.В. Клименко придает большое значение именно историческим свидетельствам: «В настоящее время исторические документальные свидетельства являются одним из основных источников

¹⁶ В.В. Клименко выделяет собственные данные, пересчитанные из радиоуглеродной в календарную шкалу времени, а также детализированные данные. В дальнейшем используются именно детализированные данные, отражающие колебания климата по десятилетиям и поэтому не всегда точные.

климатической информации за последнюю тысячу лет, для которой их количество и достоверность удовлетворяют самым строгим критериям статистического и исторического анализов. Для более раннего периода времени, изучаемого в настоящей работе, сохранились лишь разрозненные документальные свидетельства, которые, с одной стороны, безусловно, не могут быть положены в основу *глобальных* (курсив автора. – С.К.) климатических реконструкций, но с другой – сохраняют свое значение как метод верификации реконструкций, построенных на основе косвенных данных. В этом качестве исторические свидетельства призваны играть выдающуюся роль, поскольку они обладают точностью датировки (один–два года), недоступной другим способам исследования. Отсюда следует разумное требование, что исторические свидетельства должны создавать цельную непротиворечивую картину с данными косвенных реконструкций и, в частности, с результатами, показанными на рис. 1. К счастью, это требование почти всегда выполняется для довольно большого количества разнообразных свидетельств, которыми располагает современная историческая климатология и часть которых приведена ниже с соблюдением примерной хронологической последовательности» (с. 9). Оптимизму автора и вере в возможность интерпретации исторических источников можно только позавидовать.

Автор отмечает, что в IV в. до н.э. и II в. н.э. фиксировались наиболее высокие, а в V и I веках до н.э. – наиболее низкие температуры в течение исследованного периода и проводит сопостав-

ление климатических данных со статистическими сведениями о кораблекрушениях в Средиземном море в античную эпоху (с. 10). К этому добавляются сведения о путешествии Пифея в северные моря и данные Ливия Андроника о холодном климате Италии (с. 10). Со ссылкой на израильского ученого Дж. Ноймана приводится сообщение Анатолийского агентства о том, что в августе 1989 г. неподалеку от г. Кайсери (бывшая Цезарея Каппадокийская) в результате схода льда на вершине горы Эрджияс (3916 м над уровнем моря) обнаружены остатки римского храма, вырубленного в скалах. «Храм датируется началом христианской эры и свидетельствует о более теплом климате этой эпохи по сравнению с серединой XX столетия» (с. 11). Конечно, климат римской эпохи был более теплым, но альпинизм – это все-таки придумка Нового времени, античный храм на высоте почти 4 тыс. метров (напомню, что гора Олимп в Греции – на 1 тыс. метров ниже) – нечто из области фантастики. За этим следует довольно тривиальный и никем не оспариваемый вывод: «Представленная на рис. 1 история изменения температуры Северного полушария хорошо согласуется со всеми представленными историческими свидетельствами и ясно демонстрирует, что климат в исследуемый в настоящей работе период испытывал значительные колебания: от чрезвычайно холодной эпохи железного века к теплой и влажной эпохе римского времени, а затем к последующему новому похолоданию времен великого переселения народов, однако менее значительному, чем предыдущее» (с. 13).

В.В. Клименко делает существенную оговорку, что климатические изменения в некоторых областях могут принципиально отличаться от глобальных. «Данные палеоклиматических реконструкций, а также современных инструментальных наблюдений свидетельствуют о том, что небольшие (до 1–1,5°C) глобальные потепления сопровождаются гораздо более значительным потеплением в умеренных и высоких широтах (до 2–3°C) и **похолоданием** (выделено автором. – С.К.) (на несколько десятых градуса) в обширных южно-субтропических и тропических областях, расположенных к югу от примерно 40° с. ш. При глобальном похолодании картина меняется на противоположную» (с. 13). Подобная оговорка ставит под сомнение саму возможность построения климатических реконструкций для большей части Средиземноморья: Афины, к примеру, расположены на 37° 58' с. ш. Более того, этой оговоркой В.В. Клименко фактически признает гипотетичность предложенных им палеоклиматических реконструкций.

Далее автор утверждает: «Середина I тыс. до н.э., включая V в., – эпоха самого сильного за последние 5 тыс. лет похолодания и одновременно, завершающий этап так называемого “осевого времени”... Это же столетие явилось свидетелем необычайного расцвета греческой классической культуры, охватившей все стороны – от поэзии и театра до науки и философии» (с. 14). Возразить нечего, можно только добавить, что расцвет греческой культуры и философии в особенности продолжался и в «теплую» половину IV в. до н.э.

Но автор тверд в своем намерении связать все культурные достижения исключительно с эпохами похолодания. По его мнению, уже следующее похолодание, наступившее вскоре после 330 г. до н.э., совпадает с великим периодом китайской философии и культуры. В это же самое время на другом краю ойкумены, в эллинистическом Египте создается самая большая в то время Александрийская библиотека, а при дворе Птолемеев возникает специальное учреждение для ученых (Мусейон); строится одно из «семи чудес света» – Александрийский маяк (с. 14–15).

Квинтэссенция влияния климата на историю выражена в табл. 2 «Сравнительная хронология климатических и исторических событий в эпоху возникновения мировых религий (V в. до н.э. – VII в. н.э.)» (с. 17–22). Однако, даже согласно данным этой таблицы, культурный расцвет древней Греции падает не только на холодный период и на небольшой период потепления (с. 17), а расцвет римской культуры – в основном на теплый период (с. 19). О чем это может свидетельствовать? Только о том, что климатические сдвиги не были определяющим фактором в развитии античной цивилизации.

Вообще подборка важнейших исторических событий, основанная на цитированном выше «Атласе всемирной истории “Таймс”», производит странное впечатление. Поэтому к этому основному источнику исторических сведений для В.В. Клименко стоит приглядеться повнимательней. К сожалению, мне было доступно лишь несколько более раннее издание данного исторического атла-

са¹⁷. Впрочем, не думаю, что различия между двумя изданиями были сколько-нибудь значительными. Как пишет во введении редактор «Атласа», одна из задач издания – установить баланс между историей Европы и вне Европы; цель – отказаться от европоцентризма, и даже сам Тойнби благословил этот атлас¹⁸. В составлении атласа «Таймс» принимали достаточно известные специалисты: в их числе Синклер Худ (Sinclair Hood), бывший директор Британской археологической школы в Афинах, и Вольфганг Либешютц (Wolfgang Liebeschuetz), специалист-классик из Лейстерского университета.

Это всё, конечно, хорошо. Беда в другом: атлас – это не научная выборка исторических событий, а субъективная их подборка. Беглый обзор упомянутых в атласе культурных достижений и технологических открытий показывает, что авторы (и редакторы!), стремясь втиснуть как можно больше значимых событий из разных частей ойкумены, вынуждены были делать жесткий отбор. Причем критерием подобного отбора вполне могли быть научные интересы авторов либо редакторов: не удивлюсь, если никто из них не интересовался историей эллинизма, когда (в период потепления!) были сделаны важные открытия и культурные достижения: можно напомнить хотя бы об Архимеде и Септуагинте (переводе Ветхого завета на греческий язык).

¹⁷ The Times Atlas of World History / Ed. G. Barraclough. Toronto etc., 1979.

¹⁸ Ibid. P. 13–14.

В.В. Клименко для сопоставления использует одну колонку синхронистической таблицы, в которой перечисляются «важнейшие культурные события (в самом широком смысле, которые охватывают не только музыку, изобразительное искусство и литературу, но также технологические инновации и научные открытия) во всех регионах мира»¹⁹. Действительно, в столбце «Культура и технология» перечислены события, относящиеся к архаическому, классическому и эллинистическому периодам древнегреческой цивилизации. Чтобы не показаться голословным, перечислю их все:

«776 – в Греции состоялись первые Олимпийские игры;
около 750 – впервые записаны «Илиада» Гомера и поэмы Гесиода;
около 650 – первые монеты в Лидии (Малая Азия) и в Греции (около 600 г.);
около 650 – возникновение лирической поэзии в Греции (Сапфо родилась около 612 г.);
585 – Фалес Милетский предсказывает солнечное затмение; начало рационалистической философии;
около 530 – деятельность Пифагора, математика и мистика;
около 500 – персы Ахеменидской эпохи приносят культурные растения (рис, персики, абрикосы в Западную Азию);
479–338 – период греческой классической культуры. Поэзия: Пиндар (518 – 438); театр: Эсхил (525 – 456), Софокл (496 – 406), Еврипид (480 – 406), Аристофан (около 440 [sic! – С.К.] – 385); история: Геродот (около 486 – 429), Фукидид (около 460 –

¹⁹ Ibid. P. 15.

400); медицина: Гиппократ (около 470 – 406); философия: Сократ (469 – 399), Платон (около 427 – 347), Аристотель (384 – 322); скульптура: Фидий (около 490 – 417), Пракситель (около 364); архитектура: Парфенон (446 – 431); 312/11 – начало Селевкидской эры, первой продолжающейся системы датировки в истории (first continuous historical dating-system); около 280 – основание Александрийской библиотеки»²⁰.

После этого в культурной жизни античности, очевидно, наступил долгий застой, сроком почти в 250 лет: следующее событие в этой сфере относится аж к 46 г. до н.э. – это реформа календаря, которую провел Юлий Цезарь²¹.

Возможно, впрочем, что именно результаты исторических реконструкций не удовлетворили В.В. Клименко, и его следующая достаточно объемная работа в этом направлении – рецензируемая монография «Холодный климат ранней субатлантической эпохи в Северном полушарии» (М., 2004) – в гораздо большей степени трактует вопросы, связанные с климатом, нежели проблемы влияния климатических сдвигов на развитие истории человечества. Сравнительно небольшая по объему, но весьма емкая по содержанию, книга В.В. Клименко состоит из предисловия, введения и пяти глав основного раздела, снабжена списком использованной литературы из 110 названий и приложением, в котором скрупулезно перечисляются палео-

²⁰ Ibid. P. 16–17.

²¹ Ibid. P. 18.

климатические данные, использованные для построения обобщенных реконструкций, и резюме на английском языке. На основании собранных данных, а также трудов предшественников автор составил десять палеоклиматических реконструкций Северного полушария (рис. 1–10)²².

В предисловии (с. 5–7) автор справедливо выступает против научного экстремизма, который выражается в постоянном внедрении в массовое сознание «катастрофических» сценариев климатических изменений. Опираясь на данные прошедших эпох, В.В. Клименко считает, что современные климатические процессы совсем не уникальны: «Чем больше появляется непосредственных свидетельств того, что мы действительно сейчас переживаем эпоху быстро меняющегося климата, тем больше возрастает роль палеоклиматических исследований, несущих достоверную информацию о **реальных** (выделено автором. – С.К.) масштабе и характере климатических изменений» (с. 5).

Автор отмечает, что хронологические рамки похолодания ранней субатлантической эпохи (Early Subatlantic Age, ESA) примерно соответствуют так называемого «осевому времени» Карла Ясперса – «...эпохе необычайного, непревзойденного до сих пор взлета человеческого интеллекта и духовности, оставившей яркие следы в истории всех частей света». Закономерность

²² В более сжатом виде взгляды и аргументы автора были опубликованы ранее: *Клименко В.В., Климанов В.А.* Холодный климат ранней субатлантической эпохи в Северном полушарии // Доклады РАН. 2003. Т. 391. № 3. С. 393–397.

подобного совпадения автор уже пытался подтвердить сравнительными историко-климатологическими исследованиями²³.

Однако В.В. Клименко признает, что «накопленная к настоящему времени палеоклиматическая информация, относящаяся к эпохе похолодания ESA, столь же обширна, сколь и противоречива» (с. 6). На основании доступных в настоящее время палеоклиматических сведений (палинологических, лимнологических, дендрохронологических, гляциологических, исторических и др.) и литературных данных из более чем 300 независимых источников автором была выполнена комплексная реконструкция климатических характеристик Северного полушария (среднегодовых, январских и июльских температур, среднегодового количества осадков) для максимума похолодания ранней субатлантической эпохи (IV–III вв. до н.э.). Установлено, что среднеполушарные аномалии температуры и максимум похолодания ESA были существенно ниже аномалий для самой холодной декады (1901–1910 гг.) в эпоху современных инструментальных наблюдений и находились на уровне самых холодных декад малого ледникового периода (XIV–XIX вв.) (с. 7).

Во введении (с. 8–12) В.В. Клименко дает общую картину сильного похолодания, которое произошло около двух с половиной лет назад. Покинутые примерно в этот период свайные поселе-

²³ *Клименко В.В.* Климат и история от Конфуция до Мухаммада. С. 5–31. Следует отметить, что в этой статье «климатический детерминизм» выражен значительно более отчетливо, чем в рецензируемой книге.

ния Центральной Европы – наиболее явные свидетельства изменения климата: известно, что уровень Боденского озера поднялся тогда на 9 м (с. 8–9). После этого автор переходит к обзору письменных источников (библейских и китайских), подтверждающих вполне доказанный естественнонаучными методами тезис о похолодании середины I тысячелетия до н.э. В числе других приводится и цитата из Книги Притчей Соломоновых: «Что прохлада от снега во время жатвы, то верный посол для посылающего его; он доставляет душе господина своего отраду» (Притчи 25: 13)²⁴. Далее следует комментарий автора: «Сейчас выпадение снега в Палестине в обычные для жатвы сроки, то есть в апреле–мае при среднемесячной температуре около 20°C могло бы почитаться как чудо – в середине же I тысячелетия до н.э. оно представляло собой явление, не вызывавшее как будто никакого удивления» (с. 9).

Хотя и нет указаний на то, что само слово «снег» в древнееврейском могло использоваться в переносном значении, для обозначения прохладительного напитка, холодной воды (как, например, в древнегреческом языке, где подобное употребление зафиксировано в текстах)²⁵, контекст скорее

²⁴ В переводе А.С. Десницкого, Е.Б. Рашковского и Е.Б. Смагиной: «Прохлада снега в разгар жатвы – таков для хозяина верный исполнитель, придаст он сил своему господину» (Притчи. Книга Экклезиаста. Книга Иова. М., 2000).

²⁵ Например, в «Воспоминаниях о Сократе» Ксенофонта (*Xen. Memorab.* II. 1. 30).

свидетельствует о переносном значении²⁶. Конечно, предложенная В.В. Клименко интерпретация источника возможна (хотя и небесспорна) и может подтверждать вывод о похолодании в I тысячелетии до н.э. Влияние ухудшения климата в этот исторический период заключалось, по мнению автора, также и в том, что «в недрах всех тогдашних высоких культур от Европы до Китая со временем выросли предания о Золотом веке, периоде чрезвычайно благоприятного климата и, как следствие, материального изобилия и идеального общественного устройства, отнятого у человека за совершенные им грехи» (с. 11). Не вдаваясь в углубленный анализ подобных преданий, можно все-таки задать вопрос: насколько в действительности синхронны предания о «золотом веке»? Наверное, стоит рассмотреть и другие причины их появления, связанные с развитием цивилизации.

Далее автор прокламирует настоящий манифест климатического детерминизма, который стоит привести дословно: «Вызов новых, более суровых климатических условий, более холодных в умеренных широтах и менее влажных – в субтропиках и тропиках, пробудил к жизни такие необычайные силы, что период похолодания ESA занял в истории человечества совершенно особое место, именуемое теперь “осевым временем”... Социальная история человечества на всем ее протяжении от эпохи неолита и, по крайней мере, до начала Нового времени была предельно климати-

²⁶ Можно указать еще на одно место из Притчей Соломоновых (26: 1): «Как снег среди лета, как дождь в пору жатвы, так и слава глупцу не пристала».

чески детерминирована. Обнаруживается замечательная синхронность климатических ритмов с циклами возникновения и распада государств, переселениями народов, завоевательными походами и культурными прорывами» (с. 11). И далее, уже затрагивая конкретные исторические события: «В этой связи детальная климатическая реконструкция холодной ранней субатлантической эпохи представляет особый интерес, поскольку с ее помощью мы можем рассчитывать, что правильное поймем причины, лежавшие в основе таких выдающихся исторических событий, как возникновение первой мировой религии, крушение ассирийской державы, эпоха “Борющихся царств” в Китае или создание и гибель великой империи персов» (с. 11–12).

Однако автор не считает задачей этой своей работы проследить влияние климата на исторические события, а ставит перед собой более узкие цели из области палеоклиматологии: 1) определение максимума похолодания ESA; 2) выяснение вопроса о том, носило ли субатлантическое похолодание глобальный характер; 3) выявление распределения аномалий температуры и осадков по разным географическим регионам Северного полушария. При этом автор подчеркивает, что середина I тысячелетия до н.э. (2500 радиоуглеродных лет назад) – всего лишь условный хронологический рубеж, отделяющий предпоследнюю (суббореальную) эпоху голоцена (последнедикового периода) от современной субатлантической эпохи. В действительности же в течение I тысячелетия до н.э. произошли два или три сильных похолодания

(с. 12). Таким образом, во введении ставятся четкие и понятные научные проблемы, изучению которых посвящена основная часть книги.

Глава первая «Проблемы идентификации ранней субатлантической эпохи» (с. 13–24) посвящена проблемам хронологии. В.В. Клименко признает, что расхождения при определении хронологических рубежей похолодания ESA значительны: «в основном они укладываются в диапазон радиоуглеродных датировок 2500–2200 л.н., которому в соответствии с современной версией калибровки отвечают календарные даты 650–280 гг. до н.э... Наиболее широко используемый радиоуглеродный метод именно в этом диапазоне страдает серьезными недостатками в результате того, что его калибровочная кривая местами становится пологой и неоднозначной» (с. 13). Более того: «В пределах интересующей нас эпохи радиоуглеродный метод может легко спутать время основания Рима с окончанием Пелопоннесской войны. Эти неустранимые особенности радиоуглеродного метода делают невозможным его применение для достаточно точной календарной датировки климатических экстремумов в середине I тыс. до н.э. Более того, продолжительность значительных эпизодов потепления или похолодания в голоцене составляет 100–200 лет, и, следовательно, при сходных значениях погрешности радиоуглеродный метод не в состоянии различить не только два соседних холодных эпизода, но и отличить смежный теплый эпизод от холодного» (с. 14). Таким образом, и автор это признает (с. 19),

метод радиоуглеродного датирования не слишком пригоден для изучения похолодания ESA.

«К счастью, — отмечает автор, — в последние 15–20 лет в палеоклиматологии развились методы, позволяющие обойти указанные затруднения и достичь реальной и весьма высокой точности датирования в несколько десятилетий в календарной шкале времени. Это стало возможно с расширением использования и совершенствованием техники гляциологического и дендрохронологического методов... и, наконец, комбинацией различных методов, например радиоизотопного с дендрохронологическим и историческим» (с. 14–15). Таким образом, автор утверждает, что «исторический» метод в совокупности с другими позволяет производить поразительно точную (несколько десятилетий!) датировку климатических изменений. К этому утверждению автора стоит еще вернуться.

По мнению автора, исследование динамики горного оледенения показало, что магическому рубежу 2500 «радиоуглеродных» лет назад, отделившему суббореальную эпоху от субатлантической, повсеместно сопутствовало не похолодание, а потепление (с. 15). Данные по ледникам Гренландии, севера Скандинавии и Тибета свидетельствуют: «...все три хронологии определенно указывают на заметное похолодание после 600 г. до н.э., относительное потепление продолжительностью 80–100 лет примерно между 450 и 350 гг. до н.э. и, наконец, на следующее, более сильное похолодание (данные по Тибету и Скандинавии вообще позволяют трактовать его как самое сильное в позднем голоцене) около 300 г. до н.э.» (с. 17). И

вывод: «Тщательное изучение наиболее точно датированного экспериментального материала (в общей сложности более 30 независимых исследований) позволяет нам характеризовать события ESA как асимметричный двойной холодный эпизод, в котором два этапа похолодания были разделены кратковременным потеплением примерно между 450 и 380 гг. до н.э. Из двух этапов похолодания наиболее значительным был второй, кульминации которого соответствует календарная датировка (280±50) гг. до н.э. В последней четверти III в. до н.э. вторая фаза похолодания окончилась и возобладала долговременная тенденция к потеплению, которое постепенно распространилось на все регионы Северного полушария и продлилось несколько столетий: оно известно из литературы под неофициальным названием «потепления римского времени» (с. 17–19). Автор делает важную оговорку о том, что «...все выводы, касающиеся границ и интенсивности потеплений и похолоданий, получены неизбежно косвенным путем». Поэтому очень важна дополнительная информация, которую дают «исторические, археологические и архивные источники». «Изучение таких источников составляет предмет недавно сформировавшейся дисциплины — исторической климатологии, достигшей за последние десятилетия значительных успехов» (с. 20). С подобными утверждениями автора невозможно не согласиться, хотя и не совсем понятно, в чем (для эпохи античности) заключается разница между «историческими» и «архивными» источниками.

В подтверждение своей гипотезы автор приводит наиболее любопытные свидетельства исторической климатологии: все портовые строения (в Неаполе, на Адриатическом и Эгейском морях, в Северной Африке и Крыму), датируемые примерно 500 годом до н.э., находятся теперь на глубине более 1 м под водой и указывают на более низкий уровень моря во времена их постройки. «Как известно, столь существенное падение уровня моря возможно только в эпоху глобальных похолоданий, когда значительные массы воды депонируются в континентальных ледовых покровах». В конце V в. уровень моря поднялся, следуя за глобальным потеплением, так что оказались под водой старые римские солеварни и порт перенесли в Остию, на 10 км вверх по течению реки (с. 20–21). Эти аргументы очень весомы и не оспариваются большинством исследователей, хотя и здесь можно найти слабое место, а именно: Фермопилы. Известно, что узкий Фермопильский проход между горами и морем служил для греков важным оборонительным рубежом в 480 г., во время нашествия Ксеркса. Сейчас этот проход значительно расширился, поскольку море отступило. То есть уровень моря в районе Фермопил, наоборот, понизился или же здесь позже произошли какие-то тектонические процессы (но ведь они могли произойти и в других местах!).

Рассматривая свидетельство Геродота (IV. 28) о суровости климата Крыма в первой половине V в., В.В. Клименко критикует точку зрения, согласно которой текст Геродота – результат неумеренного преувеличения южанином суровости

климата²⁷. «Выполненная нами реконструкция позволяет заключить, что продолжительность ледостава в районе Керченского полуострова в середине I тыс. до н.э. могла значительно превышать обычный для середины XX столетия трехмесячный срок» (с. 21).

Тот факт, что климат бассейна Черного моря в V в. до н.э. был более суровым, чем современный, – очевиден (хотя и сейчас сильные морозы бывают зимой и на южном берегу Крыма). Однако к свидетельству Геродота следует отнестись более внимательно. Не совсем ясно, когда Геродот был в Ольвии (в Крыму он не бывал никогда): уже в эпоху кратковременного потепления (т.е. после 450 г. до н.э.) или незадолго до этого. К тому же Геродот посетил северное побережье Черного моря летом и был там не более нескольких недель. Таким образом, о суровости зимних холодов он мог знать только от своих информаторов – местных греков. Во всяком случае, описание метелей в областях к северу от Скифии свидетельствует об этом (IV. 7). Преувеличение, намеренное нагнетание «экстремальных признаков» представляется вполне вероятным, тем более, что Геродот из Галикарнаса, что на юго-западе Малой Азии, был действительно по греческим меркам южанином и находил нужным специально объяснять в своем труде (IV. 31), что такое снег «перьями» (т.е. хлопьями).

²⁷ Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора в VI–IV вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР. 1984. М., 1985. С. 24.

Впрочем, в сочинениях многих древнегреческих авторов V–IV вв. до н.э. содержатся многочисленные свидетельства суровости климата: Эсхил и Аристофан упоминали замерзшие реки севера Греции, суровые зимы в начале Пелопоннесской войны описал Фукидид, а также Платон в диалоге «Пир», сильнейший снегопад в Афинах зимой 404/3 г. и суровые морозы во Фракии (вино замерзало) упоминает Ксенофонт соответственно в «Греческой истории» и «Анабасисе»²⁸, а Аристотель в «Метеорологике» (I. 12, 348b) описал подледный лов на Черном море (может быть, в лиманах?) как явление вполне обыденное. Поэтому сообщение Геродота нельзя воспринимать как уникальное. При этом письменные источники в целом не свидетельствуют о каком-то периоде более теплого климата между 450 и 380 годами; скорее можно говорить об общем холодном климатическом фоне архаического периода древнегреческой цивилизации (подробнее об этом см. ниже).

Сомнительность рассуждений автора относительно определения потеплений и похолоданий на малых временных отрезках подтверждает и описание странствия Пифея в конце IV в. до н.э. вплоть до Норвегии. В.В. Клименко сам высказывает изумление: как Пифей мог путешествовать так далеко на север в этот период максимального похолодания? Однако согласно проведенной автором реконструкции летних температур поверхно-

²⁸ См. подробнее: *Карпюк С.Г.* Снежные парасанги: зима и зимние холода в сочинениях Ксенофонта Афинского // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 5. СПб., 2006. С. 145–162.

стная температура воды в Гренландском и Норвежском морях была тогда выше современной и не могла служить препятствием для первого в истории человечества полярного плавания (с. 22–23).

В книге высказывается обоснованное утверждение о холодном климатическом фоне, на котором разворачивалась ранняя римская история: «По свидетельству одного из первых римских писателей, Ливия Андроника (280–204 гг. до н.э.), климат его эпохи отличался суровыми зимами, во время которых замерзал Тибр и снег лежал в течение многих дней. В это время в окрестностях Рима произрастали буковые леса, которые позже, к середине I в. до н.э., по свидетельству Плиния, стали считаться элементом холодолюбивой горной флоры... Наступившее в IV–III вв. похолодание было зарегистрировано не только в Средиземноморье, но и в Китае» (с. 23). По мнению В.В. Клименко, переход Ганнибала через Альпы осенью 218 г. стал неожиданным для римлян именно потому, что предшествующий этому длительный период похолодания приучил римлян к мысли о непроходимости в это время года находящихся на высоте свыше 2000 м альпийских перевалов (с. 23–24). Но альпийские перевалы и действительно оказались практически непроходимы в такое время года: ведь Ганнибал большую часть войска потерял. Карфагенского полководца (как и А.В. Суворова 2000 лет спустя) вел вперед не трезвый «климатический» расчет, а необходимость: все другие пути в Италию были надежно заблокированы римлянами.

В главе второй «Реконструкция годовых и сезонных температур ранней субатлантической

эпохи» делается попытка определить среднегодовые, июльские и январские температуры в максимум похолодания ESA и сравнить их с современными. Автор отмечает, что годовые и июльские температуры пика похолодания ранней субатлантической эпохи определяется с точностью $\pm 0,6^{\circ}\text{C}$, январские – с точностью $\pm 1^{\circ}\text{C}$, годовая сумма осадков – с точностью ± 25 мм (для Северной Евразии) (с. 27). В некоторых областях наблюдалось, впрочем, потепление: так, климат Китая в IV–III вв. до н.э. был теплым, теплее современного, однако там могло наблюдаться похолодание по сравнению с более благоприятным климатом предшествующего периода (с. 29–30).

По мнению автора, распределение аномалий температуры в ранний субатлантических период начинается самые холодные десятилетия инструментальных наблюдений. «Несомненно, что в раннюю субатлантическую эпоху в Северном полушарии преобладали отрицательные аномалии среднегодовой температуры, откуда следует, что среднеполушарная температура была ниже современной... Мы оцениваем среднеполушарную аномалию температуры в максимум похолодания ESA в $-(0,5...0,6)^{\circ}\text{C}$ по сравнению с нормой 1901–1960 гг. Это существенно ниже аномалии в $-0,23^{\circ}\text{C}$ для самой холодной декады (1901–1910 гг.) в эпоху современных инструментальных наблюдений и находится, по нашим наблюдениям, на уровне самых холодных деkad малого ледникового периода (Little Ice Age, LIA – XIV–XIX вв.). Такое заключение подтверждается тем, что в большинстве горных областей мира концы ледников в ESA находились примерно

в том же положении, что и в максимум ЦА, и существенно ниже, чем в начале XX в.» (с. 30–31).

Летние температуры исследованы наиболее основательно: больше реконструкций, выше плотность наблюдений. Данные по Северной Евразии подтверждают наступление в течение I тысячелетия до н.э. сильного похолодания, в результате которого граница леса заняла современное положение. Однако нет никаких признаков того, что граница леса в течение последних трех тысячелетий продвигалась южнее современной, что свидетельствует об отсутствии признаков долговременного (500 лет) *летнего* похолодания (с. 31–34).

Для историков античности наиболее важен, впрочем, вопрос о том, можно ли данные по Северной Евразии экстраполировать на Средиземноморье? Согласно рис. 6 «Отклонение средних температур июля (лета) в максимум похолодания ранней субатлантической эпохи от современных значений» один из пиков похолодания ESA приходился на центральные области Балканского полуострова (свыше -2°C), а в Греции разность температур по сравнению с современными значениями составляла от $-1,5^{\circ}\text{C}$ до -2°C , в Ионии – от -1°C до $-1,5^{\circ}\text{C}$, в Северном Причерноморье – от $-0,5^{\circ}\text{C}$ до -1°C , в Китае – до $+0,5^{\circ}\text{C}$.

Подобная реконструкция находит подтверждение в письменных источниках. С точки зрения Геродота (I. 142) климат Ионии, а с точки зрения Платона (Crit. 108 с) – климат Аттики были наиболее подходящими для человека. Из этого можно сделать косвенный вывод, что лето в классической

Греции было несколько менее жарким и более комфортным, чем сейчас.

В.В. Клименко отмечает, что реконструкция зимних температур для Средиземноморья той эпохи еще менее точна: «Количество данных по зимним температурам относительно невелико. Имеющиеся реконструкции сосредоточены в основном в умеренных и высоких широтах. Недостаток данных для низких широт был частично выполнен экспертными оценками на основе имеющейся информации по среднегодовым и летним температурам. Кроме того, полезные оценки зимних температур могут быть получены и с помощью сведений о количестве осадков, в особенности для тех областей, где осадки почти целиком выпадают в холодное время года (регионы со средиземноморским или сухим субтропическим климатом)» (с. 34). Выполненная автором реконструкция показывает, что максимальные зимние аномалии, превышающие -2°C , наблюдались на крайнем севере Евразии. В других регионах они могли быть существенно меньше или даже положительными (с. 34–35). Для Греции и Северного Причерноморья эти аномалии колебались между $-0,5^{\circ}$ и -1°C (рис. 7).

В связи с этим В.В. Клименко признает важность исторических источников для реконструкции климата: «К сожалению, число исторических свидетельств для середины I тыс. до н.э. весьма невелико, и тем более важно, что они составляют цельную, непротиворечивую картину с результатами реконструкции, представленной на рис. 7» (с. 35). С этим утверждением исследовате-

ля можно согласиться: свидетельства античных авторов подтверждают холодный климатический фон древнегреческой цивилизации, во всяком случае, в доэллинистический период.

Но далее автор уже пытается дать более точную хронологическую детализацию: «...эпоха похолодания ESA совпадает с периодом расцвета классической греческой культуры, многие деятели которой оставили бесспорные свидетельства значительного зимнего похолодания». В качестве примера приводится сообщение Геродота о холодных зимах в Крыму (см. выше). Свидетельства Геродота о холодном климате Понта «...не только никогда не подвергались сомнению, но и получили полную поддержку в лице таких видных ученых, как Гиппократ, Аристотель, Теофраст и Эратосфен...» (с. 35)²⁹. С этим можно согласиться, только с одним важным уточнением: источники не только классического (V – IV вв. до н.э.), но и архаического (VIII – VI вв. до н.э.) периода (в качестве примера можно привести эпические поэмы Гомера и Гесиода, стихи Алкея.

В качестве доказательства того, что в античный период сильные морозы случались в Северном Причерноморье, В.В. Клименко приводит известное сообщение из «Географии» Страбона (II. 1. 16), восходящее к труду Эратосфена: «Так, знаменитый Эратосфен Киренский (276–194 гг. до н.э.), прославившийся особой тщательностью своих наблюдений (именно ему принадлежит поразитель-

²⁹ Автор ссылается на свод сведений И.Е. Бучинского (*Бучинский И.Е. О климате прошлого Русской равнины. Л., 1957*).

тельное по точности измерение длины земного меридиана), в своей “Географии” приводит следующую эпиграмму жителей Пантикапея (Керчь) на лопнувшем от мороза медном сосуде...» (с. 36). Впрочем, нужно отметить, что медный сосуд должен бы лопнуть от превращения воды в лед: таким образом, это лишь свидетельство замерзания воды при температуре -4° , что, собственно говоря, и не опровергает и не подтверждает предположение об экстремально низких температурах в Крыму в конце классического или в начале эллинистического периода.

В.В. Клименко указывает на данные о холодном климате и в Центральном Средиземноморье в середине I тысячелетия до н.э.: «Холодные зимы в Италии в IV–III вв. до н.э., сопровождавшиеся замерзанием Тибра и образованием устойчивого снежного покрова, сохранявшегося до 40 дней, отмечались Ливием Андроником и Титом Ливием». До конца III в. до н.э. оливки не возделывались ни в Северной, ни в Центральной Италии. Хотя греческие колонисты стали разводить виноград в Кумах, рядом с Неаполем, около 700 г. до н.э., в последующие 500 лет культура винограда в Италии не покидала границ этой области (с. 36). Данные о похолодании в середине I тысячелетия до н.э. в Скандинавии (знаменитые «сумерки богов»), Вавилонии (которое вызвало увеличение срока созревания ячменя по крайней мере на 10–20 дней) дополняют общую картину. Однако в Северном Китае в период похолодания ESA зимы оставались теплее современных, в долине Хуанхэ росли бамбук и китайская слива, которые не рас-

тут там сейчас в таких значительных количествах, как прежде (с. 36–37)

Таким образом, по мнению В.В. Клименко, похолодание ESA не было всеобщим; в некоторых областях могло происходить даже потепление. Поэтому, принимая в целом выводы, полученные в результате использования естественнонаучных методов, было бы полезно сопоставить их с данными письменных источников по конкретным регионам и хронологическим периодам.

В главе третьей «Реконструкция среднегодовых сумм осадков в раннюю субатлантическую эпоху» содержатся сведения об увлажненности Европы и Средиземноморья в ESA. Данные эти не совсем точные и основываются прежде всего на реконструкции уровня озер; сам автор призывает пользоваться ими с осмотрительностью. Наиболее заметное превышение уровня осадков по сравнению с современным – до 200–250 мм в год – наблюдалось в рассматриваемый период Западной Африке; в Средиземноморье оно доходило до 50–100 мм в год (с. 40). Согласно рис. 8 «Отклонение среднегодовых сумм осадков в максимум похолодания ранней субатлантической эпохи от современных значений» для Западной Греции этот показатель +50 мм и выше, для Восточной Греции (включая Аттику) и западного побережья Малой Азии +50 мм и ниже. В Крыму количество осадков даже немного уменьшилось (до -50 мм). Зато значительно большая увлажненность наблюдалась в тот период в Северной Африке (с. 41–43).

Подобный вывод находит подтверждение и в археологических данных: «Во всем Средиземно-

море – от Пиренейского полуострова до Балкан – эпоха ESA совпадает со значительным повышением уровня озер. Как уже отмечалось, именно в это время в Южной Европе крыши домов заменяются двускатными, лучше приспособленными для более влажного климата. Наконец, в Италии вторая половина III в. до н.э. ознаменовалась наивысшей частотой разрушительных наводнений реки Тибр за всю античную эпоху». Таким образом, по мнению автора, ранняя субатлантическая эпоха была прохладной и влажной. Воды Атлантики, возможно, были даже теплее, чем сейчас: «Именно этим, на наш взгляд, можно объяснить тот факт, что эпоха ESA совпадает с единственной за весь поздний голоцен вспышкой увлажнения, которая выглядит тем более неожиданно в контексте ярко выраженного тренда к ариадизации, возобладавшему примерно 4000 лет назад» (с. 47).

Нужно, впрочем, отметить, что повышенная увлажненность не может однозначно рассматриваться как ухудшение климата, что ставит под сомнение выводы В.В. Клименко. Что касается античного мира, то повышенная увлажненность в середине I тысячелетия до н.э. может объяснить существование болот в классической Греции, о чем неоднократно свидетельствуют письменные источники, а также рывок в историческом развитии, который совершила засушливая в настоящее время восточная часть Балканской Греции, а также отставание переувлажненной в тот период Западной Греции.

Глава четвертая «Причины похолодания в раннюю субатлантическую эпоху» посвящена

трактовке причин похолодания и выделению хронологических периодов похолодания и сравнительного потепления в эту эпоху. Главной причиной автор считает колебания солнечной активности: «Холодная эпоха ESA характеризуется в высшей степени необычными и очень резкими колебаниями солнечной активности. Так, в конце VIII в. до н.э. наступил солнечный минимум беспрецедентной почти за 5000 лет глубины и продолжительности, за которым в конце V в. до н.э. последовал очень высокий и короткий максимум. Наконец, около 320 г. до н.э. наступил новый минимум солнечной активности почти такой же необычайной силы и продолжительности, как и предыдущий. Времена наступления указанных минимумов и расположенного между ними максимума с поразительной точностью соответствуют двум холодным и теплой промежуточным фазам ранней субатлантической эпохи» (с. 55). Фактор снижения активности Солнца оказывал наибольшее воздействие и в другие периоды похолодания: «Известно, что наступление минимумов солнечной активности сопровождается значительным похолоданием Северного полушария» (с. 55–56).

Солнечная активность для автора – главный фактор, влияющий на климат, но он признает и другие факторы. В концепции В.В. Клименко нет места «солнечному детерминизму»: «Быстрое и сильное похолодание ранней субатлантической эпохи было вызвано уникальным сочетанием сразу нескольких факторов, действовавших в одном направлении, – резким снижением солнечной активности на фоне низкого содержания основных пар-

никовых газов атмосферы, пониженным значением зимней инсоляции и, наконец, существенным распреснением Северной Атлантики» (с. 61–62).

В рамках своей сферы знаний исследователь отрицает какой-либо детерминизм, предпочитает многофакторную модель, гораздо лучше объясняющую развитие того или иного процесса. Увы, нужно констатировать, что при объяснении исторических процессов автор явно предпочитает (правда, в последней монографии – в меньшей степени) климатический детерминизм. Но что же делать историку, если древнегреческая цивилизация развивалась и в период похолодания, и в период потепления, и снова в период похолодания? А в значительной мере наследовавшая ей римская достигла своего расцвета в максимум потепления?

В главе пятой «Холодные эпохи ранней субатлантики и начала XX в.: сходства и различия» автор сравнивает эпохи похолодания в древности и в XX в. и приходит к выводу об их схожести по многим параметрам. Так, разность среднеполушарных температур между самым холодным документированным двадцатилетием XX в. (1911–1930 гг.) и самым теплым (1981–2000 гг.) составляет 0,53°C, что в точности соответствует авторской оценке аномалии в эпоху ESA (с. 63).

Автор отмечает, что наиболее сильно аномалии проявляются в Арктике. Центральная и Западная Европа оказались малочувствительны к изменениям среднеглобальной температуры, а в Восточном Средиземноморье возможны отличия даже в знаке аномалий (впрочем, мало палинологических материалов) (с. 63–64). «В целом зимнее

похолодание ESA было выражено сильнее, чем в XX в., и площадь зон с позитивными аномалиями температуры была заметно меньше, и это также вполне соответствует общей картине влияния астрономических факторов со сниженными значениями зимней инсоляции» (с. 64–65). В оба периода похолодания климат Средиземноморья был значительно более влажным (с. 65). Однако были и существенные различия: «Эпоха ESA в целом продолжилась не менее 400 лет, а ее вторая, более холодная, фаза – более полутора столетий, похолодание же начала XX в. было относительно кратковременным, а собственно анализируемый период 1911–1930 гг. принадлежит скорее к переходной фазе между завершением малого ледникового периода и потеплением XX в.» (с. 65). Различным был набор климатических факторов: если для похолодания ESA основную роль сыграло значительное снижение солнечной активности, то похолодание начала XX в. произошло в основном благодаря изменениям атмосферной циркуляции (с. 65–66).

В.В. Клименко делает вывод о том, что «...несмотря на все эти отличия, можно говорить о значительном сходстве полей температуры и осадков в холодные эпохи современности и ESA» (с. 66). Высоко оценивая значение палеореконструкций, автор считает, что «...палеореконструкции, если не предъявлять к ним чрезмерных требований, являются надежным инструментом прогноза, способным уберечь от тяжелых ошибок» (с. 67). Мне трудно высказывать собственное мнение относительно *прогнозов*, но сам факт, что колебания климата, сопоставимые или даже превосходящие

по масштабам современные, бывали и раньше, в раннюю субатлантическую эпоху, и многие цивилизации (в частности древнегреческая) к ним успешно приспосабливались, вселяет некоторый исторический оптимизм.

Труды В.В. Клименко оставляют противоречивое впечатление. Само обращение к проблеме влияния климатических изменений на историческое развитие можно только приветствовать. Автору удалось собрать и обобщить большое количество палеоклиматических данных, проследить изменения климатических параметров как по Северному полушарию в целом, так и по отдельным регионам. Наибольшие сомнения в работах В.В. Клименко вызывают авторские реконструкции влияния *глобальных* климатических изменений на *глобальное* развитие человечества. Сама методика сопоставления природных процессов с некими таблицами наиболее выдающихся исторических событий и культурных прорывов представляется сомнительной и не соответствующей специфике гуманитарного знания, даже если использованные автором таблицы «Атласа всемирной истории» составлены специалистами-историками. В любом случае отбор наиболее значимых событий и процессов субъективен и сильно зависит как от взглядов историков, так от потребностей издателей подобных атласов.

Сам В.В. Клименко признает, что локальные изменения климата не всегда соответствуют глобальным; к тому же понятия «ухудшение» климатических условий (т.е. похолодание и/или уменьшение количества осадков) и «улучшение»

климатических условий (т.е. потепление и/или увеличение количества осадков) вполне относительны. Можно привести пример, относящийся к истории древней Греции: западные области Греции, обращенные к Ионическому морю, всегда были более влажными, а восточные, обращенные к Эгейскому, – более засушливыми. Из этого следует, что любые климатические изменения могли иметь как положительные, так и отрицательные последствия для развития древнегреческой цивилизации. Поэтому недостаточность глобальных прогнозов вполне очевидна.

Есть некоторые противоречия и в конкретных объяснениях автора, в установлении «казуальных связей». Похолодание, по мнению В.В. Клименко, вызвало (или, по крайней мере, спровоцировало) реформы братьев Гракхов, а потепление, напротив, гражданские войны в Римской республике. Совершенно очевидно, что противопоставление или даже разделение указанных двух социальных процессов возможно лишь на таблице, но никак не в историческом контексте. *Реформы братьев Гракхов* не случайно рассматриваются многими историками как начальный период *гражданских войн*, и их противопоставление возможно разве что в таблице. В этой связи можно разве что вспомнить знаменитый английский стишок (в переводе С.Я. Маршака):

Мятеж не может кончиться удачей:
В противном случае его зовут иначе.

«Золотой век» греческой словесности и культурный расцвет древней Греции связываются

автором в основном с похолоданием. Тогда почему же расцвет римской культуры (с «золотым» и «серебряным» веками римской литературы) падает на эпоху потепления? Вывод напрашивается сам собой: климатические изменения не играли ведущей, а подчас даже заметной роли в социально-политическом, а тем более в культурном развитии античного общества.

Работы В.В. Клименко свидетельствуют об эволюции взглядов автора от климатического детерминизма в направлении теорий, близких к воззрениям современных специалистов по истории климата. В противовес отвергнутому историками климатическому детерминизму, наиболее ярко выраженному в теории Хантингтона³⁰, многие современные исследователи стремятся к более рациональному и осторожному подходу, который «не предполагает ни того, что климат являлся причиной всех изменений окружающей среды, ни того, что окружающая среда была причиной всех культурных сдвигов; кроме того, данный подход не основывается на допущении, что связи между историей климата и историей человечества являются простыми или прямолинейными»³¹.

При этом некоторые конкретные историко-климатические исследования достаточно доказательно выявляют климатическую составляющую в историческом процессе. В качестве примера мож-

³⁰ *Huntington E. Civilization and Climate. New Haven, 1915.*

³¹ *Bryson R.A., Padoch C. On the Climates of History // Climate and History. Studies in Interdisciplinary History / Ed. R.I. Rotberg, Th.K. Rabb. Princeton, 1981. P. 3.*

но привести труд Риса Карпентера о влиянии климатических изменений на судьбу крито-микенской цивилизации: по мнению ученого, многолетние засухи, а не вторжение дорийских племен, стали главной причиной падения микенских дворцов³². Современное моделирование климатических изменений подтверждает возможность локальной засухи на Крите, юге Пелопоннеса, в Арголиде, Беотии и Фокиде (как и предполагал Р. Карпентер), в то время как другие области материковой и островной Греции (в частности, Аттика, Фессалия, Родос, Кефаллениа и др.) не испытывали острых проблем с увлажнением³³.

Хотелось бы более подробно остановиться на достаточно хорошо известной рецензенту истории Греции классического периода³⁴. Этот период В.В. Клименко относит к холодной эпохе, за исключением кратковременного периода потепления в 450–380 гг. до н.э.³⁵ Зададимся вопросом: насколько «теплым» рисуют данный период исторические источники?

Около 442 г. была поставлена «Антигона» Софокла, в которой в знаменитом первом стасиме (сткк. 340 слл.) преодоление суровости климата рассматривается в ряду величайших достижений

³² *Carpenter R.* Discontinuity in Greek Civilization. N.Y., 1968.

³³ *Bryson, Padoch* . Op. cit. P. 14–15.

³⁴ См. подробнее: *Карпюк С.Г.* Зима и зимние кампании в «Истории» Фукидида // ВДИ. 2006. № 3; *он же.* Снежные парасанги...

³⁵ *Клименко.* Холодный климат ранней субатлантической эпохи. С. 17–19.

человека. На рубеже 430-х и 420-х годов афинское войско, по свидетельству платоновского «Пира» (219 е, 220 б), страдало от жестоких морозов при осаде Потидеи в Халкидике на севере Греции. Холода 420-х годов во Фракии и в самих Афинах неоднократно упоминаются в комедиях Аристофана («Ахарняне» – 138 sqq., 1141 sqq., «Облака» – 961 sq., «Осы» – 435 sqq. и т.д.). Основатель научной историографии Фукидид выделил «зиму» как особый период военных действий враждующих сторон в Пелопоннесской войне 431–404 годов (V. 20. 2–3).

На этот период приходятся и первые систематические наблюдения над погодными условиями, которые осуществил знаменитый врач Гиппократ около 410 г. Из четырех последовательных зим на о-ве Фасос (самый северный остров Эгейского моря) две были снежными, причем одна из них отличалась сильными морозами; еще в один год снег выпал в начале весны (Hippocr. Epidem. I. 1, 4, 7; III. 2). Сразу после окончания Пелопоннесской войны, зимой 404/3 г., Аттика была засыпана снегом: судя по описанию Ксенофонта (Hell. II. 4. 3), этот снегопад напоминал снегопад января 2002 г. в Афинах, когда выпало около 40 см снега. В 400 г. воины Ксенофонта испытали на себе сильнейшие морозы (вино замерзло, греки отмораживали носы и уши) во Фракии (на территории нынешней европейской Турции и Болгарии) и с завистью рассматривали лисьи шапки-ушанки местных жителей (Xen. Anab. VII. 4. 3 sq.). Ксенофонт в трактате «О псовой охоте», написанном в 380-е годы, описывает довольно суровые зимние усло-

вия, во всяком случае, в предгорьях Пелопоннеса (Cyneg. IV. 11; V. 1).

К этому периоду относятся и сведения (их, впрочем, значительно меньше), которые можно интерпретировать двояко: и как свидетельства более теплого климата, и как свидетельство приспособления древних греков к холодным климатическим условиям. В 443 г. в Афинах учреждается новый общегосударственный фестиваль – Ленеи, на котором проходили театральные представления. Он проходил в месяце *гамелии* (в январе–феврале), т.е. в самый разгар зимних холодов, и многие шутки и намеки в комедиях Аристофана, представление которых приходилось на Ленеи, связаны с холодами и морозами. К завершающему периоду Пелопоннесской войны зимние военные действия (как на море, так и на суше) заметно активизировались, несмотря на частые потери судов в результате зимних бурь. Наконец, отступление «десяти тысяч» греческих наемников из Месопотамии к Черному морю через горы Армянского нагорья зимой 401/0 г. было сравнительно удачным. Хотя при преодолении перевала Тохталы к западу от озера Ван (1300–1400 м) они понесли некоторые потери из-за морозов, в целом отряд удачно справился с трудностями, несмотря на отсутствие специальной зимней одежды и особенно обуви (Xen. Anab. IV. 4. 8 sqq.; 5. 1 sqq.).

Нет сомнения, что свидетельства письменных источников подтверждают *холодный климатический фон древнегреческой цивилизации* (хорошо было бы это определение, подобно «потеплению римского времени», ввести в научный обо-

рот). Снег, мороз, замерзшие реки – совсем не уникальная тема и в гомеровском эпосе, и в «Трудах и днях» Гесиода (VIII в.), и в поэзии Алкея (VII – VI вв.). Но и для жившего несколькими столетиями позже Аристотеля (IV в.) замерзание воды, вина, загустевание оливкового масла – явления обыденной жизни, как и, кстати говоря, подледный лов на Черном море (!) (Arist. Meteor. I. 12, 347 b, 348 b; IV. 7, 383 b, 384 a). Между прочим, для Аристотеля тепло и *холод* – творцы всех тел (ibid. IV. 8, 384 b).

Таким образом, письменные источники подтверждают *общую* картину, нарисованную как В.В. Клименко, так и другими исследователями климата: древние греки жили в холодный климатический период. Менее значительные колебания климата внутри архаического и классического периодов истории древней Греции (VIII–IV вв. до н.э.), конечно же, были, но они оказались «незамеченными» древнегреческими авторами и не оказали существенного влияния на развитие цивилизации. Античная цивилизация, в отличие от кочевых обществ, мало зависела от колебаний климата, тем более что эти колебания не были столь уж значительны и вполне сопоставимы с современными. Конечно, для кочевых народов эти изменения имели весьма существенное значение и приводили к «пульсации степи». Но древние греки указали другой путь – путь приспособления к природным условиям и преодоления климатических невзгод.

Работы В.В. Клименко показывают роль климата в историческом развитии. Мне представляется, что взгляды автора претерпели определен-

ную эволюцию: от жесткого «климатического детерминизма» и чрезмерной схематизации исторических событий и процессов к изучению климатических изменений на фоне исторических событий. Книга В.В. Клименко «Холодный климат ранней субатлантической эпохи в Северном полушарии», несомненно, будет полезна историкам-античникам – ведь климат (как и природная среда в целом) был важным фактором в истории античной цивилизации. Важным, но далеко не единственным и, очевидно, не самым главным.

II. Древнегреческие авторы о климате

Климат древних эпох можно реконструировать на основании естественнонаучных данных, но, как было показано выше, они дают только общую картину (часто по всему полушарию), не отражая в полной мере специфики того или иного региона. Письменные источники, несмотря на их «субъективный» характер, позволяют существенно дополнить наши сведения о климате древней Греции. В сочинениях многих древнегреческих авторов V–IV вв. до н.э. содержатся многочисленные свидетельства суровости климата: Эсхил и Аристофан упоминали замерзшие реки севера Греции, суровые зимы в начале Пелопоннесской войны описал Фукидид, а также Платон в диалоге «Пир», сильнейший снегопад в Афинах зимой 404/3 г. и суровые морозы во Фракии (вино замерзло) упоминает Ксенофонт соответственно в «Греческой истории» и «Анабасисе»¹, а Аристотель в «Метеорологике» (I. 12, 348b) описал подледный лов на Черном море (может быть, в лиманах?) как явление вполне обыденное. Поэтому сообщение Геродота нельзя воспринимать как уникальное. При этом письменные источники в целом не свидетельствуют о каком-то периоде более теплого климата между 450 и 380 годами; скорее можно говорить об общем холодном климатическом фоне архаического периода древнегреческой цивилизации.

¹ См. подробнее: *Карпюк С.Г.* Снежные парасанги: зима и зимние холода в сочинениях Ксенофонта Афинского // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 5. СПб., 2006.

На рубеже 430-х и 420-х годов афинское войско, по свидетельству платоновского «Пира» (219 е, 220 б), страдало от жестоких морозов при осаде Потидеи в Халкидике на севере Греции. Холода 420-х годов во Фракии и в самих Афинах неоднократно упоминаются в комедиях Аристофана («Ахарняне» – 138 sqq., 1141 sqq., «Облака» – 961 sq., «Осы» – 435 sqq. и т.д.). Основатель научной историографии Фукидид выделил «зиму» как особый период военных действий враждующих сторон в Пелопоннесской войне 431–404 годов (V. 20. 2–3).

На этот период приходятся и первые систематические наблюдения над погодными условиями, которые осуществил знаменитый врач Гиппократ около 410 г. Из четырех последовательных зим на о-ве Фасос (самый северный остров Эгейского моря) две были снежными, причем одна из них отличалась сильными морозами; еще в один год снег выпал в начале весны (Hippocr. Epidem. I. 1, 4, 7; III. 2). Сразу после окончания Пелопоннесской войны, зимой 404/3 г., Аттика была засыпана снегом: судя по описанию Ксенофонта (Hell. II. 4. 3), этот снегопад напоминал снегопад января 2002 г. в Афинах, когда выпало около 40 см снега. В 400 г. воины Ксенофонта испытали на себе сильнейшие морозы (вино замерзло, греки отмораживали носы и уши) во Фракии (на территории нынешней европейской Турции и Болгарии) и с завистью рассматривали лисьи шапки-ушанки местных жителей (Xen. Anab. VII. 4. 3 sq.). Ксенофонт в трактате «О псовой охоте», написанном в 380-е годы, описывает довольно суровые зимние условия, во всяком случае, в предгорьях Пелопоннеса

(Супег. IV. 11; V. 1). Для Аристотеля замерзание воды, вина, загустевание оливкового масла – явления обыденной жизни, как и, кстати говоря, подледный лов на Черном море (Arist. Meteor. I. 12, 347 b, 348 b; IV. 7, 383 b, 384 a). Между прочим, с точки зрения великого философа, именно тепло и *холод* – творцы всех тел (ibid. IV. 8, 384 b).

Нет сомнения, что свидетельства письменных источников подтверждают в целом *холодный климатический фон древнегреческой цивилизации*. Однако, кроме этого (а, может быть, для историка, и, прежде всего) восприятие времен года, погодных явлений, различных климатических зон является одной из важнейших характеристик культуры того или иного народа. Письменная традиция, содержащая сведения о климатических условиях древней Греции, довольно значительна. В распоряжении исследователей – и труды Гиппократов, и знаменитая «Метеорологика» Аристотеля, и ботанические трактаты Теофраста, и многие другие произведения философов, историков, ораторов. Однако эти сочинения, хотя и, несомненно, отражают общие представления о климатических условиях, написаны представителями интеллектуальной элиты общества. Для того чтобы рассмотреть народные представления о зиме, следует обратиться к литературным жанрам, отражающим повседневные заботы народа. К таковым можно отнести басню и эпиграмму.

Вообще сначала нужно «определиться с терминами». Что такое зима? Обратимся к взгляду постороннего, человеку другой культуры, не зашоренному европейской традицией о «прекрасной

античности». Японский мыслитель середины XX в. Вацучи Тецуро, живший в Греции, не упоминает «зимы» вовсе, а говорит о том, что в Греции с декабря по март – дождливый сезон, больше похожий на японскую весну². По мнению этого мыслителя, «когда культура все еще находится в стадии формирования, климатические характеристики влияют на нее наиболее активно»³.

Эпическая поэзия (Гомер и Гесиод)

Слова χειμῶν (χεῖμα) и χιὼν – общеиндоевропейские и, достаточно широко использовались в греческом языке⁴. Следует подчеркнуть, что χειμῶν имеет два основных, приближающихся друг к другу значения: зимнего сезона и непогоды, бури, ненастья. «Зимняя» лексика древнегреческого языка вообще достаточно хорошо развита. Исследователи отмечали, что в героическом эпосе описание природы практически отсутствует, или дается через сравнения (Hom. II. XVIII. 735–750)⁵. Наверное, в подобном утверждении содержится некоторое преувеличение, особенно если включить в этот перечень описание зимних невзгод,

² Watsuji Tetsuro. Climate and Culture. [Tokyo], 1971. P. 76.

³ Ibid. P. 78–79.

⁴ Chantraine P. Dictionnaire etymologique de la langue grecque. Histoire des mots. Nouvelle ed. P., 1999. P. 1250–1251.

⁵ Ярхо В.Н. Пять веков древнегреческой поэзии // Эллинические поэты VIII–III века / Изд. подг. М.Л. Гаспаров, О.П. Цыбенко, В.Н. Ярхо. М., 1999. С. 5–26. С. 22.

как, например, тех, которые претерпели греки при осаде Трои. Несомненно, что подобные описания не восходят к микенскому времени, а отражают реальность собственно гомеровского времени, то есть около 800 г. и позже.

Радуга для Гомера – явление зимнего времени, знамение «погибельной битвы» или зимы (II. XVII. 549), зимой (χεῖμωνι) на землю проливаются бурные потоки (II. XXI. 283). И вообще χεῖμων для Гомера – прежде всего «буря», которой, как и других признаков зимы (ливня, холодов) не бывает на райских Елисейских полях, как пророчествует Менелаю Протей (Od. IV. 566). С прилагательным κρυερός («ледяной», «холодный») Гомер знаком, однако использует его исключительно в переносном смысле («дрожащее» бегство – II. XIII. 48, «холодная» скорбь – Od. IV. 103).

Снег (χιών) также упоминается у Гомера, который сравнивает его с дождем и градом (II. X. 7). Брошенные воинами камни подобны густому снегу. Снег идет при безветрии, море не замерзает, а поглощает его (II. XII. 278); Гомер использует сравнение «холоден как снег» (II. XXII. 152). Слезы Одиссея и Пенелопы сравниваются с таянием снега в горах под воздействием теплого ветра (Od. XIX. 205).

Особый интерес имеет описание погодных условий в «Одиссее» (XIV. 476), когда Одиссей рассказывает Евмею о засаде вместе с Менелаем в Трое:

Между болотной осоки, щитами прикрывшись, лежали
Тихо. Была неприязненна ночь, прилетел полуночный

Ветер с морозом, и сыпался шумно-холодной метелью
Снег, и щиты хрусталем от мороза подернулись тонким,
Теплые мантии были у всех и хитоны; и спали,
Ими одевшись, спокойно они под своими щитами;
Я ж, безрассудный, товарищу мантию отдал,
собравшись
В путь, не подумав, что ночью дрожать от моро-
за придется...

Здесь холодная зимняя ночь описана со всеми ее атрибутами: снегом, морозом, обледенением. Хлена («мантия» в переводе В.В. Жуковско-го) хорошо защищает от холода, но есть не у всех.

Другой эпический поэт, Гесиод, был, пожа-луй, более внимателен в описании погодных усло-вий и климатический деталей. Это неудивительно, поскольку «Работы и дни» описывают годовой цикл крестьянского хозяйства, в немалой степени зависевшего и от капризов погоды, и от климати-ческих условий в целом. В качестве примеров можно привести рекомендации по началу посев-ных работ (Hes. Op. 479, 485), описание поздней осени с дождями, когда прекращается рост побе-гов (Hes. Op. 414 слл.).

Особое значение для Гесиода имеют при-знаки смены сезонов, которые влияют на распоря-док сельскохозяйственных работ: прилет ласточек, прощальный крик журавлей.

Строго следи, чтобы крик журавлиный услышать,
Из облаков с поднебесных высот ежегодно звучащий;
Знак он для сева дает, провозвестником служит
дождливой

Зимней погоды...

(Hes. Erga 448 слл., пер. В.В. Вересаева).

Начало и конец времен года определялось Гесиодом как по астрономическим признакам, так и по сезонным природным изменениям. Зима наступает

После того, как ужасная мощь Ориона погонит
С неба Плеяд и падут они в мгlisto-туманное море
(Erga 619–620).

Прощальный крик журавлей отмечает начало зимы,
а весенний крик ласточек – ее окончание⁶.

В «крестьянском календаре» Гесиода описанию зимней стужи (Erga 504–560) и летнего зноя (Erga 582–596) отведено должное, совсем не малое, место. Может быть, это объясняется тем, что климат родной деревни Аскры, в которой осел отец Гесиода после переселения из Малой Азии, совсем не радовал поэта:

Близ Геликона осел он в деревне нерадостной Аскре,
Тягостной летом, зимою плохой, никогда не приятной
(Erga 639–640, перевод В.В. Вересаева).

Зима – для него сезон прекращения сельскохозяйственных работ, когда холодно и на открытом воздухе, и дома (очаг плохо обогревал

⁶ Ср. *Стесихор*. Орестея (фр. 23 [34 Page]):
...Ласточки слышен когда щебет весенней порой...
(ὄτε ἦρος ὥραι κελαδῆι χελιδῶν – схолия к «Миру»
Аристофана, стк. 800).

дом). Поэтому многие отлынивают от зимней домашней работы, что вызывает безусловное осуждение поэта:

Не заходи ни в корчму, разогретую жарко, ни в кузню
Зимней порою, когда человеку работать мешает
Холод: прилежный работу найдет и теперь себе дома.
(Hes. Erga 493 слл.).

Хорошо отапливаемая лесха (постояльный двор) и мастерская кузнеца, в которой всегда жарко, – вот места, в описании Гесиода, где можно спрятаться от холода зимой.

Фракийский холод – приходящий с севера – являет собой некоторое подобие нашего «арктического холода». При этом снежный покров был скорее исключением, нежели правилом. Пик холодов приходится на январь-февраль:

Месяц очень плохой ленеон, для скотины тяжелый.
Бойся его и жестоких морозов, которые почву
Твердую кроют корой под дыханием ветра Борей:
К нам он из Фракии дальней приходит, кормилицы коней,
Море глубоко взрывает, шумит по лесам и равнинам.
(Пронзительный ветер продувает шкуры диких зверей)
(Ibid. 594 слл.)

Для зимы характерны бури на море, и поэт предупреждает об опасности мореходства зимой (Erga 618 слл.; 660 слл.). И в приписываемых Гесиоду сочинениях зима описывается примерно так же: о том, что «...зимние вот уж заходят Плеяды...», сообщает приписываемая Гесиоду «Астрономия» (фр. 2 [289 Merkelbach–West]), а снего-

обильный Олимп дважды упоминается в «Каталоге женщин» (фр. 83 [229 Merkelbach–West]).

Защитой от сильных ветров служили овчины (*хлены* и другая зимняя одежда), зимой было принято располагаться во внутренних, непродуваемых покоях дома:

...И только не может

Стад он овечьих продуть, потому что пушисты их руна, -

Он, даже старцев бежать заставляющий силой своею.

Не продувает он также и девушки с кожей нежной;
Дома сидеть остается она подле матери милой,
Чуждая мыслей пока о делах многозлатной Киприды;
Тщательно нежное тело омывши и смазавши жирно
Маслом, во внутренней комнате спать она мирно
ложится

В зимнюю пору...

(Ibid. 516 слл.)

Крестьянская зимняя одежда была практичной, защищала и от холода,
и от ветра, и от сырости:

В эту бы пору советовал я, для укрытия тела,

Мягкий плащ надевать и хитон, до земли доходящий,

Витканый густо уточную нитью на редкой основе,

В них одевайся, чтоб волосы кожи твоей не дрожали

И не стояли по телу торчмя, не срослися зябко.

На ноги – обувь из кожи быка, что не сдох, а зарезан;

Впору тебе чтоб была и выстлана войлоком мягким.

Шкуры козлят первородных, лишь холод осенний наступит,

Сшей сухожильем бычачьим и на спину их и на плечи,

Если под дождь попадешь, накидывай. Голову сверху

Войлочной шляпой искусной покрой, чтобы уши не мокли.

Холодны зори в то время, как наземь Борей упадет.
Зорями с звездного неба на землю туман благодатный
Сходит и нивам владельцев блаженных несет плодородье.
С рек, непрерывно текущих, набравших воды изобильно
И высоко от земли унесенный дыханием ветра,
То он вечерним дождем проливается, то улетает,
Если подует фракийский Борей, разгоняющий тучи.
Раньше тумана работу кончай и домой отправляйся...
(Hes. Erga 536 слл.)

Таким образом, поэт рекомендует зимой волам давать половину обычного корма, людям – несколько больше половины, поскольку ночь длинная и спать можно дольше (ibid.). Здесь наиболее ярко проявляется принцип подчинения природным ритмам, характерный для Гесиода: «зимняя спячка» людей и домашних животных.

С большой осторожностью Гесиод подходил к не-сезонному мореплаванию, отдавая предпочтение летним перемещениям по морю:

Вот пятьдесят уже минуло дней после солнцеворота,
И наступает конец многотрудному, знойному лету.
Самое здесь-то и время для плавания: ни корабля ты
Не разобьешь, ни людей не поглотит пучина морская,
Разве нарочно кого Посейдон, сотрясающий землю,
Или же царь небожителей Зевс погубить пожелает.
Ибо в руке их кончина людей и дурных и хороших.
Море тогда безопасно, а воздух прозрачен и ясен.
Ветру доверив без страха теперь свой корабль бы-
строходный,
В море спускай и товаром его нагружай всевоз-
можным.
Но воротиться обратно старайся как можно скорее:
Не дожидайся вина молодого и ливней осенних,

И наступленья зимы, и дыханья ужасного Нота;
 Яро вздымает он волны и Зевсовым их поливает
 Частым осенним дождем и тягостным делает море.
 Плавают по морю люди нередко еще и весною.
 Только что первые листья на кончиках веток смоковниц
 Станут равны по длине отпечатку коровьего следа,
 Станет тогда же и море для плаванья снова доступным.
 В это-то время весною и плавают. Но не хвалю я
 Плаванья этого; очень не по сердцу как-то оно мне:
 Краденым кажется. Трудно при нем от беды уберечься,
 Но в безрассудстве своем и на это пускаются люди:
 Ныне богатство для смертных самую душою их стало.
 (Ibid. 663 слл.).

Поэзия

Описание зимы и зимнего времяпровождения – далеко не экзотическая тема для греческих поэтов архаической эпохи. Ксенофан (фр. 12 [13 Gentili–Prato]), уехавший из малоазийского Колофона в Южную Италию, описывает угощение калеными бобами – зимнее времяпровождения у огонька. Живший в Эфесе и Клазоменах Гиппонакт жалуется на отсутствие подходящей зимней одежды:

Весь в дырах мой плащ, дрогну (фр. 2 [32 West]).
 И, более развернуто:
 Ты не дал мне хламиды шерстяной, теплой
 В подарок перед стужей, ни сапог прочных;
 И, полуголый, мерзну я зимой лютой
 (ἐμοὶ γὰρ οὐκ ἔδωκας οὐτέ κω χλαῖναν
 दाσειᾶν ἐν χειμῶνι φάρμακον ἴγεος,
 οὐτ' ἀσκήρησι τοὺς πόδας दाσειήισι

ἔκρυψας, ὥς μοι μὴ χίμετρα ἴγνυται)
(фр. 3 [34 West], пер. Вяч. Иванова).

Живший в VI–V вв. до н.э. Симонид Кеосский в застольной песни противопоставляет зимний холод и летний зной:

Только недавно фракийский Борей, на нас налетевший,
Снежным покровом густым склоны Олимпа скрывал;
Тем, кто остался без хлены, кусал он душу свирепо.
Нынче же снег уцелел лишь в Пиерийской глуби.
Влейте мне долю его, ибо вовсе вам не подобает
Доброго друга поить неохлажденным вином
(фр. (9 [25 West], пер. В.Н. Ярхо).

От сочинений Алкмана, кроме знаменитого описания ночного сна природы (фр. 17 [89 Page]), сохранился фрагмент с перечислением времен года:

Три времени в году – зима
И лето, осень – третье.
Четвертое ж – весна, когда
Цветов немало, досыта ж
Поесть не думай...
(ὥρας δ' ἔσθηκε τρεῖς, θέρος
καὶ χειῖμα κῶπώραν⁷ τρίταν
καὶ τέττατον τὸ Φῆρ...)
(фр. 25 [20 Page], пер. В.В. Вересаева).

⁷ χειμάχων·παρὰν cod., corr. anon. (Poetae melici Graeci / Ed. D.L. Page. Oxf., 1962. P. 38). Т.е. для переписчиков «осень» была малоизвестным словом. Характерно, что вначале перечисляются «основные» времена года – зима и лето.

Иносказательное описание зимы содержится и в дошедшем до нас фрагменте Сапфо:

В нежные сердца проникает холод (ψυχρός),
Поникают крылья...
(фр. 83 [42 Lobel–Page], пер. М.Л. Гаспарова).

Описание времен года – обычная тема в поэзии Алкея: так, в описании лета лесбосский поэт в чем-то подражает Гесиоду (фр. 50). Холод для него – синоним смерти. В гимне Диоскурам в числе их заслуг указывается:

И от ледяной бережете в бедах
Смертных от смерти
(ῥήα δ' ἀνθρώποι[ς] θα[ν]άτῳ ῥύεσθε
ζακρύνεντος)
(фр. 1 [34 Lobel–Page], стк. 7–8 пер. М.Л. Гаспарова).
В чреде образов бури поэт оказывается
Между землею и снежным небом...
(... γαίᾱς καὶ νιφόεντος ὠράνῳ μέσοι)
(фр. 36 [355 Lobel–Page], пер. М.Л. Гаспарова).

Холодный зимний дождь – одна из основных тем «Песен пирушки» (фр. 46 [338 Lobel–Page], пер. М. Гаспарова).

Эпиграмма – литературный жанр, который, как и басня, хорошо отражает бытовые реалии, но, в отличие от басни, многие (хотя далеко не все) эпиграммы могут быть достаточно надежно датированы. В греческих эпиграммах содержится не-

мало упоминаний о зиме и холодах, наиболее интересные из которых будут рассмотрены ниже⁸.

Сразу следует сделать важную оговорку: эпитафии утонувшим, наиболее распространенный подвид эпиграмм, за редким исключением, подвергаться рассмотрению не будут: конечно, значительная часть кораблекрушений происходила именно зимой (к примеру, речь может идти о «студеных волнах» (νότου λαίλαπι χειμερίη – Анакреонт 3, стк. 1), но специально выделять время года в подобных эпитафиях, как правило, невозможно. В «Весенней песне» Антипатра Сидонского (№ 41) весна знаменует окончание бурной погоды и начало сезона мореплавания.

Некоторые сюжеты имеют легендарный характер и повторяются в стихотворениях разных авторов. Поздняя эпиграмма, приписываемая Симониду, повествует о чудесном спасении ото льва, забредшего в пещеру погреться:

Зимней студеной порой, спасаясь от сильного снега
(χειμερίην νιφετοῖο κατήλυσιν ἥνικ' ἀλύξας),
Жрец Кибелы нашел в дальней пещере приют.
Кудри свои распустив, он стряхивал снежную влагу –
Вдруг в пещеру за ним лютый бросается лев
(Симонид 59, сткк. 1–4, пер. М.Л. Гаспарова).

⁸ Русские переводы приводятся по изданию: Греческая эпиграмма / Изд. подготовила Н.А. Чистякова. СПб., 1993. Нумерация фрагментов основывается на издании Д.Л. Пейджа (Epigrammata graeca / Ed. D.L. Page. Oxf., 1975).

Несколько приукрашенный вариант того же сюжета можно найти в эпиграмме Антипатра Сидонского (№ 64). Леонид Тарентский описал похожее событие, но уже без участия женоподобного жреца Кибелы:

В зимнюю ночь ледяную, спасаясь от сильного града,
(*χεμερίην διὰ νύκτα χαλαζήεντά τε σурμόν*),
Снега стремясь избежать, стужи жестокой ночной,
Лев одинокий, себе отморозивший мощные лапы,
В хлев отведенный для коз, любящих кручи, забрел
(Леонид Тарентский 53, сткк. 1–4, пер. Ю. Шульца).

В этом случае лев, не тронув людей и коз, ушел из хлева, едва минула буря. Очевидно, стихотворение Леонида Тарентского восходит к более ранней версии: львы в Греции исчезли к концу архаической эпохи. Конечно, «действие» эпigramмы происходит в горной области, где зима всегда более сурова; тем не менее «первоисточник» этой эпigramмы характеризует холодные зимы архаического либо классического периода.

Тем не менее мороз и снег зимой – исключение; это время года у авторов эллинистических эпigramм ассоциировалось скорее с дождем, как в эпigramме Асклепиада «Муки любви» (№ 35):

Долгая ночь, середина зимы, и заходят Плеяды.
Я у порога брожу, вымокший весь под дождем,
Раненый жгучей страстью к обманщице этой...
(пер. Л. Блуменау)

«Снег» имел также значение «прохлажда-
тельный напиток», «ледяная вода», что было обы-
грано в другой эпиграмме «Похвала снегу», также
приписываемой Симониду:

Тот, кто был принесен Бореем из Фракии ярим,
Больно кусая всех, кто не закутался в плащ,
Тот, кто покрыл пеленою Олимп и заживо умер,
Тягость простерши свою на Пиерийской земле, –
Пусть, растопившись, послужит и мне, потому что
негоже
Теплым поить питьем доброго гостя в дому
(Симонид 88, пер. М.Л. Гаспарова).

Зимнее (?) наводнение в Эфесе описал в
своей эпиграмме «Наводнение в Эфесе» Дурис.
Зимний холодный дождь описан в эпиграмме Аск-
лепиада (№ 14). Система отопления в греческих
домах была примитивной, меры пожарной безо-
пасности соблюдались плохо, и трагический ре-
зультат описал Феэтет в «Эпитафии жертвам по-
жара»:

В доме большом Антагора, когда все пьяными были,
Ночью, холодной зимой (χειμάτος), пламя по-
жрало людей.
Восемь десятков свободных и с ними рабов оказалось
В страшном пожарище том...
(Феэтет 5, пер. Ю. Голубец).

Греки не любили зиму, не считали ее дос-
тойной изображения, однако греческая цивилиза-
ция смогла приспособиться к климатическим из-
менениям, выработала свой собственный способ

их преодоления. Холодный климатический фон и колебания климата не стали помехой для развития древнегреческой цивилизации, напротив, возможно, даже способствовали выработке специфического модуса преодоления природных невзгод.

Древние греки находили место для себя и для развития своей цивилизации «между землею и снежным небом...» (...γαίας καὶ νιφόεντος ὠράνω μέσοι), по выражению Алкея (фр. 36 [355 Lobel–Page]). Около 442 г. была поставлена «Антигона» Софокла, в которой в знаменитом первом стасиме (сткк. 340 слл.) преодоление суровости климата рассматривается в ряду величайших достижений человека.

Древнегреческая поэзия – важный, хотя и вспомогательный источник для реконструкции климатических условий древнегреческой цивилизации. Постепенное уменьшение в древнегреческой поэзии «зимних» сюжетов, описания холодов от архаической к эллинистической эпохе косвенно (конечно, при сопоставлении с другими данными) свидетельствует о потеплении, о все уменьшающемся воздействии холодных зим на развитие древнегреческой цивилизации.

Климатические невзгоды в греческих трагедиях

Климатические невзгоды нечасто, но упоминаются в сочинениях великих афинских трагиков V в. до н.э.: Эсхила, Софокла и Еврипида. Наиболее активным бытописателем суровых зим и холодов был Эсхил. Описания зимней стужи или бури на море (χεῖμων) разбросаны по разным тра-

гедиям: они есть и в «Агамемнон» (стк. 649, 656, 969), и в «Хоэфорах» (стк. 1066), и в «Аяксе» (стк. 671)., и в других местах. Классическое описание погодных напастей (зимней стужи и летнего зноя) при осаде Трои мы можем найти в его «Агамемноне» (стк. 561 слл.):

Лил с неба дождь, а с луговин болотистых
Ползли туманы. И одежда сгнила вся,
И стыла кожа, набухая струпиями.
Сказать о зимах? Мерзли птицы в воздухе.
С покрытой снегом Иды стужей веяло.
А зной? Дремало солнце в час полуденный.
Ни волн на нем, ни ветерка. Жара, жара.

(пер. А. Пиотровского)

Наиболее «исторично» описание бедствий, которое претерпело при отступлении из Греции персидское войско зимой 479/8 г. до н.э. в трагедии «Персы»:

...Другие, тяжело дыша,
Изнемогли в Фокейской ледяной земле.
...потомпошли
Землею македонской, к броду Аксия,
Через камыш и топи Болба, в горный край
Пангея, к Эдонийцам. В ночь одну тогда
Бог стужу раннюю послал и Стримона
Русло святое льдом сковал. Кто божества
Не чтит дотолe, тот взииолися набожно,
Земле и небу кланяясь, упавши ниц,
Молилось долго войско и с отчаянием
Потом по льду через замерзший брод пошло.
Кто перебрался, прежде чем полдневный луч
Бог накалил, спасенья жребий вытянул.

Вспылавши, солнце оком ослепительным
Прожгло и зноем растопило льдистый мост.
Все друг на друга ринулись.
(стк. 496?, пер. А. Пиотровского).

Софокл определял «пастушескую зиму» как полугодие («Царь Эдип», 1138 [110-15?]). Определение зимы как «неразумного» времени года, которое должно подчиняться плодоносному лету подобно тому, как Аякс должен подчиниться Атридам, содержится в «Аяксе» (стк. 671 слл.):

Так по снегу ходящая зима
Склоняется пред летом плодоносным;
Так раздается в ночи темный купол
Пред лучезарным белоконным днем;
Спадает ветер яростный – и море
Стенать перестает; сон всемогущий
Не вечно в путах держит человека...

Но наиболее четко отношение к климатическим невздам проводится в первом стасиме «Антигоны» Софокла (стк. 340 слл.): всепогодное мореплавание (строфа 1) и преодоление суровости климата (строфа 2) поставлены там в ряду величайших достижений человека (земледелия, рыболовства и охоты, коневодства и скотоводства, интеллектуальной деятельности, строительства, медицины, хитрости). Случайно ли, что «Антигона» была поставлена около 440 г., через год или два после начала театральных представлений на Ленеях, которые проходили в конце января – начале февраля, в самый разгар афинской зимы.

Для Еврипида снег не был в диковинку, но часто ассоциировался с горными вершинами и их окрестностями – Кифероном, как в «Вакханках» (стк. 662); Зевс с Бореем насылают снег из Фракии (Cycl. 329).

Аристофан

Как филологи-классики, так и историки-антиковеды очень часто обращаются к комедиям Аристофана – не только великого древнегреческого драматурга, но и замечательного бытописателя афинской жизни. Для исследователя повседневной жизни классических Афин Аристофан – это, если так можно выразиться, наше, антиковедное, всё. О чем же мы узнаем из комедий Аристофана? О самой древней комедии, о крестьянах, о высших классах, о торговцах и ремесленниках, о гражданах и иностранцах, о рабах, о семье и соседях, о деньгах и собственности, о религии и воспитании, о войне и мире, об экономике и государстве, о народе... Это перечисление – лишь список глав изданной в середине XX в. замечательной книги Виктора Эренберга «Народ Аристофана. Социология древней аттической комедии»⁹. Добавить, как будто бы, нечего.

Остается одна маленькая, в общем-то, совершенно маргинальная и малозначимая с любой точки зрения проблема: как афинские зрители могли высидеть на представлениях замечательных пьес Аристофана? Поясню, хотя это и общеизве-

⁹ *Ehrenberg V. The People of Aristophanes. A Sociology of Old Attic Comedy. 2nd ed. Cambr. Mass., 1951.*

стно: театральные представления давались в Афинах во время празднеств в честь бога Диониса. Из них наиболее известны Великие (или городские) Дионисии, учрежденные якобы еще Писистратом в 534 г. до н.э. и приуроченные к весеннему равноденствию, что соответствовало девятому месяцу афинского календаря, элафеболию (март–апрель). Небольшие представления давались в позднеклассический и эллинистический период «по демам» (в Пирее, Элевсине, Формике) во время празднования Малых (сельских) Дионисий (конец декабря – начало января), что соответствовало шестому месяцу аттического календаря. Впрочем, на них ставились только старые пьесы, так сказать, «вторым экраном». Наконец, с 442 г. до н.э. состязания комедиографов, а с 433 г. – авторов трагедий стали устраиваться и на празднике Ленеи, который проходил в месяце гамелии (конец января – начало февраля). На Ленеях выступали два трагика с тетралогиями (т.е. ставилось 6 трагедий) и три комедиографа (по одной комедии каждой). На Ленеях было показано большинство из сохранившихся комедий Аристофана: «Всадники», «Ахарняне», «Осы», «Лисистрата», «Лягушки», «Женщины в народном собрании». Представления в аристофановское время, как сообщает Афиней (X. 464a), проводились с утра до вечера. Греческие театры, понятно, были открытыми, а Ленеи (в отличие от Великих Дионисий) приходились на наиболее холодную часть года, на самый разгар греческой зимы. Время Ленеиских состязаний в Афинах определенно ассоциировалось с холодной порой, как,

например, в более поздней посидипповой эпитафии Фиромеху (№ 16).

Аристофановская комедия «Ахарняне» (одна из первых дошедших до нас пьес знаменитого комедиографа) была поставлена на Ленеях 425 г. до н.э. Герой «Ахарнян» афинский крестьянин Дикеополь, недовольный войной, заключает свой собственный сепаратный мир со Спартой. Этот *спондэ* символизирует возвращение Диониса; сам герой возвращается в сельскую местность, «правильное место» для Диониса, бога вина и плодородия. Дикеополь празднует в честь возвращения Диониса Сельские Дионисии, описание которых прерывается посредине, а заканчивается комедия празднованием Анфестерий, которые начинаются посредине и дополняют незаконченные Сельские Дионисии¹⁰.

Действие комедии происходит зимой: Сельские Дионисии праздновались в месяце посидее (Plat. Rep. 475d; Theophr. Char. 3), шестом месяце аттического календаря, который примерно соответствует декабрю–январю, а Анфестерии – в одноименном месяце, который примерно соответствует февралю–марту. Если учесть, что зрители смотрели эту комедию на Ленеях, в месяце гамелии (январь–февраль), то сюжет комедии был современен даже в сезонном аспекте: время года действия и время года представления совпадают.

¹⁰ См. об этом подробнее: Habash M. Two Complementary Festivals in Aristophanes' *Acharnians* // AJPh. 1995. Vol. 116. N 4. P. 559–577; особенно P. 559–560 (с литературой вопроса).

Все эти зимние – «бездельные» для аттического крестьянина месяцы – были заполнены дионисийскими празднествами. «Сельские» Дионисии были всеобщим праздником, в котором принимали участие и жители городских, и жители сельских демов, и мужчины, и женщины. Устраивалась процессия, участники которой несли фалл и сосуды с вином, затем она переходила в веселую пирушку¹¹. Лучшее описание – в самих «Ахарнях» (Дикеополь празднует свои собственные сельские Дионисии – стк. 241 слл.), где приводится и описание пирушки (стк. 1085 слл.). Следует отметить, что сельские Дионисии имели и определенный «идеологический» подтекст: «идеологически выдержанные» песни о Гармонии прилагались ко всем их прочим удовольствиям.

В середине седьмого месяца, гамелия, устраивался праздник Ленеи, местом проведения которого было древнее святилище Диониса Ленаон. В восьмом месяце, анфестерии, проходил праздник пробуждения природы, и, наконец, в девятом месяце, элафеболии, проходили Великие (городские) Дионисии, знаменовавшие приход теплого сезона, наступление «настоящей» весны¹².

Феор, один из персонажей, в начале комедии описывает недавнюю холодную зиму (судя по

¹¹ См. Латышев В.В. Очерк греческих древностей. Богослужбные и сценические древности / Под ред. Е.В. Никитюк. СПб., 1997. С. 134–135.

¹² Там же. С. 136–138.

свидетельству Фукидида, речь могла идти о зиме 429/8 г.)¹³:

Когда б не занесло всю снегом Фракию
И реки не замерзли в пору самую¹⁴,
Как Феогнид в театре приз оспаривал
(стк. 138–140. Пер. С. Апта, с изменениями).

Характерно, что пик похолодания приходится как раз на канун Леней. Конечно, Фракия находится несколькими сотнями километрами к северу от Афин¹⁵, однако совершенно очевидно, что холодная зима должна была затронуть весь Эгейский бассейн.

И это не единственный случай упоминания снега в «Ахарнянах»: снегопад с проклятьем поминает бравый воин Ламах (стк. 1141):

¹³ Вероятно, именно этой зимой войско одрисов под предводительством Ситалка страдало от холодов в Халкидике (Thuc. II. 101. 5–6; ср. III. 21 – непогода и ливни при осаде Платей).

¹⁴ Реки, которые имел в виду поэт: Стримон, Нестос и Геброс. О замерзании фракийских рек упоминали Эсхил (Pers. 495–497: «бог... заморозил все течение святого Стримона») и позже Гораций (Ep. I. 3. 3).

¹⁵ Фракия вообще славилась суровыми морозами (Hom. II. 14. 227; Eur. Alc. 67, Andr. 215, Hec. 81; Arist. Hist. Anim. 606b 3–5; Stratonice. ap. Athen. VIII. 351c) и была широко известна как обиталище северного ветра, Борея (Hes. Op. 506–508, 553; Tyrt. fr. 12. 4; Ibyc. PMGF 286. 9). См. Aristophanes. Acharnians / Ed. S.D. Olson. Oxf. – N.Y., 2002. P. 116.

(Ламах)

Возьми-ка, мальчик, щит, и в путь отправимся.

Вот снег пошел. Проклятье! Дело зимнее!

(Дикеополь)

Возьми закуски, мальчик. Дело пьяное!

(Уходят в разные стороны)

(Предводитель хора)

А теперь в добрый час отправляйтесь в поход.

До чего же несхожи обоих пути!

Пить вино одному, увенчав седину,

А другому стоять на посту, замерзать.

А кому-то лежать

Рядом с девушкой, свежей, как утро весной,

Замирая от сладостной ласки (стк. 1140 сл.).

Здесь очевидно противопоставление празднования Дионисий тяготам войны зимой; причем, очевидно, имеются в виду не походы, а сторожевая служба (если это все не комическое преувеличение). В другом пассаже «Ахарнян» (стк. 271 сл.) упоминается сбор обрезков виноградной лозы, которые использовались для обогрева жилищ зимой.

Но не только комедия «Ахарняне» полна «зимних» ассоциаций. Снег встречается и в других комедиях Аристофана: о снеге «крупкой», который шел в Афинах и в «доброе старое время», говорит Правда в «Облаках» (стк. 965); снегопад упоминает и Бделиклеон в «Осах», когда предлагает Филоклеону проводить суд над домашними, а не ходить на судебные заседания (стк. 773).

Снег зимой в Афинах во время жизни Аристофана не был чем-то чрезвычайным либо необычным; однако снегопады в Греции были не продолжительными. Как считал Геродот, снег не

может идти более пяти дней, а затем обязательно должен перейти в дождь¹⁶. Для климата Восточного Средиземноморья такое наблюдение представляется справедливым.

Переносить непогоду грекам (особенно гражданам-мужчинам) помогала система физического воспитания, которая включала в себя и закаливание. Не случайно во время описанного Ксенофонтom в «Анабасисе» похода воины из числа «десяти тысяч» в целом нормально перенесли зимний переход через горы Западной Армении, а множество рабов и обслуживающего персонала погибла (Xen. Anab. IV. 4. 8 sqq.; 5. 1 sqq.). Впрочем, часто упоминаемые, в том числе и Аристофаном, мужские болезни мочеполовой сферы вполне могли быть следствием зимнего переохлаждения. «Ахарняне» Аристофана можно рассматривать как пример и описания, и восприятия зимних холодов в классических Афинах.

Гиппократ

Важнейшим источником для реконструкции климатического фона древнегреческой цивилизации является Гиппократов корпус – собрание сочинений, либо написанных знаменитым врачом Гиппократом в конце V – первой половине IV в. до н.э., либо приписываемых ему¹⁷. Для нас не столь важен вопрос об авторстве, сколь дата написания того или иного сочинения. Для Гиппократа

¹⁶ «Ведь после снегопада в течение пяти дней непременно должны выпадать дожди» (*Herod.* II. 22).

¹⁷ См. *Jouanna J. Hippocrates.* Baltimore – London, 1999.

и его последователей вопросы климата имели очень важное значение, поскольку от климатических условий зависело состояние здоровья: «Нужно научиться познавать с точностью состояние погоды каждого времени года и каждой болезни, какое общее благо в погоде или в болезни, какое общее зло в погоде или в болезни... Исходя из этого, [врачи] имеют возможность замечать порядок критических дней и оттуда ставить прогноз. Когда знают эти вещи, знают также, какому больному, в какое время и каким образом назначить диету» (Epidem. III. 16, здесь и далее – пер. В.И. Руднева, с изменениями). В трактате «О воздухах, водах и местностях» прямо говорится: «Кто захочет исследовать медицинское искусство правильным образом, должен сделать следующее: прежде всего, принять в рассмотрение времена года, в чем каждое из них имеет силу» (De aer. 1). Гиппократ специально рассматривает расположение городов относительно господствующих ветров с точки зрения здоровья их жителей (ibid. 3–6).

Что касается зимней погоды, то, по мнению Гиппократа, наиболее здоровый климат – когда «зима умеренная, ни слишком мягкая, ни сверх меры холодная» (ibid. 10). Гиппократ был хорошо знаком с холодной погодой, поскольку часть своей жизни провел не на Косе, в южной части Эгейского архипелага, а в северных областях Греции, в частности, на острове Фасос. Оценивая сравнительное качество вод (речных, дождевых, талых), он так характеризует воды, которые получаются из снега и льда: «...Они все плохи, ибо, когда раз замерзнут, то уже больше не возвращаются к преж-

ней природе, но то, что в них есть светлого, легкого и сладкого, выделяется и исчезает, а остается самое мутное и тяжелое... По этой именно причине воды, разжиженные из снега и льда и подобные им, я считаю наихудшими для всякого употребления» (ibid. 10).

Впрочем, мороз для Гиппократов – экзотика, он с удивлением (и, очевидно, не совсем точно) описывает свойства замерзшей и оттаявшей воды, отмечая, что вода после замерзания и последующего оттаивания уменьшается в объеме от первоначального (ibid. 8). Гиппократовы представления о климате Скифии и вовсе фантастичны: в трактате «О воздухах, водах и местностях» описывается вечная зима в Скифии, густой туман, который целый день лежит на полях, полное преобладание холодных ветров; скифы «вдыхают воздух сырой и густой, пьют воды из снегов и льда» (ibid. 19). и т. п. Очевидно, автор трактата пользовался рассказами путешественников, знавших о суровом климате Северного Причерноморья, но сильно преувеличавших его ужасы.

Зато гораздо более реалистичны описания климатических условий острова Фасос, самого северного острова Эгейского моря. Гиппократ (или его ученик) практиковал там по меньшей мере четыре года в конце V в. до н.э. (около 410 г.), и описание климатических условий острова дается очень подробное, с разбивкой по временам года. Это неудивительно: целью автора трактата «Эпидемии» было проследить корреляцию между погодными условиями и распространением заболеваний. Для исследователя климата важно и то, что

Гиппократ в трактате «Эпидемии» (книги I и III) дает последовательное описание погодных условий на Фасосе в течение четырех лет. На основании его сведений можно реконструировать климатические условия севера Греции. Обратим внимание на периоды самой холодной погоды. В первый год «зима южная; малые дуновения северных ветров. Весна также южная холодная, с небольшими дождями» (Hippocr. Epidem. I. 1). Во второй год «в начале осени на острове Фасос бури не по времени, но внезапные, с сильными северными и южными ветрами и большими ливнями. И все это происходило даже до времени захождения Плеяд [середина ноября] и во время самих Плеяд. Зима северная; дожди частые, сильные, большие; снега; в промежутках по большей части ясное небо. При этом холода не наступили раньше положенного времени. Но уже после зимнего солнцестояния, и в то время, когда начинает дуть западный ветер в конце зимы, были великие холода, частые северные ветры, постоянно снег и дожди; небо бурное и облачное. Все это продолжалось и не переставало до [весеннего] равноденствия. Весна холодная, северная, дождливая и облачная» (ibid. I. 4). В третий год «зима северная: сухость, холода, великие ветры, снега. К равноденствию же – сильные бури. Весна северная, сильные засухи, умеренные дожди и холода» (ibid. I. 7). Наконец, четвертый год характеризуется как год с заразным состоянием погоды: «Мрачная облачная осень, обилие дождей; зима с южным ветром, влажная, мягкая после солнцестояния; но долгое время спустя, при приближении равноденствия, возвращение зимнего

времени и уже около самого равноденствия – северные ветры со снегом, продолжавшиеся недолгое время. Снова южная зима без ветра; обильные непрерывные дожди...» (ibid. III. 2).

Таким образом, в трактатах Гиппократов содержатся не только описания отдельных погодных явлений, но и характеристики климата, что позволяет сделать вывод о сравнительно холодном климатическом фоне: частых холодных зимах в Эгейском бассейне, снеге и морозах.

Геродот

«История» Геродота представляет большой интерес как с точки зрения поиска документальных источников по истории климата, так и с точки зрения изучения восприятия климатический условий и их изменений древними греками. «Отец истории» часто давал климатические характеристики описываемым им областям ойкумены. Самым благоприятным он считал климат западного побережья Малой Азии, откуда сам был родом: «Эти-то ионяне, которым также принадлежит Панионий, основали свои города, насколько я знаю, в стране под чудесным небом и самым благодатным климатом на свете. Ни области внутри материка, ни на побережье (на востоке или на западе) не могут сравниться с Ионией. Первые страдают от холода и влажности, вторые – от жары и засухи» (Herod. I. 142)¹⁸. То, что точкой отсчета был для него именно средиземноморский климат, подтверждается

¹⁸ Здесь и далее – перевод Г.А. Стратановского, с изменениями, кроме оговоренных специально мест.

его известным пассажем из объяснения причин разлива Нила (II. 20 sqq.). Геродот решительно возражал против объяснения разлива Нила таянием снегов (эта теория, разделялась, в частности, Анаксагором¹⁹): «Наконец, третье объяснение, хотя и наиболее правдоподобное, тем не менее, ложное. Действительно, и оно так же решительно ничего не объясняет, утверждая, будто Нил выходит из берегов от таяния снегов. Между тем Нил течет из Ливии, затем проходит через Эфиопскую землю и впадает в море в Египте. В самом деле, как же (разлив) Нила может происходить от (таяния) снегов, если эта река течет из самых жарких стран в самые холодные. По крайней мере, всякому, кто в состоянии судить о таких предметах, представляется невероятным, чтобы (разлив) Нила происходил от (таяния) снегов. Первый и решающий довод (против этого) – знойные ветры, дующие из этих стран. Во-вторых, в этой земле вовсе не бывает дождей, и она никогда не покрывается льдом (ἀκρύσταλλος). После же снегопада в течение пяти дней непременно должны выпасть дожди (ἐπὶ δὲ χιόνι πεσοῦσῃ πᾶσα ἀνάγκη ἐστὶ ὑ σαι ἐν πέντε ἡμέρησι, ὥστε εἰ ἐχιόνιζε, ὕετο ἂν ταῦτα δε τὰ χωρία). Поэтому если бы (в этих странах) шел снег, то были бы также и дожди. В-третьих, люди там черные от действия (сильного) зноя. Коршуны и ласточки остаются там целую зиму, а журавли, спасаясь от скифской зимы, прилетают в эти места на зимовку. Итак, если бы в этой стране, по кото-

¹⁹ *Diod.* I. 38. См. *How W.W., Wells J. A Commentary on Herodotus. Vol. I. Oxf., 1912. P. 169–170.*

рой течет и откуда берет начало Нил, выпадал бы снег (εἰ τοῖνυν ἐχίονιζε), то ни один из приведенных фактов был бы невозможен, как это и логически необходимо» (II. 22). В этом пассаже содержится понимание (скорее, ощущение) отцом истории средиземноморской зимы: снег не может держаться долго, во всяком случае, не более пяти дней, после этого обязательно пойдут дожди, более характерные для зимнего времени²⁰. Т. е. зимние холода возможны, но только недолговременные. Снег для Геродота – не диво, но только мелкий, «крупка» (ср. Аристофан!). Снег наряду с сильными дождями и зноем был препятствием, которые должны были преодолевать персидские всадники при доставке донесения (VIII. 98). Снег хлопьями («перьями») для древнего историка представлялся явной экзотикой, и он передавал фантастическую картину обильных снегопадов (IV. 7. 3).

Классической страной «вечного холода» для «отца истории» была как сама Скифия, так и – в особенности – области, лежащие к северу от скифов. Скифский логос хорошо исследован в научной литературе, прежде всего, в отечественной²¹. Описания зимних холодов Геродотом, ско-

²⁰ Ср.: «...Бог посылает им [жителям долины в Азии. – С.К.] дождь, как и остальным людям...» (III. 117. 4), т. е. дождь, с точки зрения «отца истории», обычен для зимы.

²¹ См., прежде всего: *Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Тексты, перевод, комментарий. М., 1982, С. 258–259, с литературой вопроса; см. также: *Подосинов*

рее всего, преувеличены: «Говорят, что область, расположенную выше верхних частей страны по направлению к северному ветру, невозможно ни рассмотреть, ни пройти далеко вглубь из-за падающих перьев. Ведь и земля и воздух наполнены перьями, они-то и заслоняют вид» (IV. 7, пер. И.А. Шишовой). И далее: «Об упомянутых перьях, которыми, по словам скифов, наполнен воздух и оттого, дескать, нельзя ни видеть вдаль, ни пройти, я держусь такого мнения. К северу от Скифской земли постоянные снегопады, летом, конечно, меньше, чем зимой. Таким образом, всякий, кто видел подобные хлопья снега, поймет меня; ведь снежные хлопья похожи на перья, и из-за столь суровой зимы северные области этой части света необитаемы. Итак, я полагаю, что скифы и их соседи, образно говоря, называют снежные хлопья перьями» (IV. 31).

И в других описаниях реальные детали чередуются с анекдотическими: после перечисления народов, живущих к северу и востоку от скифов (будинов, исседонов и др.) Геродот отмечает: «Во всех названных странах зима столь сурова, что восемь месяцев там стоит невыносимая стужа. В это время хоть лей на землю воду, грязи не будет, разве только если разведешь костер. Море здесь и весь Боспор Киммерийский замерзают, так что скифы, живущие по эту сторону рва, выступают в поход по льду и на своих повозках переезжают на ту сторону до страны синдов. Такие холода про-

А.В. Произведения Овидия как источник по истории Восточной Европы и Закавказья. Тексты, перевод, комментарий. М., 1985. С. 177–179.

должаются в тех странах сплошь восемь месяцев, да и остальные четыре месяца не тепло. Вообще там погода совершенно отличная от других стран: когда в других местах дождливая пора, там дождей почти нет, а летом, напротив, очень сильные. Когда в других местах случаются грозы, здесь их не бывает, летом же они часты. Гроза зимой вызывает изумление, как чудо...» (Herod. IV. 28. 1–3).

В целом, скифский логос Геродота – весьма ненадежный источник по климату Северного Причерноморья середины I тысячелетия до н.э. Сам историк был только в Ольвии (очевидно, в середине V в. до н.э.), а сведения об остальных землях черпал из рассказов информаторов, зачастую менее, нежели более, правдоподобных. Важно, впрочем, отметить, что сведения Геродота свидетельствуют о холодном климатическом фоне Северного Причерноморья: замерзание Керченского пролива было обыденностью, так же как и снегопады, и холодные зимы. Ужасы холодов преувеличиваются, что было бы вполне естественным для информаторов «отца истории». Традицию преувеличения суровости причерноморского климата можно обнаружить и много веков спустя, в стихах Овидия; впрочем, у римского поэта-изгнанника были и вполне личные причины взывать к жалости²².

Фукидид

Среди многих качеств, присущих великому историку, достоинств и недостатков его знамени-

²² Подосинов А.В. Произведения Овидия... С. 177–179, с литературой вопроса.

того труда, есть, по крайней мере, одно, которое не рассматривалось в предшествующей историографии: нелюбовь Фукидида к зиме. Позвольте, может мне возразить любой предполагаемый и даже вполне реальный оппонент, где же здесь вообще место для дискуссии? Слово χειμών («зима») – одно из наиболее часто встречающихся в труде Фукидида²³, и к тому же кто, как не афинский историк, делил год на лето (θέρους) и зиму (χειμών), причем считал подобное деление важным усовершенствованием традиционной хронологии и своим личным вкладом в развитие исторической мысли (V. 20. 2–3)²⁴.

Однако, если присмотреться повнимательнее, фукидидовская χειμών обозначает скорее не время года, а период военных действий, зимнюю

²³ Более сотни упоминаний (из них около 90% имеют значение «зима»). Переводчики Фукидида обычно переводят χειμών как «буря», часто не обращая внимание на контекст. Конечно, в некоторых случаях (число их невелико) это уместно, однако, по моему глубочайшему убеждению, при отсутствии каких-то приводящих обстоятельств χειμών в сочинении афинского историка следует понимать как «зиму», «зимнюю кампанию».

²⁴ Хотя, как было отмечено комментатором Фукидида А. Гоммом, античный историк не дал ни четкого определения лета и зимы, ни развернутой критики традиционной системы хронологии по годам. См. *Gomme A.W. A Historical Commentary on Thucydides. Vol. II. Oxf., 1956. P. 1.*

кампанию, в противоположность летней²⁵. Исследователи и комментаторы труда Фукидида неоднократно обращали внимание на это обстоятельство, и оно четко зафиксировано в классическом русском переводе Мищенко – Жебелева – Фролова²⁶: «Вернее исследовать события по периодам времени, не отдавая предпочтения перечислению имен лиц должностных или иных, облеченных теми или иными почетными должностями в каждом государстве, по которым обозначаются прошлые события. Такое исчисление неточно, так как то или иное событие имело место в начале, середине или в какой-нибудь другой срок службы такого лица. Напротив, ведя счет по летним и зимним кампаниям (κατὰ θέρῃ δὲ καὶ χειμῶνας ἀριθμῶν), как это сделано у меня, и считая каждую из этих кампаний за половину года, можно насчитать десять летних и столько же зимних кампаний (δέκα μὲν θέρῃ, ἵσους δὲ χειμῶνας) в этой первой войне» (V. 20. 2–3)²⁷.

Несмотря на провозглашаемую точность усовершенствованной историком хронологии, в

²⁵ Собственно говоря, χειμῶν – это период неблагоприятных погодных условий с частыми дождями и более редкими снегопадами, характерный для средиземноморского климата с ноября по февраль, «низкий сезон» военных действий.

²⁶ Фукидид. История / Пер. Ф.Г. Мищенко и С.А. Жебелева под ред. Э.Д. Фролова. СПб., 1999. Здесь и далее цитируется этот перевод.

²⁷ Ср. II. 1: «Отдельные события войны я описал в той последовательности, в какой они происходили по зимним и летним периодам» (κατὰ θέρος καὶ χειμῶνα).

действительности она не слишком точна. Из приведенного выше «теоретического» пассажа можно понять, что зима составляет половину года (6 месяцев), в других местах она представляется как треть года (4 месяца): так, афинский полководец Никий жаловался, что экспедиционный корпус в Сицилии на четыре зимних месяца будет отрезан от Афин (VI. 21. 2)²⁸. Соответственно и весна (ἔαρ), и осень (φθινόπωρον) для Фукидида – часть лета, точнее, летней кампании (θέρος)²⁹. Граница между двумя «основными» временами года достаточно была условна и часто сдвигалась историком, исходя из стилистических либо композиционных соображений.

Правда, несколько десятилетий назад У. Притчеттом и Б. ван дер Верденом была принята попытка доказать, что Фукидид использовал точную астрономическую датировку для определения границ времен года³⁰. Однако эта теория была подвергнута достаточно резкой критике

²⁸ «Там мы будем в чужой враждебной стране, откуда в течение четырех зимних месяцев к нам с трудом доходят вести (ἐξ ἧς μηνῶν οὐδὲ τεσσάρων τῶν χειμερινῶν ἄγγελον ῥᾶδιον ἐλθεῖν)».

²⁹ *Gomme. Commentary. Vol. II. P. 6.*

³⁰ *Pritchett W.K., van der Waerden B.L. Thucydidean Time-Reckoning and Euctemon's Seasonal Calendar // BCH. 1961. 85. P. 17–52.* Еще раньше подобное предположение были выдвинуто А. Гоммом, хотя знаменитый комментатор Фукидида и не привел достаточно обоснований (*Gomme. Commentary. Vol. III. Oxf., 1956. P. 705.*)

Б. Меритом³¹ и в результате отвергнута большинством исследователей, поскольку плохо согласуется как с самим текстом «Истории», так и с общими принципами построения хронологии, свойственными грекам классической эпохи³². Действительно, с какой стати Фукидид захотел бы датировать рядовые события периодом в один или несколько дней? Что его должно было к этому побуждать?³³ Ведь принципы древнегреческой датировки (да и обыденной жизни) не требовали столь жесткой хронологической привязки событий, да и сами древнегреческие календари не отличались излишней точностью³⁴.

³¹ *Meritt B.D.* The Seasons in Thucydides // *Historia*. 1962. Bd 11. Ht 4. S. 436–446; *Meritt B.D., McGregor M.F.* The Athenian Quota-List of 421/0 B.C. // *Phoenix*. 1967. Vol. 21. N 2. P. 66: «Фукидид не высчитывал конец зимы и начало весны на основании какого-то фиксированного календаря, но исходя из случайных климатических характеристик: тепло было или холодно» (со ссылкой на Thuc. VIII. 58. 1 и 60. 3).

³² *de Ste. Croix G.E.M.* The Origins of the Peloponnesian War. L., 1972. P. 323–328; *Hunter V.* Past and Process in Herodotus and Thucydides. Princeton, 1982. P. 316–319.

³³ Cp. *de Ste. Croix*. The Origins. P. 325.

³⁴ В течение семи лет (с 426/5 по 420/19 г.) начало «сакрального» афинского года (первый день месяца гекатомбея) колебалось от 16 июня до 29 июля по юлианскому календарю, а начало «гражданского» года (первый день первой притании) – от 4 до 8 июля соответственно. См. *Meritt, McGregor*. The Athenian Quota-List. P. 88; см. также *Meritt B.D.* The Athenian Year. Berkeley, 1961. P. 218.

При этом, несмотря на частое упоминание зимы, описание самих зимних холодов – крайне редкое явление в «Истории» Фукидида. В этой связи можно разве что упомянуть косвенное упоминание о трудностях афинян при осаде Потидеи (II. 70. 1–2), зимнее отступление фракийского вождя Ситалка из Халкидики (II. 101. 5–6), прорыв пелопоннесской блокады платейским отрядом зимой (III. 22. 1 sqq.), успешный зимний маршбросок Брасида на Амфиполь (IV. 101. 1 sqq.) и, в какой-то мере, описание грозы во время зимнего сражения в Сицилии (VI. 70. 1). Поражает тот факт, что в своем сочинении историк, несмотря на явную приверженность гомеровской лексике³⁵, ни разу не употребил слова χιών («снег»), и только дважды – глагол ὑποεΐφειν («[немного] снежить, идти [о снеге]»)³⁶. Что же тут особенного, – может возразить мой воображаемый или реальный оппонент – ведь Фукидид жил в благодатной Греции, стране с мягким средиземноморским климатом, стране без суровых зим и морозов. К сожалению, у меня нет возможности описать здесь особенности

³⁵ В другом месте мне уже приходилось демонстрировать склонность Фукидида к употреблению известного со времен Гомера слова ὄμιλος, в то время как его современники для обозначения неорганизованного собрания значительно чаще употребляли ὄχλος. См. Карпюк С.Г. Ὀχλος от Эсхила до Аристотеля: история слова в контексте истории афинской демократии // ВДИ. 1995. № 4. С. 40–42.

³⁶ Bétant E.A. Lexicon Thucydideum. Vol. 1–2. Hildesheim, 1961 (впервые издан в Женеве в 1843–1847 гг.).

зимы как в современной, так и в древней Греции – это было мною сделано в другом месте. Резюмируя и упрощая, могу сказать, что для греческой зимы характерны периоды кратковременных похолоданий, вплоть до минусовых температур, с сильными бурями на море. Климат архаической и классической Греции был, несомненно, холоднее современного (на 1–2 градуса по параметру среднегодовой температуры) и соответствовал климату «вчерашней» Греции (середины–конца XIX в., т.е. конца так называемого «малого ледникового периода» в Европе). Снегопады были обычным явлением для Северной Греции, и нередким в Афинах. Ксенофонт в трактате о псовой охоте обсуждал сложности особенности выслеживания зайцев по снегу, а о подледном лове на Черном море Аристотель сообщал в «Метеорологике» как об обычае вполне тривиальном. (Сдается мне, Впрочем, что разумные древние греки все же предпочитали делать это в лиманах, не подвергаясь риску быть вынесенными в открытое море.) Гиппократ в трактате «Эпидемии» (книги I и III) дает последовательное описание погодных условий на самом северном в Эгейском море острове Фасосе в течение четырех лет (около 410 г.). Замечу, именно там базировалась афинская эскадра во главе с Фукидидом во время захвата Брасидом Амфиполя. Так вот: из четырех зим на острове две были снежными, причем одна из них отличалась сильными морозами; еще в один год снег выпал весной (Hippocr. Epidem. I. 1, 4, 7; III. 2). Ксенофонт сообщал и о крайне суровых (по греческим меркам)

морозах (до минус 10 градусов, вино замерзло) во Фракии в 400 г. (Xen. Anab. VII. 4. 3).

Наши источники сообщают, что особенно холодными были зимы первого десятилетия Пелопоннесской войны. Свидетельство о суровых зимах на севере Греции мы можем найти в шедевре античной литературы и философской мысли – платоновском диалоге «Пир», написанном в середине 80-х годов IV в., когда знаменитый философ достиг своего акме. В речи Алкивиада в «Пире» содержится настоящая апология Сократа, восхваляются его моральные и физические достоинства. В ряду с другими Алкивиад говорит о стойкости, проявленной Сократом во время осады Потидеи на Халкидике в самом начале Пелопоннесской войны: «Нам довелось отправиться с ним в поход на Потидею и вместе там столоваться. Начну с того, что выносливостью он превосходил не только меня, но и вообще всех» (219e). «Точно так же и зимний холод – а зимы там жестокие (δεινοὶ γὰρ αὐτόθι χειμῶνες) – он переносил удивительно стойко, и однажды, когда стояла страшная стужа и другие либо вообще не выходили наружу, либо выходили, напялив на себя невесть сколько одежды и обуви, обмотав ноги войлоком и овчинами (καὶ ἐνείλγμένων τοὺς πόδας εἰς πῖλους καὶ ἄρνακίδας), он выходил в такую погоду в обычном плаще (ἔχων ἱμάτιον) и босиком шагал по льду легче, чем другие, обувшись. И воины косо глядели на него, думая, что он глумится над ними» (220b, пер. С.К. Апта).

Замечу, что первый поход афинян на Потидею был предпринят еще до формального начала

войны весной 432 г. (Thuc. I. 59. 1), а потидейцы сдались афинянам зимой второго года войны (430/429 г.) (Thuc. II. 70. 1). Таким образом, афинский экспедиционный корпус находился в Халкидике в течение трех зим: 432/431, 431/430 и 430/429 гг.

Фукидид чрезвычайно скупо описывает зиму второго года войны (Thuc. II. 69). Не связана ли подобная лаконичность с суровостью этой зимы, во время которой практически не велось военных действий? Афинские стратеги заключили зимой 430/429 гг. с осажденными потидейцами соглашение на условиях свободного выхода, «видя страдания своего войска» (Thuc. II. 70. 2), за что подверглись осуждению в Афинах (Thuc. II. 70. 4). Не связаны ли были страдания войска с суровыми зимами, а также с эпидемией, разразившейся в войске осаждающих после прибытия подкреплений из Афин летом 430 г. (Thuc. II. 58. 1–3)? В речи Алкивиада в «Пире» есть указания на суровые зимы (как минимум две). Можно предположить, что последняя зима осады Потидеи (430/429 г.) была достаточно холодной, что побудило афинских стратегов заключить соглашение с потидейцами (тяжелым, видимо, было и положение самих потидейцев). Главной проблемой для афинян, что видно из слов Алкивиада, было отсутствие подходящей зимней обуви, что побуждало солдат изобретать некие «квази-валенки» из войлока и использовать даже овчины для утепления ног. Понятно, что такая обувь была чрезвычайно неудобной, в ней можно было «зимовать», но никак не вести военные действия. Впрочем, активных военных

действий зимой и не велось – афиняне ограничивались пассивной осадой.

Насколько достоверно это сообщение Платона? Ведь описываемые события произошли за 45 лет до написания диалога, незадолго до рождения самого Платона. Вероятно, Платон мог слышать подобный образчик «армейского фольклора» если не от самого Алкивиада, то от людей, слушавших и знавших лично знаменитого полководца и политического деятеля. Воспоминания Алкивиада к тому времени были достаточно свежими: действие «Пира» происходит в доме Агафона примерно через десятилетие после описываемых событий, в 421 г. Конечно, «морозостойкость» Сократа могла быть преувеличена (таково уж свойство армейского фольклора, и не только древнегреческого), но детали выглядят вполне достоверными. Во всяком случае, у ближайших потомков они никаких сомнений не вызывали.

К тому же, в самом труде Фукидида есть скупое подтверждение подобных холодов: историк пишет, что афиняне терпели лишения, ведя осаду Потидеи в «зимней (суровой) стране» (ἐν χειρὶν ἡμερῶν), т.е. в Халкидике (II. 70. 2). «Ахарняне» (138 sqq., 1141) и другие ранние комедии Аристофана полны аллюзий на холода, морозы, снег и суровость климата вообще (особенно те, которые ставились на Ленеях, в самый пик зимних холодов).

Поэтому можно с полной уверенностью утверждать, что Фукидид, сын Олора, у которого были немалые связи во Фракии, который обладал правом разработки золотых рудников на Фасосе и долгое время жил на греческом севере («в зимней

стране»)³⁷, неоднократно сталкивался с зимними холодами и морозами. И нельзя сказать, что они были совершенно несущественным фактором при ведении военных действий. Уж во всяком случае афинские демократы под водительством Фрасибула должны были благодарить судьбу или Зевса за тот восхитительный снегопад зимой 404/3 г., который не позволил ополчению «тридцати правителей» отбить захваченную Фрасибулом Филу³⁸. В чем же тогда причина почти полного умолчания о холодах и морозах в труде Фукидида?

Могу выдвинуть гипотезу, основанную прежде всего на анализе фукидидовского описания стремительного наступления Брасида на Амфиполь, который привел к сдаче города спартанцам зимой восьмого года войны (424/3 г.). Это событие резко повлияло как на политическую карьеру, так и на всю биографию Фукидида.

Итак, двигаясь от Халкидики к Амфиполю, Брасид «...после обеда продолжал путь ночью. Погода стояла бурная, и шел небольшой снег. Брасид очень быстро продвигался вперед, желая, что-

³⁷ Согласно одной из версий, историк умер во Фракии.

³⁸ Этот снегопад столь живо описал Ксенофонт в «Греческой истории», что это позволяет думать, что он сам был участником ополчения «трех тысяч», которые «засыпанные снегом, вернулись в город» (οἱ δὲ νιφόμενοι ἀπ᾽ ἄλλθων εἰς τὸ ἄστυ) (*Xen. Hell.* II. 4. 3). Описанное древним автором природное явление напоминает по силе знаменитый снегопад начала января 2002 г. в Афинах. Отметим, что подобной силы снегопад случается нечасто, примерно раз в поколение (предыдущий был зафиксирован в 1963 г.).

бы о нем не знали амфипольцы, кроме тех, которые хотели предать город» (IV. 103. 1–2, перевод Мищенко–Жебелёва–Фролова)³⁹. Однако в тексте Фукидида нет никаких намеков на бурную погоду. Историк пишет: «Была зима, и шел снег; ввиду этого Брасид и продвигался быстрее (χειμῶν δὲ ἦν καὶ ὑπένειφεν ἢ καὶ μᾶλλον ὥρμησε...)». Брасид перемещался быстро, что затруднительно при буре, но что совершенно естественно при морозе. Да и сам Фукидид сразу после этого смог поспешно (κατὰ τάχος) передислоцировать свою эскадру с острова Фасос в Эйон при отсутствии какой-либо бури на море (IV. 104. 5).

Соответственно в пятом параграфе той же главы, вопреки мнению большинства переводчиков, речь идет о зиме, а не о буре:⁴⁰ «...Ему [Бра-

³⁹ Вообще, к сожалению, восприятие данного пассажи переводчиками и комментаторами Фукидида совпадает: почти единодушно они полагают, что Фукидид в данном контексте вел речь о буре, плохой погоде. Вот некоторые примеры: «The weather was bad and somewhat stormy, and for this reason he made the more haste» (*Thucydides*. In Four Volumes. [History of the Peloponnesian War] / Transl. C.F. Smith. Vol. II. Cambr. Mass. – L., 1975); «Coelum autem erat turbidum, et subningebat...» (*Thucydides*. Historia belli Peloponnesiaci / Cum nova translatione latina F. Haasii. Parisiis, Editore Ambrosio Firmin Didot, 1840). Приятным исключением является мнение автора старого фукидидовского лексикона швейцарца Бетана, который в данном контексте воспринимал как зиму, hiems, а отнюдь не как бурю, tempestas.

⁴⁰ «Брасид легко одолел его (слабый гарнизон); ему благоприятствовала и измена, и дурная погода, и не-

сиду. — С.К.] способствовала и измена, и зимняя пора (ἄμα δὲ καὶ χειμῶνος ὄντος), и неожиданность штурма» (IV. 103. 5).

Фукидид не ожидал столь быстрого зимнего броска Брасида на Амфиполь. Хотя именно от Брасида афинский стратег мог бы ожидать подобного пренебрежения «правилами игры». За пять лет до рассматриваемых событий в начале зимы третьего года войны (429/8 г.) Брасид в числе других пелопоннесских военачальников планировал нападение на Пирей; и, хотя оно не достигло цели, спартанцам удалось опустошить остров Саламин (Thuc. II. 93–94). Заметим, что в ту же суровую зиму 429/8 г. в северные области Греции (Халкидику, Боттику, а также в Македонию) вторгся союзный афинянам фракийский вождь Ситалк (II. 95 sqq.). Однако из-за зимних лишений (καὶ ὑπὸ χειμῶνος) ему пришлось отступить, и варварское войско поспешно вернулось домой (II. 101. 5–6).

Возможно, афинский стратег Фукидид хорошо запомнил зимнюю неудачу Ситалка, но не зимнюю попытку Брасида. Потому-то он и оставался на Фасосе, в nepзoвoлительном отдалении от театра военных действий; активные военные действия зимой, под снегом, в «суровой стране» (II. 70. 2) Халкидике представлялись ему маловероятными.

ожиданность нападения» (IV. 103. 5, пер. Мищенко–Жебелёва–Фролова). Ср. английский и латинский переводы, указанные в предыдущей сноске: «...partly because he had fallen upon them in stormy weather and unexpectedly...»; «...simul proditiōnis, simul tempestatis, simul etiam adventus repentini beneficio».

Афинский историк Фукидид стремился, если не оправдать, то объяснить оплошность стратега. Введение «зимней кампании» как хронологической единицы было как раз к месту: стратег действовал правильно, согласно традиции, а Брасид нарушил ее, отступив от обычного порядка ведения войны. Как отступили от него и оказавшиеся в безвыходном положении платейцы, прорвавшие пелопоннескую блокаду города именно зимой, под снегом и по тонкому льду, когда холодная вода во рву доходила им до горла (III. 22–23). При этом не стоит подозревать Фукидиду в необъективности, в злонамеренной «подгонке» описания событий под некую абстрактную схему: в своем повествовании он неоднократно упоминал военные действия именно в зимний период.

Другой, связанный с этим, вопрос: почему все-таки эскадра Фукидида базировалась на Фасосе, а не в Эйоне, в устье реки Стримон, линию которой стратег призван был защитить? Исследователи и комментаторы Фукидида склонны утверждать, что причиной прибытия Фукидида на Фасос был сбор подкреплений. Однако для сбора подкреплений совсем не обязательно было посылать всю эскадру. Кроме того, в подобных действиях не было ничего зазорного и тем более позорного, и историк мог использовать этот аргумент для своего оправдания. Но Фукидид умолчал о причинах своего пребывания на Фасосе, и, следовательно, эти причины никак не могли оправдывать его действий.

Конечно, при отсутствии других свидетельств (Диодор не добавляет к рассказу Фукиди-

да, в сущности, ничего нового) мы можем строить только предположения. Я предлагаю в этой связи обратиться к сочинениям Гиппократу, к знаменитому «Гиппократову корпусу», идейная близость которых с «Историей» Фукидида прокламировалась и доказывалась исследователями неоднократно⁴¹. С точки зрения Гиппократу и его последователей устья рек считались неблагоприятными местами для проживания, как из-за того, что тамошним обитателям приходилось пить «смешанную» речную воду, что не приветствовалось древнегреческой медициной, так из-за повышенной эпидемической опасности. К тому же знаменитая афинская чума (которую так подробно описал Фукидид) миновала совсем недавно, и причины для опасений представлялись очень весомыми. Остров Фасос был местом более благоприятным с точки зрения климата, и, согласно самому Гиппократу, эпидемия могла там возникнуть лишь при особо неблагоприятном стечении погодных условий (Hippocr. Epidem. III. 3. 2 sqq.). По-моему, этот «экологический» фактор (наряду с многообразными, в том числе и коммерческими, интересами Фукидида на Фасосе) мог приниматься в расчет при определении места стоянки афинской эскадры. Понятно, почему афинское народное собрание не нашло никаких оправданий действиям стратега Фукидида. Оправданием в самом широком смысле стал его труд, написание «Истории». Создание усовершенствованной хронологии, использование

⁴¹ См., например, *Lichtenthaeler Ch. Thucydide et Hippocrate vus par un historien-médecin*. Genève, 1965. P. 146 suiv., 156, 238–240.

понятия «зимней кампании» — часть оправдания Фукидида, если не перед согражданами-современниками, то перед потомками.

Субъективный импульс Фукидид использовал для написания первого научного (по большому счету, и в современном понимании) исторического труда, и тем подал пример многим поколениям историков. Насколько хорошо они (мы) этим пользовались — это уже другой вопрос. Кстати говоря, мой собственный интерес к древнегреческой зиме также вполне субъективен: дело в том, что впервые в жизни я увидел греческий (а, точнее, эллинистический) храм именно зимой, под снегом; это было в Гарни, недалеко от Еревана, четверть века назад.

Фукидиду скорее всего удалось в конце жизни вернуться в Афины. Нет точных сведений о том, сколько лет он там прожил и когда умер (или был убит). Мне почему-то хочется верить, что он своими глазами видел знаменитый афинский снегопад зимой 404/3 г. И тогда становится понятной его сдержанность при описании снегопадов времен Архидамовой войны: конечно же, эти снегопады заслуживали только глагола ὑποείφειν («немного снежить») — ведь всё познается в сравнении.

И все-таки фукидидовское деление года на зимнюю и летнюю кампании было достаточно искусственным, и не прижилось в древнегреческой историографии. Показательно, с какой легкостью избавляется от этого деления продолжатель Фукидида Ксенофонт в своей «Греческой истории»: для него фукидидовская хронология (деление на летние и зимние кампании и даже на годы вообще)

очень быстро стала обузой, и он с легкостью с ней расстался (см. ниже).

Ксенофонт

Одна из последних историко-климатологических гипотез – представление о том, что период второй половины V – начала IV вв. до н.э. был временем относительного потепления. «Тщательное изучение наиболее точно датированного экспериментального материала (в общей сложности более 30 независимых исследований) позволяет нам характеризовать события ESA [ранней субатлантической эпохи] как асимметричный двойной холодный эпизод, в котором два этапа похолодания были разделены кратковременным потеплением примерно между 450 и 380 гг. до н.э.»⁴². Но именно этот период почти соответствует датам жизни Ксенофонта, на сочинениях которого в этой связи стоит специально остановиться.

Ксенофонт Афинский относится к тем авторам, который, по мнению историков и филологов начала и середины прошлого века, обладал «чутьем реального»⁴³. Но не мешали ли подобному чутью явные политические пристрастия Ксенофонта, его лаконофильство? Конечно, это так, но у Ксенофонта есть одно важное преимущество: он не хитёр, скорее прост. В знаменитом рассказе Эдгара По «Золотой жук» главный герой Уильям Легран разгадывает криптограмму, составленную

⁴² Клименко В.В. Холодный климат... С. 17–19.

⁴³ Грабарь-Пассек М.Е. Ксенофонт // История греческой литературы. Т. II. М., 1955. С. 125.

пиратами – не слишком образованными людьми. Леграну легко удалось восстановить разделение на слова по простой причине: пираты в том месте, где следует сделать пробел, наоборот, произвольно приближали значки друг к другу. Пытаясь затруднить дешифровку текста, они, по сути, ей способствовали. Подобная ситуация в чем-то напоминает процесс анализа текстов Ксенофонта. Только один пример: в военном контексте словом ὄχλος историк обычно обозначал войско, которое либо не построилось, либо отступало (т.е. не находящееся в боевом порядке). Но спартанское войско отступало в битве при Левктрах в 371 г. под натиском толпы фиванцев (ὕπὸ τοῦ ὄχλου ὠθοῦμενοι ἀνεχώρουν) (Hell. VI. 4. 14). Для лаконофила Ксенофонта даже бегущие спартанцы – не толпа, а теснящие их фиванцы – ὄχλος!⁴⁴ Какой еще автор IV века использует выражение «Зевс снежит» (νίφῃ ὁ θεός), свойственное эпосу или, по крайней мере, ранней архаике, а Ксенофонт пишет именно так (Супег. VIII. 1).

Ксенофонт – один из самых, если можно так выразиться, снежных или «зимних» греческих авторов классической эпохи. Со снегом и морозом ему приходилось неоднократно сталкиваться. Очевидно, греческое (и не только «сократическое») воспитание предполагало закаливание. В

⁴⁴ См. подробнее: *Карпюк С.Г.* Ὀχλος от Эсхила до Аристотеля: история слова в контексте истории афинской демократии // ВДИ. 1995. № 4. С. 42–43; *он же.* Общество, политика и идеология классических Афин. М., 2003. С. 113–115.

«Облаках» Аристофана Правда призывает Стрепсиада научиться «ненавидеть агору, и избегать (теплые) купальни» (μισεῖν ἀγορὰν καὶ βαλανείων ἀπέχεσθαι – стк. 991); она же вспоминает о старых добрых временах, когда дети не кричали, не шумели и чинно шли на занятия к кифаристу «все вместе нагими, хотя бы с неба и падала снежная крупа» (τοὺς κωμήτας γυμνοὺς ἀθροοὺς, καὶ κριμνώδη κατανίφοι – стк. 965). Конечно, в данном случае нужно делать скидку на комическое преувеличение, но направленность очевидна; можно также сослаться по этому поводу и на спартанские обычаи. Возможно, Ксенофонт еще подростком или юношей слышал воспоминания Сократа о суровых зимовках афинского войска под Потидеей (впрочем, это только предположение; доблесть Сократа при перенесении суровой зимы была описана в платоновском «Пире»)⁴⁵. Широко известен рассказ Алкивиада о Сократе: «Нам довелось отправиться с ним в поход на Потидею и вместе там столоваться. Начну с того, что выносливостью он превосходил не только меня, но и вообще всех... Точно так же и зимний холод – а зимы там жестокие (δεινοὶ γὰρ αὐτόθι χειμῶνες) – он переносил удивительно стойко, и однажды, когда стояла страшная стужа и другие либо вообще не выходили

⁴⁵ Пир, описанный Ксенофонтом, был устроен Каллием в честь победы своего любимца Автолика на гимнастических состязаниях и происходил, очевидно, в Великие Дионисии 422 г. Ксенофонт утверждал, что сам присутствовал на нем (Symp. I. 1). Пир Платона у трагика Агафона относится к 421 г. (Plat. Symp. 173a).

ли наружу, либо вы выходили, напялив на себя невесть сколько одежды и обуви, обмотав ноги войлоком и овчинами (καὶ ἐνείλιγμένων τοὺς πόδας εἰς πῖλους καὶ ἀρνακίδας), он выходил в такую погоду в обычном плаще (ἔχων ἱμάτιον) и босиком шагал по льду легче, чем другие, обувшись. И воины ко-со глядели на него, думая, что он глумится над ними» (Plat. Symp. 219e, 220b, пер. С.К. Апта).

Очевидно, еще до своего отъезда в армию Кира в 401 г. Ксенофонт мог наблюдать сильный снегопад в Аттике зимой 404/3 г., который затруднил действия «тридцати правителей» против Фрасибула. Ксенофонт весьма реалистически описал этот снегопад в «Греческой истории». Вероятно, он и сам был в числе «трех тысяч» ополченцев, «засыпанных снегом» при осаде Филы: «Сейчас вслед за этими событиями Фрасибул, совершив из Фив вылазку с отрядом приблизительно из 70 человек, захватил укрепленный пункт Фила. Тридцать правителей вышли ему навстречу из города с отрядом из трех тысяч вошедших в список граждан и всадников. Была чудная ясная погода» (Хен. Hell. II. 4. 2, пер. С.Я. Лурье). Группа молодежи пыталась взять укрепление, но неудачно. «Тогда тридцать правителей решили обнести крепость со всех сторон стеною, чтобы повести правильную осаду и отрезать подвоз съестных припасов. Но ночью выпал густой снег и шел весь следующий день. Окоченевшие от снега (*засыпанные снегом*. — С.К.), они вернулись в Афины (ἐπιγίγνεται τῆς νυκτὸς χιὼν παμπλήθης καὶ τῇ ὕστεραίᾳ. οἱ δὲ νιφόμενοι ἀπῆλθον εἰς τὸ ἄστυ), причем обоз по-

терпел жестокий урон от стрел защитников Филы. Тогда правители поняли, что если не будет надлежащей охраны, неприятель примется грабить поля Аттики, и отправили к границе почти весь лакедемонский гарнизон и две филы всадников. Этот караул был размещен в стадиях пятнадцати от Филы. Здесь он расположился лагерем в кустах и был настороже» (Xen. Hell. II. 4. 3–4, пер. С.Я. Лурье).

Итак, войско «тридцати правителей» попало под сильный и продолжительный снегопад. Отмечу, что сыпал *густой снег*, но вряд ли ударил сильный мороз. Ситуация в целом очень похожая на снегопад начала января 2002 г. в Афинах. Окончили же античные афиняне из-за отсутствия зимней одежды и особенно обуви, поскольку не могли ее напастить на всё ополчение⁴⁶. Однако многочисленный отряд все же оставался в кустах (поскольку снег уже растаял? или у них было теплое обмундирование?). Отмечу сразу же, что сильный снегопад в Аттике Ксенофонт описывает как достаточно редкое, но никак не катастрофическое природное явление. В других своих сочинениях, описывая просто сильный снегопад, он обычно пишет: γίγνεται τῆς νυκτὸς χιὼν πολλή (например, Xen. Anab. IV. 4. 8).

Через несколько лет Ксенофонту предстояло значительно более длительное пребывание в холодных климатических условиях. Понятно, что речь идет о походе десяти тысяч греков, описан-

⁴⁶ Теплая зимняя одежда, очевидно, не была «личной», а выдавалась по мере надобности, о чем свидетельствует слова хора из аристофановских «Ос» (стк. 441 слл.). Ср. Hom. Od. XIV. 476.

ном в знаменитом «Анабасисе». Одним из его контрапунктов является описание тяжелейшего перехода «десяти тысяч» через заснеженные горы Западной Армении (4-я и 5-я главы четвертой книги). Хотя, следует отметить, что в краткой аннотации «Анабасиса», которую Ксенофонт дает в начале третьей книги «Греческой истории», прямого указания на этот эпизод нет: «Как Кир собрал войско, как он с этим войском отправился вглубь страны против брата, при каких обстоятельствах произошла битва, как Кир погиб и как после этого грекам удалось благополучно добраться к берегу моря, – обо всем этом написано уже в книге сиракузца Фемистогена» (Xen. Hell. III. 1. 2).

Итак, во время возвращения греческих наемников из Месопотамии к Черному морю, Ксенофонту вместе со своими сотоварищами пришлось совершить в ноябре–декабре 401 г. зимний горный переход через хребты Западной Армении, высшей точкой которого стал перевал Тохталы, 1300–1400 м, немного западнее озера Ван⁴⁷, когда греки «расположились лагерем, а ночью выпал обильный снег. Поэтому утром решили разместить солдат и всех начальников по квартирам в деревнях, так как нигде не было видно неприятеля и казалось, что обильный снег достаточная гарантия безопасности» (Xen. Anab. IV. 4. 8, пер. М.И. Максимова). Далее ситуация только ухудшилась: «Но в то время, как они таким образом проводили

⁴⁷ Hoffmeister E. von. Durch Armenien, Eine Wanderung und Der Zug Xenophons bis zum Schwarzen Meere. Eine militaer-geographische Studie. Lpz.–B., 1911. S. 235–236.

ночь, выпал такой глубокий снег (ἐπιπίπτει χιόν), что он покрыл оружие и лежавших на земле людей и как бы сковал по ногам выучный скот. Было очень боязно встать, потому что выпавший и не-растаявший снег согревал лежавшего под ним человека. Когда же Ксенофонт решился встать не-одетым (γυμνὸς ἀναστὰς) и начал колоть дрова, то тотчас же встал еще один человек, отнял у него топор и принялся за рубку дров. Вслед за этим и другие начали подниматься, разжигать костры и натираться мазью... Тогда решили вновь разместиться (в деревнях) по квартирам в домах. Солдаты радостно, с громкими криками, отправились к домам и к продовольствию...» (IV. 4. 11–12, 14).

Что можно добавить к этому отрывку? Только то, что Ксенофонт описывал именно личные, собственные впечатления. Греческие воины вполне могли ночевать под снегом, но не как правило, а в виде исключения, и, конечно же, предпочитали ночевку в домах. Отмечу и физическую подготовку греков, и спокойствие и выдержку автора «Анабасиса», переносившего и описывавшего подобные невзгоды как должное.

Впрочем, главные испытания для греков были еще впереди. Греки «пустились в путь по глубокому снегу... и в тот же день, перейдя через гору, на которой Тирибаз намеревался напасть на них, стали лагерем. Отсюда они пошли по пустынной местности в три перехода 15 парасангов до реки Евфрата и перешли ее, причем вода доходила людям до пояса. Говорили, что истоки реки находятся неподалеку. Отсюда они прошли по равнине, покрытой глубоким снегом, в три перехода 13 па-

расангов. Третий переход был очень тяжел, так как северный ветер дул прямо в лицо, все замораживая и приводя людей в состояние окоченения⁴⁸. ... Глубина снега достигала 1 оргии, и из-за этого погибло много выючного скота и рабов и до 30 солдат. Ночь эллины провели у костров... Где горел костер, там вследствие таяния снега образовывались большие ямы, доходившие до самой земли, поэтому можно было измерить глубину снега. Отсюда в течение всего следующего дня они шли все по глубокому снегу, и много людей изнемогало от голода. Ксенофонт, находясь в арьергарде, подбирая упавших и недоумевал, что у них за болезнь. Но когда один из сведущих людей сказал ему, что они, очевидно, истощены голодом и что, съев чего-нибудь, они встанут на ноги, он прошел к обозу и, найдя запасы съестного, стал раздавать их сам и рассылать их через людей, способных дойти до голодающих. Вкусив пищи, они встали и пошли дальше...» (Xen. Anab. IV. 5. 1–9). «Некоторые солдаты стали отставать: у них началась под влиянием снега болезнь глаз, у других пальцы на ногах отмерзали вследствие холода. Защитой для глаз от воздействия на них снега служили куски чего-нибудь черного, носимого перед глазами во время

⁴⁸ А. Петерс принимает в 3-м параграфе чтение πέντε, основываясь на одной из авторитетных рукописей. Другие дают прочтения «тринадцать» либо «пятнадцать», что маловероятно, исходя из тяжести «снежных» переходов (ведь в гораздо более благоприятных условиях за три предыдущих перехода было пройдено 15 парасангов). См.: *Xenophon. Expeditio Cyri* / Ed. C. Hude. Cur. A. Peters. Lpz, 1972. P. 136, ll. 2–3.

похода, а для предохранения ног надо было непрестанно двигаться, не успокаиваясь ни на минуту, а на ночь разуваться. Если кто-либо ложился, не сняв обуви, то ремни врезались ему в ноги и обувь примерзала; ведь поскольку старая обувь изнашивалась, башмаки, так называемые карбатыны, были сделаны из недавно содранной бычачьей кожи...» (IV. 5. 12–14).

Детали, которые сообщает Ксенофонт, вновь не позволяют усомниться в личном участии автора в описываемых им событиях. Конечно, большинство сотоварищей Ксенофонта видело снег и до этого, но перемещаться в заснеженных горах при минусовой температуре – совсем другое дело. Сам Ксенофонт, очевидно, не имел до этого понятия о том, что человеческий организм во время мороза нуждается в усиленном питании. Наиболее серьезной проблемой было отсутствие подходящей обуви, защита глаз от света. Воины-греки в принципе могли ночевать в снегу, однако это не могло продолжаться долго. Поэтому возможность ночевки в домах местных или в жилых пещерах, которые широко распространены в центральной и восточной Анатолии, воспринималась с энтузиазмом.

Даже когда главным противником были не войска противника, а погода, войско стремилось маршировать по лохам (IV. 5. 4–6). На одной ночевке были сгруппированы возглавляемые одним стратегом несколько лохов и вспомогательные войска, которые составляли более крупное воинское соединение – таксис (IV. 4. 7–9; IV. 5. 33–

34)⁴⁹. Потери среди воинов, как указывает Ксенофонт, были не слишком велики; в гораздо большей пропорции погибали от холода не подготовленные к физическим трудностям греческой системой воспитания рабы и слуги.

Нужно отметить, что и сам Ксенофонт, и другие воины вполне адекватно оценивали опасности зимнего перехода, во всяком случае, после его завершения, о чем свидетельствует эпизод, реальный или вымышленный, описанный в пятой книге «Анабасиса», когда солдаты потребовали отчет у стратегов, а самого Ксенофонта обвинили в самоуправстве и нанесении побоев: «Ксенофонт приказал первому обвинителю сказать, где он был побит. Тот ответил: “Там, где мы погибали от холода и где было очень много снега”. Ксенофонт сказал: “В самом деле, когда была такая зима, о которой ты говоришь (χεῖμωνος γε ὅντος οἴου λέγεις) – когда хлеба не хватало и от вина не осталось даже винного запаха и мы изнемогали от множества трудов, а враги следовали за нами по пятам...”» (V. 8. 2, пер. М.И. Максимовой, с изменениями).

Но если во время «снежного перехода» в Армении мороз, очевидно, не был сильным, то во Фракии, на службе у Севфа, Ксенофонту пришлось столкнуться как с достаточно серьезным

⁴⁹ Lee J.W.I. The Lochos in Xenophon's Anabasis // Xenophon and His World. Papers from a Conference Held in Liverpool in July 1999 / Ed. by C.J. Tuplin (Historia. Einzelschriften. Ht 172). Stuttgart, 2004. S. 305. Можно вспомнить и о дословном переводе *lochos*: группа бойцов, лежащих вместе (ibid. S. 306).

снежным покровом⁵⁰, так и с сильными морозами. Греческий автор оценил при этом практичность одежды фракийцев – их зимние шапки, длинные плащи-накидки. Зимние холода во Фракии, очевидно (вопреки сомнительным исчислениям голландского комментатора)⁵¹, доходили до 10 градусов мороза (вино, во всяком случае, замерзало). Греческий автор так описывал этот эпизод: «Тем временем выпал глубокий снег и настал такой холод, что вода, приносимая к обеду, замерзала, так же как и вино в сосудах (ἦν δὲ χιὼν πολλή καὶ ψυχὸς οὕτως ὥστε τὸ ὕδωρ ὃ ἐφέροντο ἐπὶ δεῖπνον ἐπήγνυτο καὶ ὁ οἶνος ὁ ἐν τοῖς ἀγγείοις)⁵², и многие эллины отморозили себе носы и уши. Тогда выяснилось, почему фракийцы носят на головах и ушах лисьи шкуры, а также хитоны, прикрывающие не только грудь, но и бедра, а при верховой езде – плащи, доходящие до пят, а не хламиды (οἱ Θράκες τὰς ἀλωπεκᾶς ἐπὶ ταῖς κεφαλαῖς φοροῦσι

⁵⁰ Севф по глубокому снегу выискивал следы противника (*Xen. Anab. VII. 3. 42*).

⁵¹ *Stronk J.P.* The Ten Thousand in Thrace. An Archaeological and Historical Commentary on Xenophon's *Anabasis*, Books VI. III–VI – VII. Amsterdam, 1995. P. 217–218, 224–225. Вызывает некоторое изумление расчет точки замерзания вина, исходя из температуры замерзания воды в 0°C: -3,9°C для 12%-ного алкоголя (*ibid.* P. 224). При 0°C замерзает дистиллированная вода в лаборатории; в обычных природных условиях вода замерзает в интервале от -3°C до -4°C. По мнению отечественных и зарубежных экспертов, вино замерзает при температуре на градус ниже его крепости.

⁵² ἀγγεῖον – сосуд, мех (т.е не обязательно глиняный).

καὶ τοῖς ὥσί, καὶ χιτῶνας οὐ μόνον περὶ τοῖς στέρνοις ἀλλὰ καὶ περὶ τοῖς μηροῖς, καὶ ζειράς μέχρι τῶν ποδῶν ἐπὶ τῶν ἵππων ἔχουσιν, ἀλλ' οὐ χλαμύδας)» (Xen. Anab. VII. 4. 3–4, пер. М.И. Максимовой, с изменениями).

Итак, в «Анабасисе» автор описал преодоление климатических невзгод в одном ряду с другими трудностями, не преуменьшая, но отнюдь и не драматизируя трудности, связанные с зимними холодами. Хорошая физическая подготовка греческих воинов позволила минимизировать потери от холода.

Ремарки, касающиеся зимних холодов, разбросаны и в других сочинениях Ксенофонта. В «Воспитании Кира» упоминается охота в суровую стужу (αἱ πάσαι), которая является лучшей подготовкой к войне (Сугор. I. 6. 39). Для грека Ксенофонта использование персами зимой рукавиц – очевидный признак изнеженности (VIII. 8. 15–18). Характерно, что в «Воспоминаниях о Сократе» (II. 1. 30) таким же неестественным удовольствием считается употребление охлажденного питья (дословно: снега, χιόνα περιθέουσα ζητεῖς) летом.

Настоящим кладезем бытовых деталей является трактат Ксенофонта «О псовой охоте», известный у нас в старинном, но, по моему разумению, совсем неплохом переводе Г.А. Янчевецкого. Он написан в Скиллунте (387–371 гг.), где Ксенофонт провел самые безмятежные годы его жизни: он жил со своей семьей в подаренном ему спартанцами поместье, занимаясь сельским хозяйством и охотой.

Сочинение «О псовой охоте» заполнено упоминаниями о зиме, поскольку зимняя охота была распространена в древней Греции: «Лучше выводить (собак) летом до полудня, зимою в течение всего дня, осенью по полудни, весною перед вечером. Это наиболее подходящая пора» (Сυνηγ. IV. 11). И снова очевидны детали, которые автор знал на собственном опыте которыми он охотно делился с читателями: «Зимним утром, когда иней (πάχυν) или мороз (πάχος), они (следы зайца) не пахнут, потому что иней втягивает теплые пары и держит, а мороз замораживает» (Сυνηγ. V. 1). «Одежда (τὴν στολὴν), в которой ловчий выходит на охоту, не должна быть тяжелой. ... Сам охотник должен выходить на охоту в одежде простой и легкой, в такой же обуви, с палкой в руке» (Сυνηγ. VI. 5, 11). Или: «Выслеживать зайцев нужно тогда, когда снег идет такой (νίφη ὁ θεός), что закрывает землю, а если остаются черные пятна, то трудно искать. Если на старый снег падает новый и дует северный ветер, то следы держатся долгое время и не скоро тают; если дует южный ветер и солнце блестит, держатся недолго и скоро расплываются; а когда идет сильный снег, то ничего нельзя сделать, потому что он закрывает, как и сильный ветер, который все заносит⁵³. В таких случаях не

⁵³ ὅταν δ' ἐπινίφη συνεχῶς, οὐδὲν δεῖρ' ἐπικαλύπτει γάρρ' οὐδὲ ἄν πνεῦμα ἢ μέγαρ συμφοροῦν γάρ τὴν χιόνα ἀφανίζει. Некоторые издатели и переводчики (особенно из не слишком холодных стран, из Англии и Голландии) не слишком доверяют Ксенофону и стремятся внести исправление: вместо глагола ἐπινίφω (идти, по-

следует брать собак, потому что снег жжет собаке в нос и в лапы, а от холода запах следа улетучивается (ἡ γὰρ χιὼν καίει τῶν κυνῶν τὰς ῥίνας, τοὺς πόδας, τὴν ὀσμὴν τοῦ λαγῶ ἀφανίζει διὰ τὸ ὑπέρπαυες)» (Syneg. VIII. 1–2, пер. Г.А. Янчевецкого, с изменениями).

Вообще для Ксенофонта-землевладельца характерно традиционное, крестьянское отношение к годичному циклу, которое можно встретить еще у Гесиода. Зима – время приостановки деятельности, время подготовки будущего урожая: «Случка собак происходит зимою, при остановке работ, чтобы сука могла к весне в покое произвести хорошее потомство, так как это время самое лучшее для произращения собак... Побуждение к случке продолжается 14 дней... Носит сука 40 дней» (VII. 1–2, пер. Г.А. Янчевецкого, с изменениями). Однако Ксенофонт-гражданин, Ксенофонт-воин, Ксенофонт-писатель этому циклу традиционного общества уже противостоял; зима – время не только отдыха, но и активной деятельности в самых разных сферах политической жизни.

Характерно, что Ксенофонт, даже стремясь подражать Фукидиду в хронологическом оформ-

крывать – о снеге) предлагается глагол ἐπινεφέω (покрывать, окутывать облаками). [ἐπινέφη van Leeuwen, E.W. Marchant: «When it is cloudy and the wind is in the north»]. Понятно, что немецкий издатель и русский переводчик не идут по этому ложному пути: снег в древней Греции зимой был, и даже сейчас горнолыжные курорты в Дельфах и на Пелопоннесе функционируют с декабря по апрель–май.

лении своей «Греческой истории», очень быстро отказывается от фукидидовского деления года на лето и зиму. Сперва ученик еще как-то пытался следовать мэтру: «На другой год [409] (τῷ δὲ ἄλλῳ ἔτει) афиняне окружили стеной Форик...» (Хен. Hell. I. 2. 1); «и вот пришла зима (καὶ χειμῶν ἐπληεῖ)», в течение которой сиракузские военнопленные бежали из заточения (I. 2. 14). Лексические различия между Фукидидом и Ксенофонтом очевидны: понятие «летней кампании» Ксенофонт не использует изначально, заменяя «лето» «годом», да и зима в дальнейшем быстро исчезает из датировочных характеристик.

При описании следующего года Ксенофонт формально еще следует, если не фукидидовской лексике, то фукидидовским хронологическим принципам: «Так закончился год...» (I. 2. 19). И далее: «В следующем году [408] (τοῦ δ' ἐπὶόντος ἔτος) был сожжен молнией храм Афины в Фокее. Когда же закончилась зима... с наступлением весны... афиняне уплыли со всем войском» (I. 3. 1). На первый взгляд, все признаки фукидидовской хронологии присутствуют, но, если присмотреться, события всего года излагаются нерасчлененно.

Далее Ксенофонт предпочитает «открывать» год стандартным выражением «на следующий год» (τῷ δ' ἐπὶόντι ἔτει): «На следующий год [406] было лунное затмение и сгорел древний храм Афины в Афинах...» (I. 6. 1); «На следующий год [405]... Лисандр прибыл в Эфес» (II. 1. 10); «На следующий год [404] народ постановил избрать тридцать человек...» (II. 3. 1). К середине второй

книги «Греческой истории» «зимняя кампания» окончательно исчезает из датировочной практики, и даже знаменитый аттический снегопад зимой 404/3 г. Ксенофонт описывает вне «зимней» хронологии (II. 4. 3).

Начало многих лет вообще никак не фиксировалось Ксенофонтom, и они «растворялись» в общем потоке повествования. Иногда начало периода военных действий связывается с наступлением весны (а не лета): с наступлением весны 398 г. Деркилид отправляется из Вифинии в Лампсак (III. 2. 6), с наступлением весны 395 г. Агесилай собирает в Эфесе свое войско (III. 4. 16). Используются для датировки и этапы деятельности любимых Ксенофонтom героев: «В то время как раз окончился год с тех пор, как Агесилай отплыл из Лакедемона» (III. 4. 20, пер. С.Я. Лурье).

Таким образом, для Ксенофонта фукидидовская хронология (деление на летние и зимние кампании и даже на годы вообще) очень быстро стала обузой, и он с легкостью с ней расстался. Следует отметить, что выделение зимних кампаний должно было казаться неестественным Ксенофонтu, который сам вместе со своими товарищами зимой 401 г. преодолевал заснеженные перевалы и долины Армянского нагорья, а следующей зимой в лютые морозы воевал во Фракии.

* * *

Биография Ксенофонта – пример преодоления сезонных климатических трудностей. Наверное, это характерно и для всей древнегреческой

цивилизации, цивилизации преодоления. Показательно, в каком контексте Ксенофонт описывал зиму и зимние холода: для него это не было выдающимся событием, кратковременный снег и холод – в порядке вещей. Это свидетельствует как о том, что писатель жил в достаточной суровой (для Греции) климатический период, так и об отношении к зиме и холодам. Сочинения Ксенофонта можно рассматривать как своеобразный памятник, трофей преодоления неблагоприятных климатических условий древнегреческой цивилизацией.

Платон

Свидетельство о суровых зимах на севере Греции содержится и в шедевре античной литературы и философской мысли – платоновском диалоге «Пир», написанном в середине 80-х годов IV в., когда знаменитый философ достиг своего акме. Очень сложна композиция «Пира». Аполлодор рассказывает по просьбе друзей о пире у поэта Агафона, о котором слышал подробный рассказ от Аристодема, который присутствовал на этом пиру. В этот рассказ Аристодема включены речи пировавших и рассказ самого Сократа о его беседе с Диотимой. «Таким образом, получается тройная передача, что, конечно, нарушает реалистический характер повествования, но дает более широкие возможности придать индивидуальный характер излагаемым речам. Все речи Павсания, Аристофана, Агафона и полупьяного Алкивиада написа-

ны в разном стиле и дают живую характеристику этих лиц»⁵⁴.

В речи Алкивиада содержится настоящая апология Сократа, восхваляются его моральные и физические достоинства. В ряду с другими Алкивиад говорит о стойкости, проявленной Сократом во время осады Потидеи на Халкидике в самом начале Пелопоннесской войны: «Нам довелось отправиться с ним в поход на Потидею и вместе там столоваться. Начну с того, что выносливостью он превосходил не только меня, но и вообще всех» (219e). «Точно так же и зимний холод – а зимы там жестокие (δεινοὶ γὰρ αὐτόθι χειμῶνες) – он переносил удивительно стойко, и однажды, когда стояла страшная стужа и другие либо вообще не выходили наружу, либо вы выходили, напялив на себя невесть сколько одежды и обуви, обмотав ноги войлоком и овчинами (καὶ ἐνεπιγμένων τοὺς πόδας εἰς πῖλους καὶ ἀρνακίδας), он выходил в такую погоду в обычном плаще (ἔχων ἱμάτιον) и босиком шагал по льду легче, чем другие, обувшись. И воины косо глядели на него, думая, что он глумится над ними» (220b, пер. С.К. Апта).

Первый поход афинян на Потидею был предпринят еще до формального начала войны весной 432 г. (Thuc. I. 59. 1), а потидейцы сдались афинянам зимой второго года войны (430/429 г.) (Thuc. II. 70. 1). Таким образом, афинский экспедиционный корпус находился в Халкидике в течение трех зим: 432/431, 431/430 и 430/429 гг.

⁵⁴ Аханов А.С., Грабарь-Пассек М.Е. Платон // История греческой литературы. Т. II. М., 1953. С. 193.

Фукидид чрезвычайно скупо описывает зиму второго года войны (Thuc. II. 69). Не связана ли подобная лаконичность с суровостью этой зимы, во время которой практически не велось военных действий? Афинские стратеги заключили с осажденными потидейцами соглашение на условиях свободного выхода, «видя страдания своего войска» (Thuc. II. 70. 2), за что подверглись осуждению в Афинах (Thuc. II. 70. 4). Не связаны ли были страдания войска с суровыми зимами, а также с эпидемией, разразившейся в войске осаждающих после прибытия подкреплений из Афин летом 430 г. (Thuc. II. 58. 1-3)? В своей речи Алкивиад упоминает на суровые зимы (как минимум две). Можно предположить, что и последняя зима 430/429 г. была достаточно холодной, что побудило афинских стратегов заключить соглашение с потидейцами (тяжелым, видимо, было и положение самих потидейцев). Главной проблемой для афинян, что видно из речи Алкивиада, было отсутствие подходящей зимней обуви, что побуждало солдат измышлять некое подобие валенок из войлока и использовать даже овчины для утепления ног. Понятно, что такая обувь была чрезвычайно неудобно, в ней можно было «зимовать», но не вести военные действия. Впрочем, активных военных действий зимой и не велось – афиняне ограничивались пассивной осадой.

Насколько достоверно это сообщение Платона? Ведь описываемые события произошли за 45 лет до написания диалога, незадолго до рождения самого Платона? Конечно, Платон мог слышать подобный образчик «армейского фольклора» если

не от самого Алкивиада, то от людей, слушавших и знавших лично знаменитого полководца и авантюриста. Воспоминания Алкивиада к тому времени были достаточно свежими: действие «Пира» происходит в доме Агафона примерно через десятилетие после описываемых событий, в 421 г. Конечно, «морозостойкость» Сократа могла быть преувеличена (таково уж свойство армейского фольклора), но детали выглядят вполне достоверными. К тому же они находят подтверждение в свидетельствах Фукидида и Аристофана о суровых зимах в Северной Греции в начале Пелопоннесской войны.

Аристотель

Аристотель в «Метеорологике» дал систематическое описание климатических явлений. Характерно, что снег для него не был необычным явлением; гораздо более значительный интерес у него вызывало объяснение происхождения града. Холод для него – одно из важнейших начал. Как урожденный стагирит (т.е. обитатель греческого Севера), долгое время живший при македонском дворе, он сталкивался с холодами и морозами.

Для Аристотеля зима – прежде всего дождливый сезон (Arist. Meteor. II. 4, 360a). Сухая зима – скорее исключение: «А во время большой кометы стояла сухая зима с северными ветрами и из-за встречных ветров было наводнение: в заливе преобладал борей, а в открытом море дул нот»⁵⁵ (I. 7,

⁵⁵ Здесь и далее русский перевод этого трактата цитируется по изданию: *Аристотель. Метеорологика* /

344b sqq.). Однако иногда бывает и более холодная погода: «Мес (ССВ) и апарктий (С) – самые снежные ветры, а потому и самые холодные» (II. 6, 362b). Аристотель отмечает, что при более и снегопадах не бывает тифонов (бурь) и ураганов, потому что «мороз и охлаждение берут вверх» (III. 1, 371a). С точки зрения Стагирита, замерзшая грязь, а не снег, была типична для греческой зимы: «Те (составы) из земли и воды с преобладанием земли, что твердеют от холода, и те, что затвердели, потому что их покинуло тепло, плавятся от тепла, коль скоро оно возвращается (например, замерзшая грязь)» (IV. 6, 383a).

Впрочем, в более холодных краях и вода замерзает зимой, и снег выпадает. Аристотель даже описал подледный лов в Северном Причерноморье: жители Понта ловят рыбу, строя на льду шалаши и проделывая отверстия во льду (I. 12, 348b; cf. II. 1, 354a).

Для Аристотеля замерзание воды и вина, загустевание оливкового масла – рядовые явления. Он указывал, что затвердевание воды (IV. 6, 383a) и вина (IV. 7, 384a) происходит от холода. Оливковое масло, напротив, загустевает как от огня, так и от холода (IV. 7, 383b). Лед состоит из воды (IV. 9, 385b), а «из (тел), образованных сгущением, те, что затвердели от холода, состоят из воды, например, лед, снег, град, иней...» (IV. 10, 388b). То есть философ имел очевидные и вполне четкие представления о замерзании жидкостей, что может

Пер. Н.В. Брагинской под ред. И.Д. Рожанского, А.Хргиана. Л., 1983.

косвенно свидетельствовать о повседневном знакомстве с этим процессом.

Для Аристотеля творцами всех тел являются тепло и холод (IV. 8, 384b). «Холод следует понимать в известном смысле как материю, ведь сухое и влажное – материя... Тело, состоящее из земли и воды, будет скорее холодным, если оно не получило теплоту извне» (IV. 18, 389a–b).

Феофраст

В «Исследовании о растениях» ученика Аристотеля Феофраста содержится немного климатических наблюдений, а также сведений о растительном мире, интересных с точки зрения изучения климата. Следует отметить, что этот трактат, второй, посвященный ботанике, написан им уже в зрелом возрасте, во второй половине IV в. до н.э.⁵⁶

Автор описывает время вызревания различных плодов – осенью, в начале зимы, «около захода Плеяд», «после захода Плеяд» (III. 4. 3–4). Например, плоды на цветах пихты появляются после захода Плеяд (III. 4. 5).

«Разница во времени восхода зависит и от того, что наступило после посева: морозы и засуха или же хорошая погода и дожди» (VIII. 1. 7). Описывая зимние холода, Феофраст отмечает, что северные ветра губят и «обжигают» растения. «На Халкиде эвбейской, например, – это ледящий ветер с Олимпа, который может задуть незадолго до зимнего солнцеворота или после него... Ветер

⁵⁶ *Феофраст. Исследование о растениях* / Пер. М.Е. Сергеевко. [М.–Л.], 1951.

этот часто бывал и в прежние времена, и при Архиппе, после сорокалетнего перерыва, свирепствовал со всей силой» (IV. 14. 11). «Из местностей больше всего страдают от этих бедствий котловины, ущелья, речные берега», из деревьев – смоковница и маслина (IV. 14. 12). Философ специально отмечает, что в Греции финиковая пальма не вызревает (III. 3. 5).

Феофраст, как и многие греки его времени, плохо представлял себе природно-климатические условия северных окраин античного мира: «В северных странах всё по-иному: там нет ничего, что заслуживало бы упоминания; есть только обычные деревья, которые любят холод и растут и у нас. Таковы сосна, дуб, пихта, самшит, каштан, липа и т.п.» (IV. 5. 1).

По мнению А.Н. Криштофовича, Феофраст имел больше сведений о Керченском проливе, нежели о южном берегу Крыма. В Керчи снеговой покров лежит довольно долго, «и мнение Феофраста надо скорее приписать недостатку знаний о Понте, так как нет никаких данных считать климат этой страны в его время более теплым»⁵⁷. Вот как описывает Феофраст зимние холода на Боспоре Киммерийском: «На Понте около Пантикапея обмерзание может произойти в двух случаях: от изморози, если год холодный, или от мороза, если мороз долго держится: обычно и то и другое случается в течение 40 дней после зимнего солнцеворота. Мороз стоит в ясную погоду; изморозь же,

⁵⁷ Криштофович А.Н. «Исследование о растениях Феофраста» // *Феофраст. Исследование о растениях* / Пер. М.Е. Сергеевко. [М.–Л.], 1951. С. 327–328.

преимущественно и обмораживающая деревья, бывает, когда при ясной погоде начинают сыпаться снежинки, похожие на очески, только более широкие. Их можно видеть, пока они летят; упав, они тают, во Фракии, правда, смерзаются» (IV. 14. 13).

Менандр

Известно, что менандровская комедия «Брюзга» была поставлена в 316 г. на празднике Ленеи, подобно многим аристофановским пьесам⁵⁸. Менандр (342/1–292/1 гг. до н.э.) творил примерно столетием позже Аристофана, причем действие его комедий, как и у его предшественника, происходит либо в самих Афинах (например, в «Самиянке»), либо в сельской местности рядом с Афинами («Брюзга», «Третьейский суд» и др.), либо совсем неподалеку от Аттики (в Коринфе – «Остриженная»).

Однако в комедиях Менандра мы находим поразительно мало упоминаний как о зиме, так и о временах года вообще. Исходя из некоторых деталей в «Брюзге», можно сделать вывод, что действие этой комедии происходит в пору сбора урожая, осенью: брюзга Кнемон собирает груши (стк. 102), а затем в ярости швыряет их (стк. 123); другой персонаж, Сострат, работает мотыгой (стк. 522), явно взрыхляя почву перед осенним севом. В комедии «Земледелец» действие происходит весной: упоминаются «охапки свежесрезанных вет-

⁵⁸ Ярхо В.Н. Менандр – поэт, рожденный заново // Менандр. Комедии. Фрагменты / Изд. подг. В.Н. Ярхо. М., 1982. С. 399; ср. с. 439.

вей» (стк. 32) и цветы (стк. 36). В других комедиях нет и подобных «привязок», и $\chi\epsilon\iota\sigma\acute{o}\nu$ в «Самиянке» обозначает скорее непогоду, нежели время года (стк. 207–208). Во фрагменте 268 (656) упоминается смерч или буря на море.

Единственным исключением представляется комедия «Ненавистный». Воин Фрасонид, ожидая свою возлюбленную перед ее домом в Афинах, в сердцах произносит:

Я брежу ей. Но воли не даю себе –
Предпочитаю стыть зимой на улице
Дрожать и, Ночь, с тобою разговаривать.
Его раб, Гета, подтверждает мысль хозяина:
Теперь и псу на улице не место
(стк. А 12 слл., пер. А. Парина).

Описанная сцена происходит скорее в ненастную ночь летом, во всяком случае, не зимой. Фрасонид мечтает:

...я жду мгновения,
Когда вдруг ночью грянут гром и молния
И ливень. Я лежу с ней рядом
(стк. А 50 слл., пер. А. Парина).

Однако грозы характерны для Греции летом, а не зимой – об этом писали и Геродот, и Аристотель.

Если в пьесах Менандра упоминается одежда, то обычная не теплая – например, хламида («Самиянка», стк. 717). Когда Кнемон дает Сострату овчину вместо плаща, то в данном случае Менандр противопоставляет элегантную город-

скую одежду простой и грубой деревенской («Брюзга», стк. 415).

Складывается впечатление, что за столетие, прошедшее от творчества Аристофана до творчества Менандра, некоторое потепление климата произошло, хотя природно-климатические условия, конечно, не могли за этот период кардинально измениться. Однако главное различие между Аристофаном и Менандром лежит в совершенно иной плоскости: если в «древней комедии», в сочинениях Аристофана действующими лицами были люди, народ афинский, и природно-климатические условия Аттики знаменитый комедиограф описывал вполне реалистично, то в комедиях Менандра мы видим достаточно абстрактных персонажей в абстрактной природной среде.

Басня

Басня – демократичный литературный жанр, отражающий традиционную мораль. «Эзоповы басни» бытовали в древней Греции, начиная с периода поздней архаики. «Долитературная басня наполовину принадлежит литературе, наполовину – фольклору; художественная форма у нее прозаическая; автора у нее нет, точнее – автор вымышленный; все басенные сюжеты приписываются легендарному мудрецу Эзопу»⁵⁹. Первый сборник «Эзоповых басен» был составлен Деметрием Фалерским около 300 г. до н.э., а древнейшая из дошедших до нас, так называемая «Августанская»

⁵⁹ *Гаспаров М.Л.* Античная литературная басня (Федр и Бабрий). М., 1971. С. 3.

редакция восходит к I–II вв. н.э.⁶⁰ Неудивительно, что в античных баснях упоминаются и климатические характеристики, различные времена года, так что басни являются подходящим источником для описания общего климатического фона античной Греции.

В приписываемых Эзопу баснях основного корпуса мы находим немало упоминаний о холодах, зиме, и временах года вообще, причем зима воспринимается достаточно некомфортное время года. Зимние погодные условия – суровые, «грубые», но человек им вполне может противостоять. Так, в басне «Борей и Солнце» (№ 46 Гаспаров, Hausrath)⁶¹ Борей (северный ветер) и Солнце спорят, кто сильнее, заставляя путника сбросить одежду. Усиливающийся холодный ветер заставляет человека кутаться все сильнее, но, когда пригревает солнце, человек сбрасывает одежду сам. Роль одежды в преодолении зимних холодов показана в басне «Мот и ласточка» (№ 169 Гаспаров = № 257 Hausrath). Расточительный юноша, увидев, что прилетела ласточка, решает продать свой плащ (гиматий), а, когда вновь наступают холода, он видит мертвую ласточку и жалеет о своей поспешности. Конечно, в этой басне «развернута» пословица «одна ласточка весны не делает», но текст басни содержит интересные детали. Во-первых, речь идет о «демисезонном» плаще, гиматии, а не о специальной теплой зимней накидке, хлене. Т.е.

⁶⁰ Там же. С. 21–22.

⁶¹ Басни Эзопа / Пер., статья и комм. М.Л. Гаспарова. М., 1968; *Corpus fabularum Aesopiarum* / Ed. Aug. Housrath. Vol. I. Fasc. 1–2. Lps, 1956–1957.

зиму можно было пережить, не используя специальную зимнюю одежду, но какой-то плащ, гиматий, был совершенно необходим. Во-вторых, зима здесь противопоставляется не весне, а лету (θέρως), т.е. применяется двухчленное деление времен года, как у Фукидида. В-третьих, ласточка гибнет от того, что «вернулась зима и сильные холода» (χειμῶνος ἐπὶ λαβόντος καὶ σφοδροῦ καὶ κρύους γενόμενου περιῶν). Ласточки возвращаются в Грецию в конце февраля или в начале марта, но мартовские похолодания – не редкость как по свидетельствам древних авторов (например, Гиппократ), так и по современным наблюдениям.

Одна басня, которая не вошла в основной сборник эзоповских басен, заслуживает отдельного рассмотрения. Это – басня «Зима и весна» (№ 272 Гапаров = № 329 Hausrath)⁶². Спор зимы и весны завершается в ней в пользу последней, хотя зима выставляет и свои, достаточно убедительные, доводы: «А я правлю как самовластный царь и вождь: я заставляю людей смотреть не в небо, а под ноги, в землю, заставляю их дрожать и трепетать». Зато весной «никто не знает покоя, одни идут в луга и рощи, где любо им рвать цветы,... другие садятся на корабли и плывут за море, и никто уже не думает и никто уже не думает ни о ветрах, ни о ливнях» (пер. М.Л. Гаспарова). Характерные признаки зимы здесь – отсутствие море-

⁶² Датировать этот текст следует никак не раньше эллинистического времени, потому что здесь присутствует достаточно поздний для древнегреческой литературы мотив любования природой.

плавания и дожди (но никак не снег). Интересно, что этот же сюжет использован и в басне «Зима и весна» из второго бабрийевского сборника (№ 55 Гаспаров = № 89 Льюис)⁶³, но победительницей спора здесь оказывается как раз зима:

...Но ужель зимой хуже?
Я на корабль вступаю посреди моря,
Вздыхаю волны, бурные кружу вихри,
Обрушиваю леденящий дождь с неба
И сыплю хлопья снега, и секу градом;
А люди не выходят из домов теплых,
Пируют, у горящих очагов сидя...
Как посмотреть, бывает по сердцу людям
За то, что я веселье в их дома сею
(сткк. 8–14, 20–21, пер. М.Л. Гаспарова).

Здесь описаны реалии достаточно суровой зимы, но главное – зима оказывается благоприятным временем года, поскольку дает некий отдых от забот.

Только в очень немногих баснях основного эзоповского сборника упоминается зима (χειμών) и зимняя стужа. Впрочем, басенные атрибуты зимы не свидетельствуют о ее излишней суровости. В басне «Человек и сатир» (№ 35) упоминается о том, что «пришла зима, стало холодно, и стал человек дышать себе на руки, поднося их к губам...» В басне «Конь, бык, собака и человек» (№ 105) говорится о том, что «Зевс сотворил человека, но жизнь ему дал недолгую. А человек, по своей со-

⁶³ *Федр, Бабрий. Басни* / Изд. подготовил М.Л. Гаспаров. М., 1962.

образительности, построил себе дом и поселился там. Стужа была сильная, лил дождь...» В басне «Путник и гадюка» (№ 176) также нет атрибутов сколько-нибудь суровой зимы.

Прототипом знаменитой Крылова «Стрекоза и муравей» является басня «Муравей и жук» из основного эзоповского сборника (№ 112 Гаспаров): «В летнюю пору гулял муравей по пашне и собирал по зернышку пшеницу и ячмень, чтобы запастись кормом на зиму. Увидал его жук и посочувствовал, что ему приходится так трудиться даже в такое время года, когда все остальные животные отдыхают от тягот и предаются праздности. Промолчал тогда муравей; но когда пришла зима и навоз дождями размыло, остался жук голодным» (пер. М.Л. Гаспарова). Отличие погодных условий зимнего Средиземноморья от русской зимы очевидно и не требует комментариев. Однако климатические условия II в. н.э., когда бытовал текст дошедшего до нас основного эзоповского сборника⁶⁴, значительно отличались от климатических условий архаического и классического периодов истории древней Греции. Характерно, что, в отличие от текстов классической эпохи, *χειμών* в баснях основного эзоповского сборника чаще имеет значение «буря, непогода», нежели «зима» (№ 13 – буря на море, ненастье, № 30 – буря на море, № 52 – непогода, буря в горах, № 68 и 78 – буря на море, № 94 – ненастье, № 171 – буря, № 207 – буря на море).

⁶⁴ См. *Гаспаров М.Л.* Басни Эзопа // Басни Эзопа / Пер., статья и комм. М.Л. Гаспарова. М., 1968. С. 253–254.

Таким образом, так называемые «басни Эзопа» отражали климатические условия I–II вв. н.э., т.е. «потепления римского времени», но никак не заметно более холодного климатического фона архаического и классического периодов истории древней Греции. Это и понятно: «басни Эзопа» «не были неприкосновенным литературным памятником, но лишь сырым материалом, открытым для любой обработки»⁶⁵. Повседневный фон, бытовые детали (в том числе и климатические) черпались из современной жизни.

К литературному материалу можно добавить следующее: древнегреческие вазописцы стремились не изображать холода и предметы зимней одежды (сисюру, хлену), которые использовались при похолоданиях⁶⁶. «Идеальный образ» и даже «бытовой образ» грека архаической и классической эпохи был несовместим с зимними холодами и специальной зимней одеждой. Изображения на вазах свидетельствуют скорее не о реальных климатических условиях, а о греческих представлениях о них; идеологии здесь больше, чем климатологии. Греческие представления о «непрестижности» зимней жизни вольно или невольно передались и современным исследователям⁶⁷.

⁶⁵ Гаспаров. Античная литературная басня. С. 22.

⁶⁶ См. также классическое пособие Джона Бордмана о чернофигурной афинской керамике: *Boardman J. Athenian Black Figure Vases. A Handbook*. L., 1991. Нет изображений специфически зимней одежды, но только хитон, хламида, гиматий, иногда пеплос (*ibid.* P. 205–207).

⁶⁷ Соловьев С.Л. Начало античной эпохи в Северном Причерноморье // Борисфен – Березань. Начало

Древнегреческая басня – вспомогательный источник для реконструкции климатических условий древнегреческой цивилизации. Басня – в силу особенностей своего бытования, а также рукописной традиции – отражала климатические реалии не архаического и не классического времени, а I–II вв. н.э., т.е. периода «потепления римского времени».

античной эпохи в Северном Причерноморье. К 120-летию археологических раскопок на острове Березань. Каталог выставки в Государственном Эрмитаже. СПб., 2005. С. 6–24.

III. Изображение зимней одежды в древнегреческой вазописи

Важно отметить, что зимние сюжеты и изображения людей в зимних одеждах не пользовались особой популярностью среди афинских вазописцев архаической и классической эпохи. Только амазонок, скифов и прочих варваров было принято изображать тепло одетыми. Вещи, которые с натяжкой можно ассоциировать с зимней порой, иногда фигурируют в бытовых изображениях. Например, на донышке большой краснофигурной чаши Никосфена (около 520 г.) изображена девушка (гетера?), которая держит в руках полусапожки¹. Однако девушка изображена обнаженной, собирающейся умываться, и ничто не указывает на холодное время года. «Зимние» башмачки-полусапожки здесь – не более чем модный аксессуар.

Даже в «Иконографическом словаре классической мифологии» – наиболее полном компендиуме мифологических сюжетов – трудно найти хоть какой-либо «зимний» сюжет. Во всяком случае, мне этого сделать не удалось. Нет никаких «зимних» сцен в сюжетах с Дионисом, праздники в честь которого приходились как раз на зимние месяцы. То же самое можно сказать и о сюжетах с Гераклом; разве что на одном изображении Геракла на краснофигурной аттической пелике 490–480-х годов герой изображен в львиной шкуре, натяну-

¹ Краснофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Каталог / Сост. А.А. Передольская. Л., 1967. № 9. Табл. VII. 2. Комментарий: с. 16–17.

той на голову (и чем-то напоминающей куртку с капюшоном)². Однако в данном случае на иконографию Геракла повлияла скорее персидская одежда, с которой греки хорошо ознакомились в разгар греко-персидских войн, когда и была изготовлена данная пелика.

Сохранилось множество изображений бога северного ветра Борея; однако и этот бог изображался в обычной летней одежде³. Редчайшее исключение – изображение Борея в горологии Андроника на римской агоре в Афинах⁴. Однако это изображение позднее (I в. до н.э.), да и здесь изображен скорее не зимний плащ (хлена), а гиматий. Весьма показательно изображение на краснофигурном сосуде «мастера Алкимаха» (460–450-е годы), на котором под дуновением Борея распахивается плащ на плече женщины⁵. Никакой специально зимней одежды здесь не изображено! То же самое можно сказать и о краснофигурном сосуде из собрания университета в Майнце (430–420-е годы), на котором изображены под дуновением Борея две женщины в гиматиях, накинутых на нижние плащи, и в сандалиях⁶. На единственном изо-

² Lexicon iconographicum mythologiae classicae (LIMC). Zürich–München, 1988. IV. 1. P. 798 – комментарий; IV. 2. Pl. 521 (Herakles 1324) – изображение Геракла, который несет на дубине-коромысле две амфоры (с водой?).

³ LIMC. III. 1 (1986). P. 133–142; LIMC. III. 2 (1986). Pl. 108–122 (Boreas 1–78).

⁴ LIMC. III. 2 (1986). Pl. 109 (Boreas 5).

⁵ Ibid. Pl. 114. (Boreas 37).

⁶ Ibid. Pl. 117 (Boreas 51).

бражении дочери Борея, нимфы Хионы (в мифах о рождении которой упоминается, что вполне понятно, снег), она изображена в длинной верхней одежде, но босиком⁷.

Таким образом, афинские вазописцы стремились не изображать холода и предметы зимней одежды (сисюру, хлену), которые использовались при похолоданиях⁸. «Идеальный образ» и даже «бытовой образ» грека архаической и классической эпохи был несовместим с зимними холодами и специальной зимней одеждой. Изображения на вазах свидетельствуют скорее не о реальных климатических условиях, а о греческих представлениях о них; идеологии здесь больше, чем климатологии. К слову, если бы древние греки действительно ходили наги, как их чаще всего изображают вазописцы, их должна была бы пробирать дрожь прохладной весной, либо они должны были бы обгорать на солнце жарким летом⁹.

Греческие представления о «непрестижности» зимней жизни вольно или невольно передались и современным исследователям¹⁰. По-

⁷ LIMC. III. 1 (1986). P. 269–271; LIMC. III. 2 (1986). Pl. 217.

⁸ См. также классическое пособие Джона Бордмана о чернофигурной афинской керамике: *Boardman J. Athenian Black Figure Vases. A Handbook*. L., 1991. Нет изображений специфически зимней одежды, но только хитон, хламида, гиматий, иногда пеплос (*ibid.* P. 205–207).

⁹ *Rackham O. Climate*. P. 174.

¹⁰ *Соловьев С.Л.* Начало античной эпохи в Северном Причерноморье // Борисфен – Березань. Начало

казательна дискуссия о жилищах первых поселенцев греческого поселения Борисфен на острове Березань. Землянка однозначно трактуется как признак негреческого жилища¹¹ (хотя автор каталога ранее справедливо отмечает, что суровые климатические условия сыграли роль в более поздней колонизации греками Причерноморья)¹². Но ведь первым поселенцам, до постройки капитальных домов в третьей четверти VI в. до н.э., чтобы пережить суровые зимы этого крайнего севера греческого мира, столь красочно описанного Геродотом, нужны были не шалашики, а теплые жилища, и поэтому в землянках вполне могли жить и греки.

Греки не любили зиму, не считали ее достойной изображения, однако греческая цивилизация смогла приспособиться к климатическим изменениям, выработала свой собственный способ их преодоления. Холодный климатический

античной эпохи в Северном Причерноморье. К 120-летию археологических раскопок на острове Березань. Каталог выставки в Государственном Эрмитаже. СПб., 2005. С. 6–24.

¹¹ «На протяжении первых трех четвертей VI в. до н.э. единственным типом жилищ Березанского поселения были заглубленные в землю постройки – землянки и полуземлянки, площадью порядка 5–16 кв. м, имевшие весьма примитивное архитектурное решение: для них характерна простота конструкций и скромность интерьера. ... Всё это дает возможность предполагать, что доля выходцев из варварской среды в составе населения Березанского поселения первых трех четвертей VI в. до н.э. была весьма значительна» (Там же. С. 16–17).

¹² Там же. С. 7.

фон и колебания климата не стали помехой для развития древнегреческой цивилизации, напротив, возможно, даже способствовали выработке специфического модуса преодоления природных невзгод.

IV. Изучение политической географии островов классической Греции

Чем должна заниматься наука – вещами очевидными или вещами непонятными? Этот вопрос был поставлен уже в аристофановской комедии «Облака», которую афинские зрители увидели на Великие Дионисии 423 г. до н.э.; комедиограф издевался над ученостью Сократа, попытавшегося измерить длину прыжка блохи:

[Ученик] Так слушай и считай за тайну страшную!
Недавно Херефонта спросил Сократ:
На сколько ног блошинных блохи прыгают?
Пред тем блоха куснула Херефонта в бровь
И ускользнула на главу Сократову.
[Стрепсиад] И как же сосчитал он?
[Ученик] Преискуснейше!
Воск растопивши, взял блоху и ножками
В топлёный воск легонько окунул блоху.
Воск остудивши, получил блошинные
Сапожки, ими расстояние вымерил.
[Стрепсиад] Великий Зевс! Не ум, а бритва острая!
(стк. 144 слл., пер. А. Пиотровского)

Однако для ученого-энтомолога измерение длины прыжка насекомого – вполне научная задача. Не случайно и в новейшей немецкой энциклопедии античности «Der Neue Pauly» можно обнаружить статью о насекомых, Insekten, размером больше чем на столбец¹.

¹ Der Neue Pauly. Bd 5. Stuttgart, 1998. Sp. 1019–1020. Очевидно, это и есть самое последнее достиже-

Когда в тех же «Облаках» ученик Сократа объясняет простому труженику полей Стрепсиаду пользу геометрии (в античном понимании этой науки), последний не выказывает особого удивления, принимая ее как измерение и распределение полученных путем жеребьевки земельных участков: «Не надельную ли [землю делить будем] (πότ'ερα τὴν κληρουχικήν;)?», спрашивает он у ученика Сократа (стк. 203).

Если речь заходит о плане всей земли, то и здесь Стрепсиад согласен: действительно, почему бы не разделить всю землю на клерухии для афинских граждан? Тогда тем паче пресловутая геометрия – «народная задумка и полезная (τὸ γὰρ σοφίσμα δημοτικόν καὶ χρήσιμον)» (стк. 205)². Когда же Стрепсиаду показывают на этом плане Эвбею, то у него не вызывает особого изумления изображение острова на карте. Ну, остров, он остров и есть, вытянутый только:

[Ученик] А вот – Эвбея, видишь ты,
Как вытянулась узкая и длинная.

ние антиковедения – подобной статьи нет ни в «Der Kleine Pauly», ни в старой доброй RE.

² Это не обязательно «саркастическое замечание», как считает А.В. Подосинов (*Подосинов А.В.* Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий. М., 2002. С. 17–18). Скорее всего, сарказм Аристофана относится к противопоставлению «полезной» геометрии (связанной, к примеру с разделением надельной земли) геометрии «заумной», бесполезной.

[Стрепсиад] Да, растянули мы с Периклом бедную³.

(стк. 211 слл.)

А что же говорит по поводу островов современная наука? Как ни странно, почти ничего. Можно даже предположить совершенно паразитальный «заговор молчания» вокруг островов составителей энциклопедий. В RE статьи «Insel» нет, в «Der Kleine Pauly» – также нет, зато есть «Insula» (как *domus*), «Inkrustationen», не говоря уже об «In-schriften» и «Instituten»⁴. Пятый том «Der Neue Pauly» содержит, кроме упомянутых уже «насекомых», статью об «острове (островах) блаженных»⁵. Это молчание поразительно, поскольку роль островов для цивилизации древней (и не только) Греции совершенно очевидна⁶. Средизем-

³ Аристофан здесь обыгрывает похожесть слов *παρὰτέταται* (вытягиваться) – стк. 212 и *παράταθῃ* (вредить, растянуть) – стк. 213. Очевидна аллюзия на экспедицию Перикла на Эвбею в 440-е годы, тем более, что Стрепсиад – из поколения Перикла. См. Aristophanes. *Clouds* / Ed. K.J. Dover. Oxford, 1968. P. 123–124.

⁴ Der Kleine Pauly. Bd 2. Stuttgart, 1967. Sp. 1411 ff.

⁵ Olshausen E. Makaron Nesoi (αἱ τῶν μακάρων νῆσοι, *insulae fortunatae*) // Der Neue Pauly. Bd 7. Stuttgart, 1999. Sp. 725.

⁶ К сожалению, не только в энциклопедиях, но и в некоторых монографиях, посвященных классической Греции, проблема островов не затрагивается вовсе. Недавний пример: Buckler J. *Aegean Greece in the Fourth Century B.C.* Leiden, 2003. То же самое можно сказать и об учебниках: см. Pedech P. *La geographie des Grecs*. P., 1976.

ное море – уникальный закрытый бассейн, в котором острова занимают около 4% поверхности. В современной Италии острова занимают 16,7% территории, а в Греции и того больше – 19,1% территории, причем в древности эта пропорция была даже выше, ведь в орбиту греческой цивилизации входили Кипр и Сицилия. Не говоря уже о крупных островах (к примеру, площадь Крита – 8,3 тыс. кв. км, Родоса – 1404 кв. км и т.п.), такие небольшие по площади острова, как Эгина (83 кв. км) и даже Делос (3,5 кв. км), играли значительную роль в истории древней Греции.

Впрочем, справедливости ради следует отметить, что во всех указанных энциклопедиях есть статьи об островитянах (*Nesiotai*), в которых выделяются значения этого греческого слова, главные из которых: 1) пятый податный округ первого Афинского морского союза и 2) союзное государство островитян Эгейского моря, которое существовало в конце IV – начале II вв. до н.э.⁷

Наконец совсем недавно, в 2003 г., во второй части 12-го тома «*Der Neue Pauly*», в *Nachtrage*, была опубликована статья «остров» (по объему примерно такая же, как и «насекомые»), начинающаяся словами: «Для многих обитателей

⁷ В RE была опубликована фундаментальная статья Вальтера Швана – *Schwan W. Nesiotai* // RE. Bd 17 (1). Stuttgart, 1936. Sp.70-77. Составители «*Der Kleine Pauly*» заказали статью об островитянах как о Союзе островитян Питеру Родсу, но она была опубликована лишь спустя четверть века в «*Der Neue Pauly*»: *Rhodes P.J. Nesiotai* (2) // *Der Neue Pauly*. Bd 8. Stuttgart, 2000. Sp. 859–860.

античного мира остров был естественной средой обитания»⁸. Рискну предположить, почему эта статья была заказана. Дело в том, что в третьем издании «Oxford Classical Dictionary» (1996 г.) появилась статья об островах известного английского специалиста по Фукидиду, а по совместительству одного из редакторов словаря, Саймона Хорнблауэра, которая начинается словами: «Острова были и остаются одной из наиболее очевидных реалий греческой жизни»⁹. А еще за 15 лет до этого итальянский ученый Эмилио Габба в своей публичной лекции в Кембридже (опубликованной впоследствии почему-то в «Journal of Roman Studies») подчеркивал, что «История» Фукидида – «продукт полисной цивилизации V в. до н.э. и поэтому отношение историка к островам и островитянам определялось конкретной исторической обстановкой»¹⁰.

Общее отношение к восприятию островов современными учеными прослеживается и на практике перевода древних авторов.

Обычно современные переводчики стремятся «уточнить» или «сузить» понятие «остров».

⁸ *Laetsh Fr. Insel // Der Neue Pauly. Bd. 12/2. Stuttgart, 2003. Sp. 1023–1925.* Кстати, библиография в конце этой статьи практически бесполезна и содержит книги, в которых идет речь о конкретных островах, а не об островах вообще.

⁹ *Hornblower S. Islands // The Oxford Classical Dictionary / Ed. S. Hornblower, A. Spawforth. 3rd ed. Oxford, 1996. P. 769.*

¹⁰ *Gabba E. True History and False History in Classical Antiquity // JRS. 1981. Vol. 71. P. 50 ff.*

Там, где Геродот, Фукидид или Ксенофонт пишут просто «острова», в переводе часто появляется уточнение: «Эллинские острова» (Herod. III. 96, в переводе Г.А. Стратановского)¹¹, «Кикладские острова» (Thuc. IV. 57. 4, в переводе Г.А. Стратановского), «острова (Архипелага. — С.Л.)» или просто «Архипелаг» (Xen. Hell. IV. 8. 7 и V. 1. 2, в переводе С.Я. Лурье).

Достаточно часто встречается замена «Сицилии» на «остров»: «Поэтому и в Сицилии наша политика естественно также определяется нашими выгодами и... устрашением сиракузян. ...И если нам, не добившись успеха, придется покинуть Сицилию, то они сами станут владыками острова» (Thuc. VI. 85. 3, пер. Г.А. Стратановского)» (досл. «будут править Сицилией — αὐτοὶ ἄρξαι τῆς Σικελίας»).

Нередко «островитяне» переводятся как «жители островов», и наоборот: в знаменитой фукидидовской речи Перикла оратор обращается к согражданам: «Подумайте, если бы мы были бы островитянами (εἰ γὰρ ἦμεν νησιῶται), кто тогда мог бы одолеть нас?» (I. 143. 5), а в переводе Г.А. Стратановского значится: «...если бы мы жили на острове...»

Эти замечания ни в коей мере не должны рассматриваться как некий упрек в адрес уважае-

¹¹ Не случайно к данному месту в классическом комментарии У. Хау и Дж. Уэллса дается специальное разъяснение: *How W.W., Wells J. A Commentary on Herodotus. Oxford, 1936. Vol. I. P. 287: «i.e. the Greek islands of the Aegean».*

мых мною переводчиков: цель переводчика – целостный перевод текста, общая картина, а все вышеуказанные частности, как правило, не противоречат смыслу оригинала¹². Но подобное «пренебрежение» к островам характерно: концепт острова, как правило, не рассматривается современными учеными как нечто значительное и требующее внимательного подхода и специального изучения.

Таким образом, в классическую эпоху острова можно и нужно рассматривать не только как чисто географическое понятие, но и как объект географии политической, геополитики, составную часть мира враждующих полисов классической Греции. Однако все это отнюдь не отрицает других подходов к изучению островов в древней Греции – более традиционных, востребованных наукой и ранее.

Прежде всего это – мифологический, или героико-мифологический. В рамках подобного подхода, к примеру, Роже Дион рассмотрел связь мифологических и эпических сюжетов (связанных с Ясоном, Одиссеем и т.п. и имеющих отношение к островам) с реалиями греческой колонизации и соперничеством греческих полисов в архаический период¹³. Однако использование подобного под-

¹² Однако, когда Фукидид говорит об отправке из Кифер на острова заложников (IV. 57. 4), то почему именно Кикладские острова должны обязательно иметься в виду, как настаивает Г.А. Стратановский? Были ведь и другие острова, находившиеся под властью Афин.

¹³ *Dion R. Aspects politiques de la geographie antique.* Paris, 1977.

хода может служить прикрытием для трудов, имеющих крайне малую научную ценность. Пример тому – книга французской исследовательницы Сильви Вилат, посвященная проблеме восприятия островов в греческой мысли¹⁴. Исследовательница пытается, основываясь на трудах классиков французской школы культурной антропологии (Клода Леви-Строса) и французской исторической школы (Люсьена Февра), построить некую концепцию. Увы, попытка явно с негодными средствами. Автор утверждает (на основании поверхностного знакомства с древнегреческо-французским словарем), что термина, аналогичного французскому *insularite*, в древнегреческом языке не существовало¹⁵. Конечно, древние терминология античных авторов отличается от современной; тем не менее, если бы автор книги была хоть немного знакома с древнегреческим языком и текстами античных авторов, она смогла бы обнаружить понятие «островное положение» (τό νησιωτικόν) у Фукидида (VII. 57. 7), не говоря уже о названии пятой книги «Исторической библиотеки» Диодора (τά νησιωτικῇ). Впрочем, для автора книги «греческая мысль» заканчивается на Пиндаре и Вакхилиде. Причина очевидна: если для архаической эпохи можно хоть как-то пытаться интерпретировать мифологические сюжеты с точки зрения культурной антропологии, то Фукидида с Ксенофонтом интерпретировать с точки зрения леви-

¹⁴ *Vilatte S. L'insularite dans la pensee grecque. Paris, 1991 (Annales litteraires de l'Universite de Besancon, 446).*

¹⁵ *Ibid. P. 7.*

стросовской «мудрости дикаря» совсем сложно. В силу вышесказанного неудивительно, что вышедшие позже энциклопедические статьи игнорируют данную книгу, не считая ее достойным упоминания научным исследованием.

Важное значение имеет и историко-литературный подход – рассмотрение парадоксографического и утопического жанров, описаний островов поздними (эллинистическими и римскими) авторами. Не стоит забывать, что описание островов (*несиотике*), разного рода утопии и описание островов блаженных стали литературными жанрами, модными и востребованными публикой в эллинистическое и римское время.

Кроме того, развивается комплексный археологический подход к изучению отдельных островов – изучение Мелоса (Ренфрю)¹⁶, Теноса (Ролан Этьен)¹⁷ тому пример. Этот подход при расширении охвата может привести к подлинному научному прорыву, однако его осуществляют прежде всего археологи, и исторические изыскания их интересуют в значительно меньшей степени, нежели демографические, экономические, почвоведческие и прочие штудии. К тому же масштаб рассмотрения при подобном подходе столь велик, что весь античный период (или, по крайней мере, архаический вместе с классическим) может рас-

¹⁶ An Island Polity. The Archaeology of Exploitation of Melos / Ed. C. Renfrew, M. Wagstaff. Cambr., 1982.

¹⁷ Etienne R. Tenos II. Tenos et les Cyclades du milieu du IVe s. av. J.-C. av. J.-C. au milieu de IIIe s. ap. J.-C. Athenes–Paris, 1990.

смастриваться как единое целое, что делает исторические изыскания невозможными и ненужными¹⁸.

По моему глубокому убеждению, совершенно закономерен тот факт, что исследователи творчества Фукидида проявили интерес к островам. Ведь именно Фукидидом и его современниками (Аристофаном, Псевдо-Ксенофонтом) жители островов греческого Архипелага стали восприниматься прежде как подданные Афинской архэ, и само слово «остров», помимо географического, приобрело также и геополитический (или политико-географический) смысл.

¹⁸ Демография островов Восточного Средиземноморья, прежде всего современная (о древности лишь несколько пассажей) рассмотрена в фундаментальном исследовании: *Kolodny E.E. Population des iles de la Grece. Essai de geographie insulaire en Mediterranee orientale*. Т. 1-2, Atlas. Aix-en-Provence, 1974. Представляет интерес и недавно появившееся исследование процесса синойкизма на островах, но и в данном случае по сути не выявляется специфика островных полисов. См. *Reger G. Islands with One Polis versus Islands with Several Poleis // The Polis as an Urban Centre and as a Political Community. Acts of the Copenhagen Polis Centre. Vol. 4 / ed. M.H. Hansen. Copenhagen, 1997. P. 450-492.*

V. Фукидид и его современники об островах и островитянах

Природно-географическая среда оказала весьма заметное влияние на формирование и развитие Афинского государства, и Афины не были исключением в мире древнегреческих полисов. Особенностью географического положения Аттики была «открытость» ее сухопутных границ при значительной протяженности береговой линии. Противоречие между «сухопутной» и «морской» ориентацией проявляются уже в архаический и раннеклассический периоды. Со времени Фемистокла (480-е годы до н.э.) Афины становятся ведущей морской державой со значительным флотом, возглавляют Делосскую симмахию (первый Афинский морской союз), в состав которого входили прежде всего островные и прибрежные полисы. При Фемистокле и Перикле (т.е. к середине V в. до н.э.) Афины и новопостроенный порт Пирей были связаны узким коридором так называемых Длинных стен, что позволило обеспечить снабжение города морем при осаде с суши. Это – общеизвестные факты. Проблема заключается в том, как и насколько они повлияли на психологию афинского гражданского коллектива, на восприятие афинянами географического и геополитического положения Афин и Аттики в целом.

В начальный период Пелопоннесской войны Афины были ближе всего к своей цели – достижению гегемонии над всей Грецией, господство афинян на море (во всяком случае, до Сицилий-

ской катастрофы 413 г.) не подвергалось сомнению. Именно в этот период влияние «морской» составляющей могло быть наибольшим; но именно в конце V – начале IV в. до н.э. была написана как «История» Фукидида, так и сочинения его старших (Геродот, Аристофан, неизвестный автор Псевдо-ксенофоновой «Афинской политики») и младших (Ксенофонт, Лисий) современников. Поэтому изучение восприятия природно-географической среды в классических Афинах мы начинаем с исследования концепта острова или, попросту говоря, представления об островах и отношения к островитянам, которое сложилось у афинских авторов в конце V – начале IV в. до н.э., основное внимание уделив труду Фукидида.

«Теоретический» подход к островам, изучение восприятия островов почти не привлекали внимание исследователей античности, и только в последнее время появились работы, пусть и немногочисленные, в указанном направлении¹. Впрочем, существуют и более традиционные, востребованные наукой и ранее, подходы к изучению островов в древней Греции. Прежде всего, это мифологический (героико-мифологический). В рам-

¹ *Hornblower S.* Islands // The Oxford Classical Dictionary / Ed. S. Hornblower, A. Spawforth. 3rd ed. Oxf., 1996. P. 769; *Gabba E.* True History and False History in Classical Antiquity // JRS. 1981. 71. P. 50–62. Историографию вопроса см. *Карпюк С.Г.* Νησιωτική на современном этапе: изучение политической географии островов классической Греции // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 4. СПб., 2005 (в печати).

ках подобного подхода, к примеру, Роже Дион рассмотрел связь мифологических и эпических сюжетов (связанных с Ясоном, Одиссеем и т.п. и имеющих отношение к островам) с реалиями греческой колонизации и соперничеством греческих полисов в архаический период². Однако подобный подход иногда используется и авторами, труды которых имеют сомнительную научную ценность. Пример тому – книга Сильви Вилат, посвященная проблеме восприятия островов в греческой мысли³. Французская исследовательница пытается, основываясь на трудах классиков французской школы культурной антропологии (Клода Леви-Строса) и французской исторической школы (Люсьена Февра), построить некую концепцию. Увы, это – попытка с явно негодными средствами.

Автор утверждает (на основании поверхностного знакомства с древнегреческо-французским словарем), что термина, аналогичного французскому *insularité*, в древнегреческом языке не существовало⁴. Конечно, это так; если бы автор книги была хоть немного знакома с древнегреческим языком и текстами античных авторов, она смогла бы обнаружить понятие «островное положение» (τό νησιωτικόν) у Фукидида (VII. 57. 7), не говоря уже о названии пятой книги («Островная», τὰ νησιωτική) «Исторической библиотеки» Диодора (Diod. V. 2. 1). Таким образом, греческие авто-

² *Dion R. Aspects politiques de la géographie antique. P., 1977.*

³ *Vilatte S. L'insularité dans la pensée grecque. P., 1991 (Annales littéraires de l'Université de Besançon, 446).*

⁴ *Ibid. P. 7.*

ры пытались делать и теоретические обобщения. Впрочем, для автора книги «греческая мысль» заканчивается на Пиндаре и Вакхилиде. Причина понятна: если для архаической эпохи можно хоть как-то пытаться интерпретировать мифологические сюжеты с точки зрения культурной антропологии, то Фукидида с Ксенофонтом интерпретировать с точки зрения предложенной Леви-Стросом концепции «мудрости дикаря» совсем сложно. Неудивительно, что авторы вышедших позже статей в специальных энциклопедических словарях игнорируют данную книгу.

В последние десятилетия развивается также комплексный археологический подход к изучению отдельных островов, например, Мелоса (Ренфрю)⁵, Теноса (Ролан Этьен)⁶. Этот подход при расширении охвата может привести к подлинному научному прорыву, однако его осуществляют прежде всего археологи, и исторические изыскания их интересуют в значительно меньшей степени, нежели демографические, экономические, почвоведческие и прочие штудии. К тому же масштаб рассмотрения при подобном подходе столь велик, что весь античный период (или по крайней мере архаический вместе с классическим) может рассматри-

⁵ An Island Polity. The Archaeology of Exploitation of Melos / Ed. C. Renfrew, M. Wagstaff. Cambr., 1982.

⁶ Étienne R. Ténos II. Ténos et les Cyclades du millieu du IVe s. av. J.-C. av. J.-C. au millieu de IIIe s. ap. J.-C. Athènes–Paris, 1990.

ваться как единое целое, что делает исторические изыскания невозможными и ненужными⁷.

Итак, чтобы понять, как воспринимали острова и островитян афинские граждане в конце V в. до н.э., следует обратиться к афинскому театру: афинские драматурги чутко улавливали настроение своей аудитории.

Достаточно многочисленны упоминания островов и островитян в трагедиях Еврипида, причем почти все они носят тривиально географический характер. В «Гекубе» упоминаются незаселенные острова (стк. 1285), в «Ресе» – россыпь островов (Спорады – стк. 701), в «Ифигении в Авлиде» – цепь островов (стк. 287), в «Троянках» – островная земля (стк. 188). Тевкр в «Елене» сообщает, что Аполлон велел дать Саламину Кипрскому «островное имя» (ὄνομα νησιωτικόν) в честь острова Саламин (стк. 149). В «Андромахе» (стк. 1285) и в «Елене» упоминается остров блаженных (μακάρων νῆσος), причем в последнем случае

⁷ Демография островов Восточного Средиземноморья, прежде всего современная (о древности лишь несколько пассажей), рассмотрена в фундаментальном исследовании: *Kolodny E.E. Population des îles de la Grèce. Essai de géographie insulaire en Méditerranée orientale*. Т. 1–2. Atlas. Aix-en-Provence, 1974. Представляет интерес и недавно появившееся исследование процесса синойкизма на островах, но и в данном случае не выявляется специфика островных полисов. См. *Reger G. Islands with One Polis versus Islands with Several Polis // The Polis as an Urban Centre and as a Political Community. Acts of the Copenhagen Polis Centre. Vol. 4 / Ed. M.H. Hansen. Copenhagen, 1997. P. 450–492.*

вполне реальный островок Елены недалеко от побережья Аттики (стк. 1673) противопоставляется острову блаженных, который вскоре по воле рока получит Менелай (стк. 1677). Можно, конечно, истолковать упоминание островитянина Неоптолема, который коварно увез из Трои Андромаху (Andr. 14), как характеристику особого коварства островитян, но это было бы явной натяжкой.

Только в одном случае слово «остров» несет дополнительную смысловую и эмоциональную нагрузку: в «Гераклидах» неведомо откуда появившийся на побережье Иолай объясняет изумленным марафонским поселянам, что он прибыл не с острова, а напрямик из Микен (стк. 84). Обитателям Марафона островитяне (причем, очевидно, даже не жители ближайшей Эвбеи) представлялись опасными разбойниками, что соответствовало героико-мифологическому представлению о жителях островов, вполне подходящему к сюжету «Гераклидов».

Конечно, невозможно обойти и не исследовать в интересующем нас аспекте сочинения Аристофана; комедиограф только один раз упоминает остров в чисто географическом контексте: в «Ахарнях» (Ленеи, 425 г.) предводитель хора предостерегает афинян от заключения невыгодного мира со спартанцами:

Вам поэтому мир предлагают сейчас и условием
ставят лаконцы
Наш отказ от Эгины. Не то, чтоб они чрезвычайно
пеклись об Эгине

– Здесь не в острове дело. Желают они отобрать у афинян поэта

(стк. 652 слл., пер. С. Апта).

Да и то контекст чисто географическим назвать нельзя – на Эгине после начала Пелопоннесской войны была афинская клерухия, возможно, семья Аристофана имела к ней какое-то отношение. Характерно, что на Эгине в 427 г. родился Платон. Кроме того, в комедии «Осы» (Ленеи, 422 г.) упоминаются «острова блаженных (μακάρων... νήσοις – стк. 639–640).

Остальные же упоминания островов Аристофаном вписываются в политико-географический «имперский» контекст – острова рассматриваются как неотъемлемая часть Афинской архэ. Эвбея, как уже было отмечено выше, была приведена к покорности героем «Облаков» (Великие Дионисии, 423 г.) Стрепсиадом заодно с Периклом (сткк. 212–213). Вообще острова рассматриваются как вотчина афинских демагогов. Во «Всадниках» (Ленеи, 424 г.) Демосфен предлагает Колбаснику, грядущему политическому лидеру Афин, посмотреть вниз на все острова вокруг (καὶ κάτω τὰς νήσους ἀπάσας ἐν κύκλῳ – стк. 170) и уверяет, что все они, вместе с торговыми кораблями и т.п., будут распроданы пришедшим к власти Колбасником (стк. 169 слл.)⁸.

⁸ Переводчик и комментатор Аристофана Sommerstein утверждает, что аналогов подобного обзора сверху в греческой литературе нет и находит библейские аналогии (*Aristophanes. Knights* / Ed. A.H. Sommer-

Тот же самый Колбасник, пытаясь оттеснить Клеона от власти над островами, читает Демосу пророчество о Клеоне, который обвиняется в том, что «вылижет миски и острова (τὰς λοπάδας καὶ τὰς νήσους διαλείχων)» (стк. 1034). Как считают комментаторы, в данном пассаже Колбасник обвиняет Клеона в получении денег с островов, попросту говоря, в получении мзды от союзников за снижение суммы фороса⁹. И здесь острова вновь рассматриваются как неотъемлемая часть Афинской державы, причем в данном случае понятие «острова» метафорически переносится на всех афинских союзников, многие из которых располагались на материке.

Соответственно сам Демос имеет титул «защитника (покровителя) островов», и Старший всадник к нему обращается соответственно:

О, светоч священных Афин, защитник островов!
(ὦ ταῖς ἱεραῖς φέγγος Ἀθήναις καὶ ταῖς νήσοις
ἐπίκουρε)
(стк. 1319).

Получается что-то похожее на постоянный эпитет у Гомера: афинский демос – защитник островов по определению, причем, конечно же, имеются в виду подвластные острова.

stein. Warminster, 1981. P. 152). Но одна аналогия, хотя и нелитературная, напрашивается: это – вид с афинского Акрополя на Эгину и другие острова в Сароническом заливе.

⁹ Ibid. P. 159.

В другой комедии, «Птицы» (городские Дионисии, 414 г.), один из персонажей, получает прибыль от такого положения. Он откровенно говорит о себе:

Я – судебный пристав «по островам», заодно и доносчик

(κλητήρ εἰμι νησιωτικός καὶ συκοφάντης) (сткк. 1422–1423).

Он рассчитывает воспользоваться крыльями от Писфетера для того, чтобы эффективнее облетать союзные города и пугать судом союзников¹⁰. Наконец, в «Мире» (Великие Дионисии, 421 г.) жители островов в числе других групп афинского населения ссылаются Тригеем для вызволения Эйрене, богини мира:

Эй, земледельцы, торговцы, и мастера,
И ремесленники, и метеки, и ксены,
И островитяне...

(ἀλλ ὦ γεωργοί, καῖμποροι καὶ τέκτονες καὶ
δημιουργοὶ καὶ μετοίκοι καὶ ξένοι
καὶ νησιῶται...)
(сткк. 296–298).

Островитяне здесь поставлены на последнее, совсем не почетное, место, вслед за ремесленниками и метеками...

А в манифесте миротворческих усилий поэта сами Афины рассматриваются уже в ряду дру-

¹⁰ *Aristophanes. Birds* / Ed. Nan Dunbar. Oxf., 1995. P. 678.

гих островов. Поэт, обращаясь к зрителям, говорит устами предводителя хора, что вступил с чудищем войны в смертельную битву «ради вас и других островов (ἀλλ' ὑπέρ ὑμῶν πολεμίζων ἀντεῖχων ἀεὶ καὶ τῶν ἄλλων νήσων)» (стк. 760). Аристофан обращался прежде всего к афинским зрителям, но, кроме них, на Великие Дионисии приезжали и союзники-островитяне¹¹. В этом контексте точка зрения комедиографа, поставившего своих сограждан в один ряд с островитянами, кажется вполне уместной; понятно и то, почему союзники-островитяне занимали последнее место в этом ряду. Аристофан, который чутко улавливал настроения внутри афинского гражданского коллектива в годы Пелопоннесской войны, рассматривал острова как часть Афинской державы, и «остров» был для него синонимом полиса – члена Афинской архэ.

Таким образом, восприятие островов в афинском театре зависело от жанра пьесы: если в трагедии, что определялось ее сюжетом, острова воспринимались в героико-мифологическом контексте, то древняя комедия давала примеры политической географии: представления об островах как о неотъемлемой части Афинской архэ.

Обратимся теперь к сочинениям историков. Совершенно неудивительно, что в труде Геродота мы встречаем множество (кстати, примерно столько же, сколько и у Фукидида, – 160) упоминаний

¹¹ Во время этого празднества афинские союзники участвовали в специальной церемонии «принесения дани». См. *Родс П.Дж.* Афинский театр в политическом контексте // ВДИ. 2004. № 2. С. 43–44.

об островах и островитянах¹²: задачи «Истории» Геродота диктовали их описание, а сам галикарнассский историк был хорошо знаком уж по крайней мере с островами Эгейского моря. Не случайно паводок в Египте он сравнивает со знакомой ему картиной: «Когда Нил затопляет страну, только одни лишь города возвышаются над водой почти как острова в нашем Эгейском море» (II. 97, пер. Г.А. Стратановского).

Подобно другим греческим авторам Геродот одним и тем же словом – νῆσος – обозначает и острова на море (passim), и речные острова (II. 29, 41, 127, 138, 140, 156, 165, 166 и т.д.), и острова на озере (IV. 178). Историк не очень хорошо ориентируется в величине островов: он считает наибольшим из них Сардон (Сардинию) (I. 170; V. 106), а также полагает, что Эвбея по размерам не меньше Кипра. Остров – понятие естественное и неизменное, и, когда жители расположенного на полуострове малоазийского Книда собирались из-за угрозы персидского нашествия перешеек перекопать, Пифия им запретила это делать:

Зевс создал остров тут, коль только б захотел! (I. 174).

Впрочем, персидский царь Ксеркс также пожелал, путем прорытия канала, превратить греческие поселения на Афоне из материковых в островные (VII. 22).

¹² *Powell A. A Lexicon to Herodorus. Hildesheim, 1966. S. 231.*

Подавляющее большинство упоминаний островов и островитян у Геродота носит отчетливо географический характер и не имеет какого-либо политического либо иного «идеологического» подтекста (например, I. 64, 82, 142 и т.п.). Жители островов (νησιῶται) – ионийцы-островитяне (как и эолийцы-островитяне) специально выделяются Геродотом, в противоположность своим соплеменникам – жителям Малой Азии (I. 143, 151; VII. 94–95). Островитяне могли составлять отдельную филу, как это было, например, в Кирене (IV. 161).

Однако очень часто под «островами» Геродот понимает именно острова Эгейского архипелага (например, III. 96)¹³. Подобное же понимание прослеживается в другом пассаже: «Со времени героической эпохи по крайней мере до Поликрата никто не стремился покорить Ионию и острова» (III. 122). За те же самые персидские владения сражались греки при Микале: Геродот указывает, что «наградой за победу были острова и Геллеспонт» (IX. 101). Те же самые острова после этого стали членами Эллинского союза – предшественника Афинской архэ: «Так что были приняты в Эллинский союз также самосцы, хиосцы, лесбосцы и прочие островитяне, сражавшиеся вместе с эллинами» (IX. 106).

Впрочем, иногда Геродот сужает понятие «острова» до Киклад (V. 31); он специально отме-

¹³ Не случайно к данному месту в классическом комментарии У. Хау и Дж. Уэллса дается специальное разъяснение: «т.е. греческие острова Эгейского моря» (*How W.W., Wells J. A Commentary on Herodotus. Vol. I. Oxf., 1936. P. 287*).

чает, что среди островитян, давших Дарию землю и воду, были и эгинцы (VI. 49)¹⁴ – таким образом подчеркивая положение Эгины вне Киклад, на которые и распространялось персидское влияние. В перечне войск и флота Ксеркса указывается, что ионийцы выставили 100 кораблей, а жители островов – 15 (VII. 94–95). Очевидно, что в данном случае имеется в виду «островная» часть персидских владений в Эгеиде, не включавшая в себя «ионийские» и «эолийские» острова (Хиос, Самос, Лесбос и др.) и соответствующая «островному» податному округу Афинской архэ. В подобном «политико-географическом» подходе к островам «отец истории» является предшественником Фукидида и Ксенофонта.

Фукидид, как и Геродот, достаточно часто (около полутора сотен раз) использует в своей истории слова «остров» и «островитяне». На первый взгляд, подобное словоупотребление кажется достаточно тривиальным: как и для других греческих авторов, остров – это суша, окруженная водой, а островитяне – обитатели этой суши. И, конечно же, большинство упоминаний островов в «Истории» носят тривиально-географический характер (I. 4. 1; 5. 1; 44. 3; 47. 1; II. 66. 1; 102. 3; III. 33. 3; 104. 1–2; IV. 44. 6; VIII. 17. 3 и т.д.). Например: «Ксеркс... лишил свободы города на материке. Впоследствии Дарий с помощью финикийского

¹⁴ По мнению Хау и Уэллса, выражение πάντες δὲ νησιῶται (VI. 49. 1) может относиться ко всем Кикладам, кроме Наксоса и Делоса (*How W.W., Wells J. A Commentary on Herodotus. Vol. II. Oxf., 1936. P. 82*).

флота покорил также и острова» (I. 16). Фукидид, как и его предшественник Геродот, одним и тем же словом νῆσος называет и острова на море, и речные острова¹⁵. Маленький, часто необитаемый островок, Фукидид называет νησίδιον (VI. 2. 6; VII. 23. 4; VIII. 11. 1). На острове может располагаться один либо несколько полисов: так, на острове Кефалления был тетраполис (τετράπολις), т.е. существовали четыре городские общины (II. 30. 2).

Впрочем, *остров* может приобрести и нарицательный смысл: так, остров Сфактерия стал для спартанцев символом постигшего их несчастья: «Кроме того, непрерывные удары судьбы, неожиданно обрушившиеся на лакедемонян, совершенно ошеломили их, и они находились теперь в вечном страхе, как бы их снова не поразила такая же беда, как на острова (ἐν τῇ νήσῳ)» (IV. 55. 3; ср. IV. 8. 9; 13–14; 16. 1; 17. 1; 19. 1 и т.п.)¹⁶. И предпосылкой Никиева мира было то, что лакедемоняне «потерпели на острове поражение, которо-

¹⁵ Мегабиз «изгнал эллинов из Мемфиса и запер их на острове Просопитиде. Полтора года вел Мегабиз осаду острова, пока, наконец, ему не удалось осушить канал, отведя воду в другое место, и посадить эллинские корабли на сушу, превратив большую часть острова в материк. После этого он перешел с войском на остров по суше и захватил его» (Thuc. I. 109. 4; ср. II. 102. 3 – острова в устье Ахелоя).

¹⁶ Сфактерия отделена от полуострова на материке лишь узким проливом (Gomme A.W. A Historical Commentary on Thucydides. Vol. III. Oxf., 1956. P. 484–486). Но это именно *остров*, поскольку пролив оказался непреодолимым для спартанцев.

го они никогда не испытывали» (V. 14. 3; ср. V. 24. 2; 34. 2; 35. 4; 43. 2; 75. 3). Сфактерия стала для спартанцев Островом с большой буквы, никаких пояснения к этому слову уже не требовалось¹⁷. В данном случае уже проявляется военно-политический оттенок островного положения.

В «Археологии» Фукидида встречается и порядком подзабытое отношение к островитянам как к разбойникам и пиратам: «Разбойниками были островитяне – карийцы и финикийцы, – поселения которых находились на большинстве островов» (I. 8. 1). Но подобное отношение, с точки зрения Фукидида, было характерно для героико-мифологического прошлого (ср. Eur. Her. 84) и никак не влияло на современную историку действительность. Да и в этом далеком прошлом материковые правители могли, подобно Агамемнону, властвовать над «тьмой островов» (Thuc. I. 9. 4).

Наконец, еще одно значение слова «остров» в наибольшей степени актуально и отражает политические реалии конца V в. до н.э. Общеизвестно, что острова составляли значительную часть Афинской архэ. Перикл говорил в одной из своих речей, что «...у нас много земли на островах и материке» (Thuc. I. 143. 4). Спартанский царь Архидам выразился еще более определенно: «Большинство афинских союзников – островитяне» (I. 81. 3).

Острова рассматриваются как территория, над которой Афины осуществляют свое господство, и соответственно островитяне – как подданные Афинской архэ по определению.

¹⁷ Спартанская «боязнь островов» продолжалась достаточно долго, см. Xen. Hell. VI. 2. 26.

Примеров тому можно привести множество, и прежде всего знаменитый «мелосский диалог», в котором афиняне недвусмысленно заявляют мелосцам: «Мы господствуем на море и вы, как островитяне, должны нам подчиниться» (V. 97, пер. Г.А. Стратановского)¹⁸. В речи афинского посла Евфема есть характерные слова, свидетельствующие об уверенности афинян в легком подчинении именно островов: «Некоторые же хотя и островитяне (καίτερ νησιώτας ὄντας) и их легко покорить, вполне свободны, так как их острова расположены в важных пунктах для действий против Пелопоннеса» (VI. 85. 2).

Афиняне полагали, все островитяне должны по определению им подчиняться и более опасались никому не подвластных островитян (νησιώτας... ἀνάρκτους), нежели жителей материка (ὅσοι ἡπειρώται), которые еще долго будут медлить с мероприятиями для защиты своей свободы (V. 99).

¹⁸ См. также *Thuc.* III. 91. 2: «Афиняне намеревались подчинить мелосцев, которые хотя и были островитянами, но все же сопротивлялись афинянам и не желали вступать в союз с ними», V. 84. 2: «Мелос — лакедемонская колония, и жители ее не желали подчиняться афинянам подобно другим островитянам». Причина проста, и афиняне ее мелосцам приводят: «Маловероятно, чтобы при нашем господстве на море они (лакедемоняне. — С.К.) переправились на ваш остров» (V. 109). Афинские притязания на все острова даны в полном объеме в мелосском диалоге (*Thuc.* V. 97; 99; ср. IV. 121: афиняне — господа островитян). См. *Gomme A.W. A Historical Commentary on Thucydides. Vol. II. Oxf., 1956. P. 393.*

Причина подчинения островов афинянам – τὸ νησιωτικόν (островное положение): «Из островов на западе около Пелопоннеса жители (νησιῶται) Кефаллении и Закинфа, хотя и независимые (αὐτόνομοι), но из-за своего островного положения более других подверженные нажиму афинян, были вынуждены присоединиться к ним ввиду господства последних на море (κατὰ δὲ τὸ νησιωτικὸν μᾶλλον κατειργόμενοι, ὅτι θαλάσσης ἐκράτουσιν οἱ Ἀθηναῖοι)» (VII. 57. 7).

Идеологическое обоснование подчинения островитян – их слабость, склонность к подчинению, неспособность самостоятельно отстаивать общегреческие интересы. Афинский посол Ефрем заявляет, что афиняне подчинили своей власти ионийцев и островитян совершенно справедливо, поскольку последние не имели мужества противостоять персам и поддержали их в войне против греков (VI. 82. 3).

Соответственно враги Афин считали островитян «слабым звеном» Афинской архэ. Спартанский полководец Гилипп, обращаясь к сицилийцам, числил островитян среди ионийцев и прочего сброда (Ἰώνων καὶ νησιωτῶν καὶ ξυγκλύδων ἀνθρώπων)» (VII. 5. 4)¹⁹. Когда же положение

¹⁹ Здесь «островитяне» осуждается не за их островное положение, а за то, что полисы Эгеиды презирались дорийцами Пелопоннеса и дорийскими колонистами (Gomme A.W., Andrewes A., Dover K.J. A Historical Commentary on Thucydides. Vol. IV. Oxf., 1970. P. 384). Гилипп лишь «переадресовал» обвинение, которое Алкивиад выдвинул против самих сицилийцев. В своей речи Алкивиад

афинских сил в Сицилии стало критическим, Гиллипп пытался добиться сдачи прежде всего островитян и велел «объявить через глашатая, что островитяне (οἱ ξύμμαχοι πρῶτον μὲν τῶν νησιωτῶν) могут, если пожелают, переходить к ним (сиракузянам) на условиях сохранения свободы» (VII. 82. 1).

Афинский полководец Никий, напротив, стремился поддерживать гордость островитян, тем более, что островитяне составляли если не основу, то значительную часть афинского войска: «Действительно, если мы – аргосцы, мантинейцы, афиняне и главные представители островитян (νησιωτῶν οἱ πρῶτοι) – теперь объединились, неужели каждый из нас не должен быть уверен в победе...» (VI. 68. 2). Похоже, что островитяне составляли значительную, если не основную, часть афинского войска и в Сицилии (VII. 20. 2), и на Мелосе (V. 84. 1)²⁰.

Жителей каких островов афиняне преимущественно называли «островитянами»? (понятно, что Фукидид выражал афинскую точку зрения). В числе союзников афинян – «острова к востоку между Пелопоннесом и Критом и все остальные Киклады, кроме Мелоса и Феры» (II. 9. 4). Это –

заявлял: сицилийские города «заселены перемешанными толпами», что является признаком их слабости (*Thus.* VI. 17. 2). См. *Карпюк С.Г.* Общество, политика и идеология классических Афин. М., 2003. С. 111.

²⁰ Возможно, острова Эгейского моря, поскольку не имели сухопутных границ и содержали больше населения, чем могли прокормить, стали обычным и наиболее простым источником пополнения экипажей кораблей и войск. См. *Gomme A.W., Andrewes A., Dover K.J.* A Historical Commentary on Thucydides. Vol. IV. Oxf., 1970. P. 396.

островитяне по-афински (к началу Пелопоннесской войны). Описание Афинской державы по податным округам дается Фукидидом в седьмой книге: «В числе подвластных и данников (афинян) находились: Эретрия, Халкида, Стира и Карист на Евбее; а из островов: Кеос, Андрос, Тенос, в Ионии: Милет, Самос, Хиос» (VII. 57. 4)²¹.

Когда Алкивиад с Тиссаферном потребовали отдать царю всю Ионию и все соседние острова (VIII. 56. 4), речь шла, очевидно, не обо всех островах, а лишь о прилегающих к Ионии. Если бы спартанцы действовали бы решительней после восстания на Евбее, то, как писал историк, «тогда Геллеспонт, Иония и все острова между Ионией и Евбеей, одним словом вся Афинская держава попала бы в руки пелопоннесцев» (VIII. 96. 4). Очевидно, что в данном случае Фукидид дает географическое определение островных владений Афин.

Клазомены представляли собой особый случай, поскольку находились и на острове, и на материке одновременно (VIII. 14. 3). Афиняне, конечно же, были заинтересованы именно в островном положении Клазомен: «Афиняне... захватили на материке укрепленную клазоменцами Полихну. Жителей ее они перевели назад в город на острове. Так Клазомены снова присоединились к афинскому союзу» (VIII. 23. 6).

Все рассмотренные выше случаи свидетельствуют о том, что для Фукидида понятия «остров» и «островитяне» могли иметь и имели прежде всего политико-географическое значение.

²¹ Ср. *Thuc.* VIII. 43. 3 – представления спартанцев об «островах».

Однако по крайней мере они не противоречили собственно географическому значению, т.е. реальному положению островов. Обратимся теперь к примерам, когда географическое и «геополитическое» (т.е. политико-географическое) значения не совпадают.

Так, город Скиона с чисто географической точки зрения находился на материке: на полуострове Паллена – крайне западном полуострове Халкидики. Афиняне владели Потидеей, расположенной на перешейке этого полуострова. Однако, согласно Фукидиду, обе враждующие стороны – и спартанцы, и афиняне – рассматривали Скиону как островной полис. У спартанцев это сопровождалось оговорками и ссылкой на мнение афинян; Брасид, речь которого Фукидид приводит в пересказе, заявляет: «Действительно, скионцы, отрезанные на перешейке Паллены афинянами, владевшими Потидеей, и будучи никем иным, как островитянами (καὶ ὄντες οὐδὲν ἄλλο ἢ νησιῶται), все же добровольно перешли на сторону свободы и не стали трусливо дожидаться, пока их силой заставят сделать то, что совершенно очевидно пойдет им на пользу» (IV. 120. 3, пер. Г.А. Стратановского, с изменениями). Тот же Брасид «был уверен, что афиняне последуют за ним с кораблями на помощь Паллене, которую они рассматривали как остров (ἡγούμενος καὶ τοὺς Ἀθηναίους βοηθῆσαι ἂν ὡς ἐς νῆσον)» (IV. 121. 2, пер. Г.А. Стратановского)²².

²² См. *Hornblower S. A Commentary on Thucydides. Vol. II. Oxf., 1996. P. 379, 387.*

Точка зрения афинян (в передаче историка) была еще более определенной: после перемирия «...афиняне не желали идти на риск третейского разбирательства и решили немедленно выступить в поход. Действительно, афиняне были раздражены тем, что даже и живущие на островах отважились восстать против них (οἱ ἐν ταῖς νήσοις ἤδη ὄντες ἀξιοῦσι σφῶν ἀφίστασθαι), полагаясь на бесполезную для них сухопутную силу лакедемонян» (IV. 122. 5, пер. Г.А. Стратановского, с изменениями). Далее, совсем по сценарию, который был уже опробован на митиленцах, «по предложению Клеона афиняне немедленно постановили захватить Скиону и казнить жителей и стали готовиться к походу, оставив пока другие предприятия» (IV. 122. 6).

Таким образом, город Скиону афиняне рассматривали как находящийся на острове и соответственно как неотъемлемую часть Афинской державы, хотя в действительности Скиона была расположена на полуострове Паллена. В данном конкретном случае политическая география, геополитика в труде Фукидида решительно взяла верх над обычной, физической географией: материковое положение Скионы оказалось «упраздненным», поскольку афиняне контролировали Потидею (т.е. перешеек полуострова) и таким образом могли не допустить вмешательства сухопутной державы (т.е. Спарты) в дела этого крайне западного полуострова Халкидики.

Расправа, учиненная афинянами над скионцами и мелосцами, стала обычным аргументом противников восстановления афинского господства. Уже в IV в. вынужденный оправдываться за

родной город Исократ в «Панегирике» жаловался, что это обвинение буквально навязло на зубах (IV. 100). Навязло настолько, что даже Элий Аристид, много веков спустя, в середине II в. н.э. в «Панафинейской речи» (302–312) велеречиво, хотя и не очень убедительно, продолжал оправдывать деяния афинян. Гораздо более значимо с точки зрения нашей темы то, что Арриан в «Анабасисе Александра» под влиянием Фукидида также приписал Скионе островное положение: «Взятие Мелоса и Скионы, островных городков (νησιωτικά τε πόλεις), принесло больше позора победителям и не было большой неожиданностью для всей Эллады» (I. 9. 5, пер. М.Е. Сергеенко)²³.

Таким образом, с точки зрения политической географии, «имперской геополитики» полуостров Паллена был на самом деле островом. Но, может быть, был и обратный пример? Такой пример есть, и это – Сицилия. Сицилия – остров. М. Финли начинает свою книгу о Сицилии, казалось бы, непререкаемым утверждением: «Сицилия – это остров»²⁴. Что тут можно возразить? Да и сам Фу-

²³ Интересен контекст: Арриан описывает ужас, который навел на греков Александр разгромом Фив в 335 г. и показывает, что ничего похожего по масштабу и воздействию на умы сами греки учинить не смогли. О Фукидиде и Исократе как источниках Арриана см. *Bosworth A.B. A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander. Vol. I. Oxf., 1980. P. 88; Hornblower S. The Fourth-Century and Hellenistic Reception of Thucydides // JHS. 1995. 115. P. 50–51.*

²⁴ «Sicily is an island» (*Finley M.I. A History of Sicily. Ancient Sicily to the Arab Conquest. L., 1968. P. 3).*

кидид, конечно же, называл Сицилию островом (VI. 1. 1, подчеркивая его уникальность из-за большого числа греческих поселений) и определял его размеры (VI. 1. 1–2)²⁵. Однако не все так просто, как кажется на первый взгляд. Сицилия – крупнейший остров Средиземноморья; его площадь превосходит площадь всех островов, входящих в настоящее время в состав Греции, и примерно на 20% больше площади полуострова Пелопоннес²⁶. Для греческого мира Сицилия не могла быть островом в обычном понимании этого слова: слишком она была велика и многолюдна; к тому же лишь очень узкий пролив отделял ее от материка (на что указывал сам Фукидид – VI. 1. 1), и само название «Великая Греция» для заселенных греками областей Сицилии и юга Италии говорит само за себя²⁷.

Характерно, что сам Фукидид называет Сицилию островом преимущественно в самом начале шестой книги, описывая догреческую историю

²⁵ Очевидно, преуменьшая их: путешествие вокруг Сицилии на тогдашнем корабле должно было занимать не 8 дней, как полагал Фукидид (VI. 1. 2), а более длительное время. С Геродота идет традиция считать Сардинию более крупным, чем Сицилия, островом (*Herod. I. 170; V. 106*).

²⁶ Характерно, что Фукидид вкладывает в уста вождя сиракузских демократов Афинагора сравнение Сицилии с Пелопоннесом: «Сицилия скорее, чем Пелопоннес, выдержит большую войну» (VI. 37. 1).

²⁷ Австралию можно ведь тоже считать островом, как это делали французы в XIX в., она рассматривается как континент из-за ее размеров.

Сицилии и ранние этапы освоения острова греками (VI. 1–2), затем он использует слова «остров» и «страна» (γῆ) попеременно, как синонимы (VI. 2. 5–6), а дальше он предпочитает называть ее не «островом», но «страной». Называя Сицилию «островом», он обязательно подчеркивает его уникальность, наличие множества греческих поселений на нем (VI. 20. 2). В речи сиракузского политического лидера Гермократа дается в сущности верное определение Сицилии с точки зрения политической географии: «Ведь мы соседи, живем на одной, омываемой морем, земле (ξυνοίκους μᾶς ἡῶρας καὶ περὶρρούτου) и носим одно общее имя сикелиотов...» (IV. 64. 3). Т.е. Сицилия – это земля, омываемая морем, на которой располагается множество полисов²⁸.

Фукидид был совершенно уверен, что его читатель не ошибется, не перепутает остров Сфакторию с Сицилией, когда писал: «Большая афинская эскадра, направлявшаяся в Сицилию, была отвлечена осадой острова [т.е. Сфактерии]» (IV. 24. 3). Сами же сицилийцы, по мнению Фукидида, ясно отделяли себя от «островитян» – подчиненных Афинам обитателей островов Эгейского моря: «При этом он (Гилипп. – С.К.) просил воинов твердо помнить, что своей боевой силой и вооружением они не уступают врагу и что для них, обладающих воинской доблестью пелопоннесцев и

²⁸ Ср. с отношением к Родосу. Пелопоннесцы «решили плыть на Родос, чтобы привлечь на свою сторону этот могущественный остров (ἐλπίζοντες νῆσόν τε οὐκ ἄδύνατον)» (*Thuc.* VIII. 44. 1).

дорян, невыносимо, если они будут не в состоянии одолеть и изгнать из своей земли ионян, островитян и прочих сброд (Ἰώνων καὶ νησιωτῶν καὶ ξυγκλύδων ἀνθρώπων)» (VII. 5. 4, пер. Г.А. Стратановского).

Итак, когда речь заходит о военно-политических реалиях своего времени, политическая география у Фукидида оттесняет на задний план географию тривиальную, физическую. Полуостров Паллена превращается у него в остров, а остров Сицилия превращается в континент²⁹. Для Фукидида, как и для других афинских авторов V–IV вв. до н.э., «островитяне» – прежде всего обитатели Киклад, входившие в пятый податный округ Афинской архэ. В более расширительном смысле – это все островные (и не только!) союзники Афин, т.е. подданные Афинской архэ. Причем Аристофан идет дальше Фукидида: для него «островитянин» – вообще синоним союзника, а Афины – один из «островов». В современной Фукидиду анонимной (Псевдо-ксенофоновой) «Афинской политике» сопоставляются преимущества и недостатки островного и материкового положения государства, причем соединенные Длинными стенами Афины и Пирей неизбежно воспринимаются автором как некое подобие острова (II. 2 и II. 13–16)³⁰.

²⁹ Поэтому сопоставление *острова* Мелос с *островом* Сицилия, как это делает, к примеру, У. Коннор, не совсем корректно: Connor W.R. Thucydides. Princeton, 1984. P. 155.

³⁰ Еще Калинка в начале, а затем и Гомм в середине XX в., указывая на очевидный общий источник для Фукидида и Псевдо-Ксенофонта (Ath. pol. II. 14–16),

Обратимся к сочинениям афинских авторов – младших современников Фукидида. Единственное во всем корпусе Лисия упоминание островов носит политико-географический характер: обвинитель Алкивиада Младшего припоминает «грехи» его отца, который «поехал на острова, чтобы вредить Афинам» (XIV. 30), причем далее упоминается Хиос, жителей которого Алкивиад так и не смог сделать друзьями (XIV. 36). «Островитяне» (νησιῶται) не упоминаются Лисием вовсе. Конечно, содержание речей Лисия носило вполне «прикладной» характер, и отсутствие подобных упоминаний можно считать вполне естественным. Однако и в Демосфеновом корпусе на 22 упоминания островов приходится только 2 упоминания островитян (De Haloneso 15 и De corona 234). Это уже можно рассматривать как некую тенденцию, направленную на снижение числа упоминаний островитян. Не потому ли, что само слово «островитяне» (νησιῶται) ассоциировалось прежде всего с политико-географическим (а не просто с географическим) контекстом и почти перестало употребляться с закатом Афинской морской державы?

Употребление слов «остров» и «островитяне» Ксенофонтом мало отличается от фукидидовского. Наиболее отчетливо это видно в «Анабасисе», где слово «остров» встречается – по понятным

предполагали, что таковым могла быть вполне реальная речь Перикла. См. *Kalinka E. Die Pseudoxenophonistische Αθηναίων Πολιτεία*. Lpz-B., 1913. S. 233; *Gomme A.W. A Historical Commentary on Thucydides*. Vol. I. Oxf., 1956. P. 461.

причинам – крайне редко, лишь дважды. Во второй книге содержится вполне тривиальное географическое упоминание острова между рекой Тигр и каналом, который мог бы стать временным пристанищем грекам (II. 4. 22). А в завершающей седьмой книге автор приводит свою собственную, обращенную к сотоварищам, речь, произнесенную в Византии, в которой он предостерегает их от возможной конфронтации со Спартой. В качестве аргумента он ссылается на судьбу Афин, которые, обладая огромными финансовыми и военными возможностями и «правля всеми островами» (ἄρχοντες δὲ τῶν νήσων ἁπασῶν), войну со спартанцами тем не менее проиграли (VII. 1. 27). В данном случае это не столько риторическое преувеличение, сколько политико-географическая характеристика: под «островами» имеются в виду именно те, которые входили в Афинскую державу. Кстати, ни Ксенофонт, ни его слушатели не могли даже и помыслить о том, чтобы поставить Сицилию в один ряд со «всеми островами».

Значительно больше упоминаний островов содержит «Греческая история» Ксенофонта. Однако в явно тривиальном географическом смысле остров фигурирует там лишь дважды: в первом случае автор упоминает один из ближайших к Ализии островов (V. 4. 66), во втором – остров Керкиру, причем сама возможность быть застигнутыми врагами на острове пугала спартанцев (VI. 2. 26). Ксенофонт специально выделяет острова и приморские материковые города как два отдельных разряда (III. 4. 28; IV. 8. 1, 12). Но при этом и жители островов, и обитатели прибрежных горо-

дов Малой Азии трусливы и готовы бросить оружие при первом удобном случае, в чем мог убедиться спартанский полководец Деркилид во время военных действий против персидских сатрапов в Малой Азии (III. 2. 17).

В большинстве случаев Ксенофонт под «островами» понимает острова греческого архипелага, ранее входившие в Афинскую архэ (IV. 8. 1, 7, 12, 14, 15; V. 1. 2, 23; VI. 2. 12), причем близлежащая к Афинам Эгина к ним не относится (V. 1. 23). То, что под «островами» Ксенофонт понимает именно острова Эгейского моря, подтверждает пассаж из третьей книги «Греческой истории». Фиванский посол в Афинах, объясняя изменение внешней политики своего полиса, заявляет: «Мы теперь не за островитян и сиракузцев... а за самих себя» (III. 15. 14). Таким образом, для Ксенофонта сиракузцы – не «островитяне», во всяком случае в политико-географическом значении этого слова. В «Греческой истории» политическое восприятие островов преобладает над чисто географическим.

Это особо подчеркивается текстом Антакидова мира, который Ксенофонт цитирует, очевидно, по официальному документу. В данном документе проявляется иное, негреческое восприятие островов, и оно резко контрастирует с остальным текстом сочинения Ксенофонта: «Царь Артаксеркс считает справедливым, чтобы ему принадлежали все города Азии, а из островов – Клазомены и Кипр. Всем прочим же эллинским городам, большим и малым, должна быть предоставлена автономия, кроме Лемноса, Имброса и Скироса, которые по-прежнему остаются во власти афи-

нян» (V. 1. 31, пер. С.Я. Лурье). В этом тексте происходит смешение понятий «остров» и «полис», что подчеркивает его негреческую основу.

Наконец, в «Греческой истории» Ксенофонта содержится важный пассаж, свидетельствующий о переоценке военно-политической роли островов. Неудивительно, что призыв опираться на материковые, а не на островные владения вложен в уста Полидаманта, посланника фессалийского правителя Ясона, который передал спартанцам слова последнего о возможности создания крупного континентального союза греческих полисов, ядром которого могла бы стать Фессалия: «Затем наша казна будет иметь гораздо большие доходы: нам не придется рассчитывать на какие-то островки (μη εἰς νησίδρια), мы будем облагать данью народы материка... Персидский царь – богаче всех людей на свете, и это потому, что он извлекает свои доходы не с островов, а с материка» (VI. 1. 12, пер. С.Я. Лурье). Противопоставление материка островам в рассматриваемом пассаже проявляется особенно отчетливо, и не случайно Ясон – правитель равнинной Фессалии – употребляет пренебрежительное «островки». Вообще речь Полидаманта – важный знак геополитической переориентации греческого мира. Материковые владения становятся важнее островных. Опираясь на острова, не завоюешь Персию, а, став господином береговой линии Восточного Средиземноморья, Александр Македонский и заставил сдаться финикийский флот, и подчинил острова.

Как же возник «имперско-геополитический» взгляд на острова, свойственный как Фукидиду, так и его современникам?

Можно предположить, что афинян с давних пор одолевала зависть к островитянам, самой природой огражденным от сухопутных вторжений неприятеля: напомним хотя бы о вражде с мегарцами за Саламин, а также о ненависти к эгинцам, которая побудила афинян принять предложение Фемистокла и построить большой флот (Геродот, Фукидид). Сам вид защищенной морем и процветающей Эгины, которая хорошо видна с афинского Акрополя, должен был побуждать афинских граждан к решительным действиям. Это ведь даже не Карфаген, который отстоял от Рима на добрые семьсот километров! Напоминаний не требовалось. И, как только Афины стали ведущей морской державой в Эгейском бассейне, задача подчинения островов должна была стать на повестке дня афинской политической жизни. Так и случилось, и афинские союзники-островитяне – пусть и не совсем добровольно – должны были подчиниться Афинам.

Труд Фукидида дает множество примеров захвата афинянами островов и расправы с островитянами: афиняне под предводительством Кимона захватили остров Скирос, продали его жителей (долопов) в рабство и заселили своими колонистами (I. 98. 2)³¹; изгнали эгинцев с женами и детьми с их острова (II. 27); захватили необитаемый остров Аталанту (II. 32); расправились с восставшими

³¹ Впрочем, та же судьба постигла и жителей города Эйон на Стримоне (*Thuc.* I. 98. 1).

митиленцами (см., например, речь Клеона – III. 39. 2); совершили поход на остров Миною, что напротив Мегар (III. 51. 1); произвели очищение Делоса (III. 104. 1–2) и т.п. Образцовый пример подобной точки зрения дает мелосский диалог (V. 97 и др., см. выше).

Наконец, у афинян возникает желание отгородить Афины от суши и, напротив, связать с морским побережьем и с портом Пиреем Длинными стенами. Как известно, по инициативе сначала Фемистокла, а затем и Перикла этот грандиозный замысел был осуществлен, и Афины превратились в некое подобие острова. На «псевдоостровном» положении Афин основывалась выработанная Периклом стратегия ведения Пелопоннесской войны, и в «Истории» Фукидида Перикл увещевает своих сограждан: «Подумайте, если бы мы были бы островитянами (εἰ γὰρ ἤμεν νησιῶται), кто тогда мог бы одолеть нас? Поэтому нам уже теперь следует как можно яснее мысленно представить себе такое положение, при котором нам придется покинуть нашу землю и жилища, ограничиться обороной города и войной на море и не вступать в порыве гнева в бой с превосходящими сухопутными силами пелопоннессцев» (I. 143. 5, пер. Г.А. Стратановского, с изменениями). Очевидно, подобные вопросы обсуждались в афинском обществе (см., например, Ps.-Xen. Ath. pol. II. 2; 13–16). Афинянам вскоре после начала Пелопоннесской войны пришлось на собственном опыте испытать преимущества и недостатки островного положения: «Выслушав речь Перикла, афиняне последовали его предложению и принялись вывозить с полей

жен, детей и домашнюю утварь и даже уничтожали деревянные части домов. Овец и выючных животных они переправили на Евбею и на соседние острова» (II. 14. 1).

Представление об Афинах как об островной державе оказало заметное влияние на самосознание афинских граждан. На этом представлении основывались многие военно-политические решения афинян в период Пелопоннесской войны. И только после поражения (и соответственно ослабления) Афин начинается постепенное ослабление «морской» составляющей полиса.

«Имперское» отношение к островам в силу определенной инерции общественного сознания сохранялось в Афинах еще некоторое время после падения архэ. Недолговечное существование второго Афинского морского союза, борьба Афин за последние подвластные им острова – тому подтверждение. Но происходят существенные изменения, которые отразились и в речах ораторов, и в сочинениях Ксенофонта.

Геополитические установки и представления могут казаться непреходящими, даже вечными. Но с исчезновением мира враждующих греческих полисов греки попытались, наконец, получить удовольствие от островов. Острова стали любимой темой парадоксографов – описателей катастроф, местом локализации утопий. Пропать, и не только хронологическая, отделяет Лесбос эпохи репрессий Клеона против митиленцев от Лесбоса, на котором разворачивается действие «Дафниса и Хлои». Острова как объекты геополитики исчезли в морской пучине, подобно платоновской Атлан-

тиде, и на их месте возникли совершенно другие острова, которые стали местом почетной, а иногда – и предсмертной ссылки. Но это уже совсем другая история – римская.

Заключение

Восприятие природно-географических условий древними греками предоставляет в распоряжение исследователя сведения как о реально существовавших природных объектах и факторах, так и восприятию греками природных феноменов.

Для древнегреческих авторов классического периода политическая география иногда оттесняла на второй план географию тривиальную, физическую. Полуостров Паллена у Фукидида превращается в остров, а остров Сицилия – в континент. Для Фукидида, как и для других афинских авторов V–IV вв. до н.э., «островитяне» – прежде всего обитатели Киклад, входившие в пятый податный округ Афинской архэ. Аристофан пошел еще дальше Фукидида: для него «островитянин» – вообще синоним союзника, а Афины – один из «островов». В современной Фукидиду Псевдоксенофонтской «Афинской политике» сопоставлены преимущества и недостатки островного и материкового положения государства, причем соединенные Длинными стенами Афины и Пирей воспринимались автором как некое подобие острова.

Опираясь на анализ письменных источников, можно сделать вывод о том, что климат Греции в архаическую и классическую эпохи был достаточно суров и не столь уж комфортен. Конечно, «всяк кулик свое болото хвалит», и для Геродота Иония, а для Платона – Аттика были самыми благодатными краями. Однако минусовые температуры и снег зимой в Афинах были вполне рядовыми явлениями. Что уж говорить о расположенных на-

много севернее греческих полисах: в Халкидике, на Боспоре Фракийском или Киммерийском, в других «суровых» – с точки зрения древних греков – местах. Подледный лов на Черном море (очевидно, в лиманах) как явление также вполне обыденное описывает Аристотель в «Метеорологике». Керченский пролив замерзал, и на льду его сражались конные воины и т.п. Замерзали и реки во Фракии. Примеров суровости климата можно привести множество¹. Судя по письменным источникам, климат классической Греции был более холодным, нежели современный. При этом, что весьма существенно, периоды похолоданий не были длительными, и снегопад через несколько дней обязательно должен был смениться дождем. Зима, прежде всего, ассоциировалась с дождями и бурями, а не со снегопадами и метелями, и Зевс был подателем дождя по преимуществу.

Поэтому специальных «зимних» жилищ или «зимних» приспособлений не требовалось, греки использовали для обогрева помещений вполне примитивные средства – очаг и жаровни (при этом, очевидно, существовали и какие-то емкости для подогрева воды). В сельских домах зимой использовали для проживания «внутреннюю» комнату, не продуваемую ветрами. Зимняя, теплая

¹ К сообщениям древних авторов следует относиться критически, с долей здравого смысла. Так, знаменитое сообщение Страбона о лопнувшем от мороза медном сосуде, который хранился в храме в Пантикапее, не доказывает ничего, кроме того, что из него не вылили жидкость при температуре –4 градуса.

одежда также существовала, но часто не была личной, а выдавалась по мере надобности.

Переносить непогоду грекам (особенно гражданам-мужчинам) помогала система физического воспитания, которая включала в себя и закаливание. Не случайно воины из числа «десяти тысяч» в целом нормально перенесли зимний переход через горы Западной Армении, а множество рабов и обслуживающего персонала погибла. Впрочем, часто упоминаемые мужские болезни мочеполовой сферы вполне могли быть следствием зимнего переохлаждения.

Таким образом, грекам вполне удалось приспособиться к похолоданию климата, произошедшего на рубеже II и I тысячелетий до н.э., и это никоим образом не сказалось на их историческом развитии. Напротив, греки стали «осваивать» зиму. Прежде всего, это касалось морского транспорта. Сезоном «гарантированного» мореходства считается в Средиземноморье период с апреля по октябрь включительно. Об этом писал еще Гесиод, на этом же настаивали и средневековые уставы, и знаменитый «родосский закон». Только в Новое время, с XVII века, мореплавание в Средиземном море стало всесезонным. Однако уже в период Пелопоннесской войны флоты враждующих союзов вели военные действия почти круглогодично, с перерывом разве что на пару месяцев; кроме того, хлебные транспорты из Египта, судя по всему, курсировали круглый год. Так что эпоха Возрождения классической древности распространялась в какой-то мере и на мореплавание. Не это ли является еще одним подтверждением существования

«греческого чуда», того огромного прорыва в разных сферах жизнедеятельности, который приближает древних греков к современности в гораздо большей степени, чем позволяет хронология.

Степень развития цивилизации проявляется и в «освоении» пространств времени, неиспользуемых традиционными обществами: пространства ночи, пространства зимы. И здесь греки сделали огромный шаг вперед. Еще Гесиод предлагал жить в соответствии с традиционными ритмами и замедлять (в буквальном смысле этого слова!) человеческую жизнедеятельность зимой, подобно жизнедеятельности животных. А три века спустя в демократических Афинах классической эпохи шло настоящее «наступление» на зиму: независимо от погодных условий функционировали полисные институты, именно зимой организовывались новые празднества, и прежде всего Ленеи.

В знаменитый первом стасиме «Антигоны» Софокла (стк. 340 слл.): всепогодное мореплавание (строфа 1) и преодоление суровости климата (строфа 2) поставлены там в ряду величайших достижений человека (земледелия, рыболовства и охоты, коневодства и скотоводства, интеллектуальной деятельности, строительства, медицины, хитрости). Случайно ли, что «Антигона» была поставлена около 440 г., через год или два после начала театральных представлений на Ленеях, которые проходили в конце января – начале февраля, в самый разгар афинской зимы.

Комедии Аристофана – памятный знак, трофей этой победы человека над силами природы. Эта победа, конечно, достигалась за счет чело-

веческого фактора, выдержки и выносливости. Но следом уже шла институционализация, строительство помещений для судов, новых портиков и т.п. Афиняне эпохи Аристофана ценили свое время, качество их жизни предполагало активную жизнь и в зимний период. И в этом аспекте древние греки послужили примером современной цивилизации.

Подводя итог, можно утверждать, что постепенные климатические изменения не являются неразрешимой проблемой для обществ, достигших уровня цивилизации, причем каждая цивилизация вырабатывает свой собственный, специфический способ приспособления. Древние греки выбрали для себя не «технический», а «антропоцентрический» способ приспособления, который заключался в развитии человеческих возможностей. Впрочем, современным людям необязательно идти по их стопам; римляне, к примеру, уже широко пользовались обогревом жилищ и изобрели «теплый пол». Главное – выбрать стратегию приспособления к климатическим изменениям и, по мере возможности, следовать ей.

Приложения

Табл. 1. Парфенон в снегу.

Табл. 2. Среднемесячные показатели температуры в современной Греции (°C), данные конца XX в.

	Афины	Афины 3-й ч. XX в.	Корфу	Ираклион (Крит)	Родос	Санторини (Фера)	Салоники
Январь	10,3	9,3	9,7	12,1	11,8	11,2	5,0
Февраль	10,7	9,9	10,3	12,3	12,0	11,2	6,6
Март	12,4	11,3	12,0	13,6	13,6	12,6	9,7
Апрель	16,0	15,3	15,0	16,6	16,6	15,5	14,2
Май	20,7	20	19,6	20,3	20,6	19,1	19,4
Июнь	25,1	24,6	23,8	24,3	24,7	23,3	24,2
Июль	27,9	27,6	26,4	26,1	26,9	25,4	26,5
Август	27,7	27,4	26,2	26,0	27,0	24,8	25,9
Сентябрь	24,2	23,5	22,7	23,4	24,6	22,5	21,7
Октябрь	19,4	19	18,4	20,0	20,6	19,0	16,1
Ноябрь	15,5	14,7	14,3	16,7	16,5	15,4	11,0
Декабрь	12,2	11	11,2	13,9	13,4	12,7	6,8

Табл. 3. Климатические данные для Афин (50-70-е годы XX в.)

• 37°58г северной широты • 23°43г восточной долготы | 107 м над уровнем моря

Средние климатические данные для Афин (°C)

Параметры	янв	фев	мар	апр	май	ию н	ию л	авг	сен	окт	ноя	дек	год	Period
Среднемес. темпер.. воздуха	9.3	9.9	11. 3	15. 3	20	24. 6	27. 6	27. 4	23. 5	19	14. 7	11	17.8	
Среднемес. максим. темпер.. воздуха	12. 9	13. 9	15. 5	20. 2	25	29. 9	33. 2	33. 1	29	23. 8	18. 6	14. 6	22.5	30
Среднемес. миним..темп ер. воздуха	6.4	6.7	7.8	11. 3	15. 9	20	22. 8	22. 8	19. 3	15. 4	11. 7	8.2	14	30

Абсол. максим. темпер. воздуха	20. 9	22. 5	27. 8	32. 2	36. 2	41. 9	42. 3	42. 6	38. 4	36. 5	27. 7	22. 2	42.6	30
Абсол. миним. темпер. воздуха	-4.4	-5.7	-0.7	-0.3	6.2	13. 6	16	15. 5	11. 6	7.2	-1.1	-3.7	-5.7	30
Средн. сравн.. влажность (%)	74	70	67	63	59	53	47	47	56	67	73	75	63	
Средн. ве- лич. осадков (мм)	62	36	38	23	23	14	6	7	15	51	56	71	402	
Максим ве- лич. осадков	47	61	42	30	50	49	24	39	143	67	57	48	143	30

за 24 ч. (мм)														
Дни с осадк.	12	11	10	8	7	5	2	3	4	8	12	12	93	
Солнеч. часы	149	156	190	215	232	292	364	340	272	210	129	108	2655	
Средн. скор. ветра	1.9	2.2	2.7	1.8	1.8	1.8	2.2	2.2	1.9	1.8	2.3	2.1	2.0	
Направ. ветра	СВ	СВ, ЮЗ	СВ	СВ	Ю	ЮЗ	СВ	СВ	СВ	СВ	СВ	СВ		

Источник сведений: M. Mueller, 1983: Handbuch ausgewaehlter Klimastationen der Erde. Universitaet Trier. Forschungsstelle Bodenerosion. Использованы данные 50-х, 60-х и 70-х годов XX в.

Табл. 4. Изменение климата Земли в эпоху голоцена (тысяч лет назад)

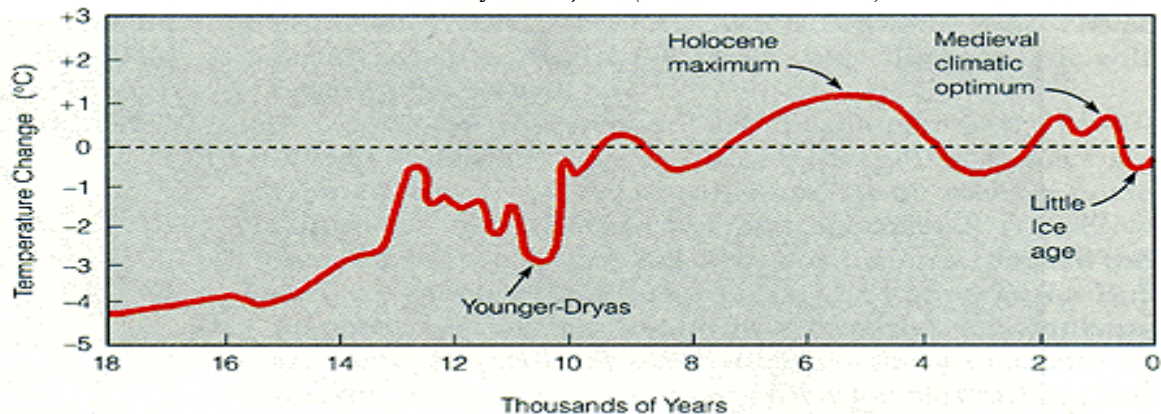

image from *Meteorology Today* by C. Donald Ahrens © 1994 West Publishing Company

Источник: http://apollo.lsc.vsc.edu/classes/met130/notes/chapter18/long_term2.html

Указатель

А

Агамемнон	82, 177
Агафон.....	107, 116, 130, 133
Азия Западная	32
Александр Македонский	191
Александрийская библиотека	30, 33
Александрийский маяк	30
Ализия	189
Алкей	49, 62, 77, 81
Алкивиад	105, 106, 107, 116, 130, 131, 132, 133, 179, 181, 188
Алкивиад Младший	188
Алкимаха мастер	148
Алкман.....	76
Альпы	45
Амфиполь.....	103, 108, 110
Анакреонт	78
Анаксагор.....	95
Анатолия.....	122
Андреев Ю.В.....	17
Андроник.....	28, 45, 50, 148
Андрос	181
Антипатр Сидонский	78, 79
Анфестерии.....	86
Апт С.К.....	88, 105, 117, 131, 169
Арголида	59
Аргос	
аргосцы.....	180
Аристотель	33, 44, 49, 62, 65, 67, 103, 104, 115, 133, 134, 135, 138, 198

Аристофан ...	32, 44, 60, 61, 65, 66, 71, 84, 89, 90, 96, 107, 116, 130, 133, 137, 139, 154, 155, 162, 164, 168, 169, 172, 187, 197, 200
Арктика	54
Армения	22, 90, 119, 123, 199
Армянское нагорье	61, 129
Арриан	184
Архидам	177
Архимед	31
Архипп	136
Асклепиад	79, 80
Аскра деревня	71
Аталанта	192
Атлантика Северная	54
Аттика	23, 47, 51, 59, 60, 66, 117, 118, 137, 139, 163, 168, 197
Афиней	85
Афинская архэ, морская держава	162, 163, 169, 170, 172, 174, 175, 177, 179, 181, 183, 187, 189, 190, 192, 194, 197
Афины	5, 9, 29, 31, 44, 60, 61, 65, 66, 84, 85, 88, 89, 90, 101, 104, 106, 108, 113, 115, 117, 118, 128, 132, 137, 138, 148, 159, 163, 169, 170, 171, 177, 179, 180, 181, 186, 187, 188, 189, 190, 192, 193, 194, 197, 200, 203, 204
Африка Западная	51
Африка Северная	42, 51

Б

Балканский полуостров	22, 47
Беотия	23, 59
Березань	144, 149, 150
Берестов А.А.	12

Ближний Восток	22
Боденское озеро	36
Болгария	60, 66
Борей	72, 74, 76, 80, 84, 88, 140, 148
Борисфен	144, 149, 150
Боспор Киммерийский	97, 136
Боспор Фракийский	198
Боттика	110
Брасид	103, 108, 109, 110, 111, 182
Бродель Ф	15

В

Вавилония	50
Вакхилид	160, 166
Ван озеро	61, 119
Вацучи Тецуро	68
Вейс Г.	7
Великая Греция	185
Великой греческой колонизации эпоха	23
Верден ван де Б.	101
Вигасин А.А.	17
Византий	189
Вилат С.	160, 165
Вифиния	129

Г

Габба Э.	157
Галикарнас	43
Ганнибал	45
Гаспаров М.Л.	68, 77, 78, 80, 139, 140, 141, 142, 143, 144
Геллеспонт	174, 181
Геракл	147, 148

Гермократ	186
Геродот8, 32, 42, 43, 44, 47, 49, 65, 89, 94, 96, 97, 98, 138, 150, 157, 164, 172, 173, 174, 175, 185, 192, 197	
Гесиод	32, 49, 62, 68, 70, 71, 72, 74, 77, 127, 199, 200
Гета.....	138
Гилипп	179, 186
Гиппонакт	75
Гомер.....	32, 49, 68, 69, 103, 170
Гракхи братья.....	57
Гренландия	40
Греция7, 8, 9, 10, 28, 30, 32, 44, 47, 48, 51, 52, 57, 59, 60, 62, 65, 66, 67, 68, 79, 82, 89, 91, 93, 103, 105, 110, 126, 127, 130, 133, 136, 138, 139, 141, 143, 144, 153, 155, 159, 163, 164, 185, 197, 203	
Греция "вчерашняя"	10, 104
Греция Северная	104, 133
Гумилев Л.Н.	17

Д

Дарий	175
Дафнис	194
Делос.....	156, 175, 193
Деметрий Фалерский.....	139
Демос	170
Демосфен Демосфенов корпус	169, 188
Деркилид	129, 190
Дикеополь.....	86, 87, 89
Диодор	111, 160, 165
Дион Р.	159, 165

Дионисии – праздник...	85, 86, 87, 89, 116, 153, 169, 171, 172
Дурис	80

Е

Евмей	69
Евразия Северная	46, 47
Еврипид	32, 81, 84, 167
Европа Западная	16, 54
Европа Центральная	36
Европа Южная	52
Евфем	178
Евфрат	120
Египет	30, 95, 173, 199
Елена	167

Ж

Жебелев С.А.	100
Жуковский В.В.	70

З

Закинф	179
Зевс	74, 84, 108, 115, 142, 153, 173, 198

И

Имброс	190
Иолай	168
Ионическое море	57
Иония	47, 94, 174, 181, 197
Иранское нагорье	22
Исократ	184
Италия	13, 28, 45, 50, 52, 75, 156, 185

Италия Средняя	13
Италия Южная	75

К

Кайсери <i>См.</i> Цезаря Каппадокийская	
Карист	181
Кария	
карийцы	177
Карпенгер Р	59
Карфаген	192
Кеос	181
Керкира	189
Керченский полуостров <i>См.</i> Боспор	
Киммерийский	
Керченский пролив	98, 136, 198
Керчь <i>См.</i> Пантикапей	
Кефалления	59, 176, 179
Кибела	78, 79
Киклады	158, 159, 174, 180, 187, 197
Кимон	192
Кипр	156, 173, 190
Кир	117, 119, 125
Кирена	174
Китай	37, 38, 45, 46, 47, 50
Китай, эпоха	38
Киферон гора	84
Клазомены	75, 181, 190
Клеон	170, 183, 193, 194
Клименко В.В....	11, 12, 15, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 24, 26, 29, 30, 32, 33, 34, 35, 37, 39, 42, 44, 45, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 55, 56, 57, 58, 59, 62, 114
Кнемон	137, 138
Книга Притч Соломоновых	36, 37

Книд.....	173
Колбасник	169, 170
Колофон	75
Конфуций.....	17, 24, 35
Коринф	137
Крит	59, 156, 180, 203
Криштофович А.Н.....	136
Крылов.....	143
Крым.....	42, 43, 49, 50, 51, 136
Ксенофан	75
Ксенофонт. 36, 44, 60, 65, 66, 90, 104, 108, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 125, 126, 127, 128, 129, 157, 160, 162, 164, 166, 175, 187, 188, 189, 190, 191, 194	
Ксеркс.....	42, 173, 175
Кумы.....	50

Л

Ламах	88, 89
Лампсак	129
Ле Руа Ладюри Э.	11, 12, 15, 16, 19
Леви-Строс К.	160, 165, 166
Лемнос.....	190
Ленеи – праздник.....	61, 83, 85, 86, 87, 88, 107, 137, 168, 169, 200
Леонид Тарентский	79
Лесбос	
лесбосцы.....	174, 175, 194
Либешютц В.....	31
Ливий Андроник.....	28, 45, 50, 148
Ливий Тит.....	50
Ливия	28, 45, 95
Лидия	32

Лисий	164, 188
Лурье С.Я.....	117, 129, 158, 191
Льюис.....	142

М

Майнц	148
Македония.....	110
Максимова М.И.	119, 123, 125
Малая Азия.....	22, 32, 43, 51, 71, 94, 174, 190
Мантинея	
мантинейцы	180
Марафон	168
Маршак С.Я.....	57
Мегары.....	193
Мелос	161, 166, 178, 180, 184, 187
Менандр.....	137, 138, 139
Менелай	69, 168
Мерит Б.....	102
Меррей О.	17
Месопотамия	61, 119
Микале	174
Микены	168
Милет	181
Миная	193
Мищенко Ф.Г.	100, 109, 110
Монин А.С.....	12
<i>Мусейон</i>	30
Мухаммад.....	18, 24, 35

Н

Неаполь.....	42, 50
Никий	101, 180
Никосфен	147

Нил.....	95, 173
Норвегия.....	44
Нот	75

О

Овидий.....	12, 13, 97, 98
Одиссей	69
Олимп гора.....	28, 73, 76, 80, 135
Олимпия	
Олимпийские игры.....	32
Ольвия	43, 98
Остия	42

П

Павсаний	130
Паллена.....	182, 183, 184, 187, 197
Панионий.....	94
Пантикапей	50, 136, 198
Парфенон.....	33, 202
Пелопоннес	59, 61, 66, 127, 178, 179, 180, 185
Пелопоннесская война.....	39, 44, 60, 61, 65, 66, 105, 131, 133, 163, 169, 172, 181, 193, 194, 199
Пенелопа.....	69
Перикл	155, 158, 163, 169, 177, 188, 193
Персия	
персы	32, 38, 125, 179, 191
Пиерия	76, 80
Пиндар.....	32, 160, 166
Пирей.....	85, 110, 163, 187, 193, 197
Пиренейский полуостров	52
Писфетер	171
Пифей	28, 44

Платон.....	33, 44, 47, 65, 107, 116, 130, 131, 132, 169, 197
Плеяды созвездие	71, 72, 79, 93, 135
По Э.....	114
Подосинов А.В.....	13, 96, 98, 154
Полидамант	191
Полихна	181
Понт См. Черное море	
Посейдон	74
Потидея.....	60, 66, 103, 105, 106, 107, 116, 131, 182, 183
Пракситель	33
Причерноморье ...	11, 13, 47, 48, 49, 92, 98, 134, 145, 150
Причерноморье Северное	11, 47, 48, 49, 92, 98, 134, 144, 149
Протей.....	69
Псевдо-Ксенофонт.....	162, 187
Пьерар М.	17

Р

Ренфрю К.....	161, 166
Рим	13, 24, 39, 45, 192
Римская империя	13, 19
Родос	59, 156, 186, 203
Руднев В.И.....	91
Рэкхем О.	10

С

Саламин	110, 167, 192
Саламин Кипрский	167
Салларес Р.	8, 16, 17
Самос	

самосцы	174, 175, 181
Сапфо.....	32, 77
Сардиния	173, 185
Северное полушарие	11, 17, 18, 19, 22, 26, 28, 33, 34, 35, 38, 41, 46, 53, 56, 63
Севф	123, 124
Селевкиды	
селевкидская эра.....	33
Септуагинта	31
Сергеенко М.Е.	135, 136, 184
Симитис К.	9
Симонид Кеосский	76, 78, 80
Ситалк.....	88, 103, 110
Сицилия.....	101, 103, 156, 158, 180, 184, 185, 186, 187, 189, 197
Скандинавия	40, 50
Скиллунт	125
Скиона	182, 183, 184
Скирос	190, 192
Скифия.....	43, 92, 96
Снодграсс Э.	10
Сократ 33, 36, 105, 107, 116, 125, 130, 131, 133, 153, 154	
Сострат	137, 138
Софокл.....	32, 59, 81, 83, 200
Спарта.....	86, 183, 189
Спорады.....	167
Средиземноморье ...	29, 45, 47, 48, 50, 51, 52, 55, 90, 143, 162, 167, 185, 191, 199
Средиземноморье Восточное ...	54, 90, 162, 167, 191
Стира.....	181
Страбон.....	49, 198

Стратановский Г.А.	94, 158, 159, 173, 178, 182, 183, 187, 193
Стрепсиад	116, 153, 154, 155, 169
Стримон	82, 88, 111, 192
Суворов А.В.	45
Сфактерия.....	176, 186

Т

Тевкр	167
Тенос	161, 166, 181
Теофраст См. Теофраст	
Тибет	40
Тигр	189
Тирибаз	120
Тойнби А.	31
Томы	12
Тохталы перевал	61, 119
Троя.....	69, 82, 168
Турция.....	60, 66

У

Уттерстром Г.....	15
-------------------	----

Ф

Фалес.....	32
Фасос.....	60, 66, 91, 92, 104, 107, 109, 110, 111, 112
Февр Л.....	160, 165
Фемистокл	163, 192, 193
Феор	87
Феофраст	9, 67, 135, 136
Фера	180, 203
Фермопилы.....	42

Фессалия.....	59, 191
Фезтет.....	80
Фидий.....	33
Фила.....	108, 117
Филлипсон.....	12
Финикия	
финикийцы.....	177
Финли М.....	184
Фиромах.....	86
Фокея.....	82, 128
Фокида.....	59
Формик.....	85
Фракия... 44, 60, 65, 66, 72, 80, 84, 88, 105, 107, 108,	
123, 129, 137, 198	
Фрасибул.....	108, 117
Фрасонид.....	138
Фролов Э.Д.	100, 109, 110
Фукидид, сын Олора 32, 44, 59, 60, 65, 66, 88, 98,	
99, 100, 101, 102, 103, 106, 107, 108, 109, 110,	
111, 112, 113, 127, 132, 133, 141, 157, 159, 160,	
162, 163, 164, 165, 172, 175, 177, 180, 181, 182,	
183, 184, 185, 186, 187, 188, 192, 193, 197	

X

Халкида.....	135, 181
Халкидика ... 60, 66, 88, 103, 105, 106, 107, 108, 110,	
131, 182, 183, 198	
Хантингтон Э.....	15, 58
Херефонт.....	153
Хиона.....	149
Хиос	
хиосцы.....	174, 175, 181, 188
Хлоя.....	194

Хорнблауэр С.....	14, 157
Хуанхэ долина.....	50
Худ С.....	31

Ц

Цезаря Каппадокийская	28
Цезарь Юлий	33

Ч

Черного моря бассейн	43
Черное море..	12, 43, 44, 61, 62, 65, 67, 104, 119, 198

Ш

Шишова И.А.	96, 97
------------------	--------

Э

Эвбея	23, 154, 155, 168, 169, 173
Эгейский бассейн.....	88, 94, 192
Эгейское море	60, 66, 92, 104, 156, 173, 174, 180, 186, 190
Эгина.....	156, 168, 169, 170, 175, 190, 192
Эгинитис.....	9
Эзоп.....	139, 140, 143, 144
Эйон	109, 111, 192
Элевсин.....	85
Элий Аристид.....	184
Эмар А.	5, 12
Эратосфен.....	49
Эрджияс гора.....	28
Эренберг В.	84
Эретрия	181
Эсхил.....	32, 44, 65, 81, 88, 103, 115

Этьен Р.....	161, 166
Эфес.....	75, 80, 128, 129
Эфиопская земля	95

Я

Янчевецкий Г.А.	125, 127
Ясон	159, 165, 191
Ясперс К.	22, 34

Содержание

Введение: история, климат и география.....	5
I. Климат по естественнонаучным и историческим данным: критика работ В.В. Клименко.....	15
II. Древнегреческие авторы о климате	65
<i>Эпическая поэзия (Гомер и Гесиод)</i>	68
<i>Поэзия</i>	75
<i>Климатические невзгоды в греческих трагедиях</i>	81
<i>Аристофан</i>	84
<i>Гиппократ</i>	90
<i>Геродот</i>	94
<i>Фукидид</i>	98
<i>Ксенофонт</i>	114
<i>Платон</i>	130
<i>Аристотель</i>	133
<i>Феофраст</i>	135
<i>Менандр</i>	137
<i>Басня</i>	139
III. Изображение зимней одежды в древнегреческой вазописи	147
IV. Изучение политической географии островов классической Греции.....	153
V. Фукидид и его современники об островах и островитянах	163

Заключение	197
Приложения	202
<i>Табл. 1. Парфенон в снегу.</i>	202
<i>Табл. 2. Среднемесячные показатели температуры в современной Греции (°C), данные конца XX в.</i>	203
<i>Табл. 3. Климатические данные для Афин (50-70-е годы XX в.)</i>	204
<i>Табл. 4. Изменение климата Земли в эпоху голоцена (тысяч лет назад)</i>	207
Указатель.....	208
Содержание.....	223

Карпюк С.Г.

**Климат и география
в человеческом измерении
(архаическая и классическая Греция)**

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории РАН

Л.Р. ИД №01776 от 11 мая 2000 г.

Подписано к печати 25.01.2010

Формат 60х90

Гарнитура Times New Roman Печать офсетная

Усл.печ.л. 16,8 Тираж 300 экз.

Заказ №

ИВИ РАН Ленинский пр-т, 32-а